

А. В. Колосов

КАМЕННЫЙ ВЕК БЕЛАРУСИ

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2016

Электронный аналог печатного издания:

А. В. Колосов
Каменный век Беларуси
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 112 с. : ил.

ISBN 978-985-568-172-5

В основе пособия лежат результаты многолетнего археологического изучения памятников каменного века на территории Беларуси. Учебный материал охватывает события с момента появления первых групп охотников и собирателей на территории нашей страны до расселения сообществ и культур, знавших керамическую посуду, овладевших навыками земледелия и скотоводства. В пособии последовательно рассмотрены: история изучения эпохи камня, процесс освоения человеком территории Беларуси на протяжении трех древнейших периодов – палеолита, мезолита и неолита.

Книга адресована студентам, преподавателям вузов, всем, кто интересуется историческим прошлым нашей страны.

УДК 903(476)«631/634»(075.8)
ББК 63.4(4Бел)

Колосов, А. В. Каменный век Беларуси [Электронный ресурс] : пособие / А. В. Колосов. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, CD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 3 экз.

212022, г. Могилев
ул. Космонавтов, 1
тел.: 8-0222-28-31-51
e-mail: alexpzn@mail.ru
<http://www.msu.mogilev.by>

ISBN 978-985-568-213-5
(электронное издание)

© Колосов А. В., 2016
© МГУ имени А. А. Кулешова, 2016
© МГУ имени А. А. Кулешова,
электронный аналог, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Каменный век – самый длительный и продолжительный период в истории человечества. Он охватывает события, укладывающиеся примерно в 2,6–2,8 млн лет. Начало эпохи связывают с появлением человека, овладением им навыками изготовления орудий труда, добычи пищи посредством охоты и собирательства, использования огня, создания жилищ. Завершает каменный век период освоения земледелия и скотоводства, изобретения керамической посуды, распространения ткачества, появления первых цивилизаций городского типа.

На протяжении последних двухсот лет усилиями не одного поколения исследователей, работавших и продолжающих работать на территории Беларуси, выявлено и изучено значительное число памятников каменного века. Рост теоретической базы, совершенствование методов полевых исследований, использование новых способов анализа вещевого материала позволили кардинально изменить наши представления о времени, путях и характере заселения человеком территории нашей страны в разные периоды древней истории.

Среди памятников каменного века, изученных белорусскими археологами, есть и те, которые заслуживают отдельного внимания, являются достоянием европейской и мировой археологической науки. К числу таких памятников, например, относится знаменитая стоянка позднего палеолита *Подлужье (Бердыжская стоянка)* на Соже. Она маркирует один из путей миграций древних охотников на мамонта костёнковско-авдеевской культуры позднего палеолита Восточной Европы.

Нельзя не упомянуть о находках уникального археологического комплекса у г.п. *Красносельский* в Волковысском районе Гродненской области. Изучение нескольких десятков шахт по добыче кремня, расположенных рядом с ними мастерских, стоянок, отдельных захоронений человека и животных, иллюстрирует яркие страницы истории, связанной с началом горнодобывающего дела в каменном веке.

Следует вспомнить и о торфяниковых поселениях, исследованных на территории нашей страны. Среди них достойное место занимают стоянки Кривинского торфяника на севере Беларуси – *Осовец-2, Осовец-4, Кривина-1* и др. Хорошая сохранность культурного слоя позволила получить представительную коллекцию артефактов из кости и рога. Отдельные из них демонстрируют примеры неутилитарной деятельности человека эпохи камня, выраженной в предметах искусства, первобытной магии и религии. Учитывая то, что следы далекого прошлого на основной части поселений каменного века Беларуси дошли до нас только в виде находок из камня (кремня), керамики, иногда остатков жилищ, очагов и т.д., значение полученных материалов переоценить трудно.

Этот список памятников можно было бы продолжить, но важно другое. Изучение каменного века Беларуси позволило создать прочную базу источников по отдельным периодам эпохи камня, выделить руководящие признаки той или иной древней культуры, составить сводные археологические карты. Примером тому может служить опубликованный в 2010 г. Е.Г. Калечиц, А.В. Колосовым, В.С. Обуховским свод памятников эпохи палеолита Беларуси, в котором учтены сведения о 356 местонахождениях¹. Хронологический диапазон систематизированных авторами свода данных охватывает события от 100 до 10 тыс. лет назад.

Достойное место в реконструкции первобытной истории занимают данные палеогеографии, рассмотрение условий и механизмов взаимодействия человека и окружающей среды. Исследователи сходятся во мнении, что природа и климат на протяжении каменного века играли ключевую роль в освоении ойкумены, наложили свой отпечаток на развитие материальной и духовной культуры древних сообществ, проживавших на территории Беларуси.

Результаты исследований позволяют нашим и зарубежным ученым проводить сравнительное изучение материалов, полученных в Беларуси, с сопредельными территориями. На основании этого установлено более двадцати археологических культур, позволяющих раскрыть сущность понятия «каменный век» применительно к территории нашей страны и выделить специфику эпохи для отдельных регионов.

Для археолога понятие «археологическая культура» является своего рода инструментом в решении проблем генезиса, хронологии и идентификации материалов, территориального и хозяйственного освоения, этнического содержания эпохи и т.д. Собственно, под *археологической культурой* понимают общность археологических памятников, существовавших на определенной территории приблизительно в одно и то же время, единых по своей материальной и духовной культуре. Отдельные ученые рассматривают археологическую культуру как систему традиций конкретной социальной группы, которая сложилась в определенных исторических условиях и нашла свое выражение в материальных (археологизированных) остатках прошлого, запечатлевших разные виды человеческой деятельности. Общность археологических памятников, единство системы традиций могут фигурировать под другими названиями: «археологический комплекс памятников», «культурный круг», «культурно-историческая общность», «индустрия», «технокомплекс» и т.д.

Любая археологическая культура рассматривается как объективно существующая реальность, связанная с определенной группой населения или народом (этносом). Следовало бы предположить, что те двадцать с лишним выделенных на территории Беларуси культур каменного века демонстрируют этническое многообразие. Однако провести параллели какой-либо культуры эпохи камня с конкретным этносом

¹ *Калечиц, А. Г.* Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечиц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 323 с. : іл., карты.

на основе имеющихся в нашем распоряжении данных, при отсутствии сведений о языковых особенностях (отличиях) первобытных сообществ, проживавших на территории Беларуси, практически невозможно. Археологические источники в большинстве своем здесь безмолвны. Исследователи делают осторожные выводы относительно связи отдельных археологических культур неолита с предками финно-угорского населения, проживавшего на территории Восточной Европы до прихода индоевропейцев. Следовательно, не случайно каменный век Беларуси относят ко времени проживания доиндоевропейского населения².

Остается неизвестным и самоназвание тех групп населения, которые обитали на территории нашей страны в эпоху камня. Поэтому каждой археологической культуре исследователи дают определенное наименование. Оно присваивается: или по эталонному (эпонимному) памятнику, на котором получены наиболее яркие и представительные материалы (например, *кундская* культура по стоянке Кунда в Эстонии), или по территории распространения памятников, бассейнам рек (*днепро-днецкая* культура, *неманская* культура и т.д.), или по отличительной черте вещевого комплекса (культура *шаровидных амфор*).

Но что мы знаем о каменном веке? Основным материалом для изготовления орудий труда в этот период служил камень и одна из его разновидностей – кремень (отсюда и название эпохи – каменный век). Месторождения этого твердого минерала, принадлежащего к группе кварца, известны и на территории Беларуси. Обычно кремень у нас залегает в меловых отложениях и местами выходит на поверхность, как это, например, наблюдается в Посожье. Для своих нужд первобытное население использовало желваки кремня серого или темно-серого цвета, имевшего полосатую структуру (Западное Полесье) или вкрапления мела (бассейн р. Сож). На территории Понеманья и в верховьях Днепра встречается кремень черного цвета. А вот на территории Белорусского Подвинья месторождений кремня практически не известно.

Отсутствие кремня компенсировалось поиском и эксплуатацией других пород камня (кварцит, сланец, песчаник), материалов органического происхождения – кости, рога, дерева. Индустрии отдельных стоянок основаны на использовании приносного кремня, за которым люди каменного века специально могли снаряжать целые «экспедиции» или получать кремневое сырье путем обмена. На территории Беларуси известны примеры использования кремня, принесенного с территории Волыни, Южной Польши, Валдайской возвышенности.

В каменном веке традиционно выделяют три эпохи – *палеолит* (от греч. «палайос» – древний, «литос» – камень; древний каменный век), *мезолит* (от греч. «мезос» – средний, «литос» – камень; средний каменный век) и *неолит* (от греч. «неос» – новый, «литос» – камень; новый каменный век). Начальной и самой продолжительной по времени эпохой каменного века является палеолит. Нижняя его граница – 2,6 млн лет назад (по другим данным – 2,8 млн лет назад). Палеолит приходится на период глобальных изменений климата, происходивших на фоне неоднократных оледенений. Эта эпоха связана с появлением человеческого рода, или рода *Ното*, развитием физического облика его представителей (антропогенез), социальной структуры (социогенез), хозяйства, основ духовной культуры.

Следующая за палеолитом эпоха – мезолит – приходится на первые столетия нашего современного геологического периода (голоцен), начавшегося после окончания последнего оледенения около 10 тыс. лет назад. В мезолите происходит расцвет присваивающих форм хозяйства, основу которого составляли охота, собирательство и рыболовство. Потепление климата, появление видового разнообразия современной фауны способствовало распространению лука и стрел, широкому использованию *микролитов*³ (изделий небольших размеров) и составных орудий труда.

Завершает каменный век эпоха неолита (VIII–VII – III тыс. до н.э.), с которой связывают зарождение производящего хозяйства – земледелия и скотоводства, изобретение керамической посуды, распространение ткачества. В VI–III тыс. до н.э. на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северо-Восточном Средиземноморье появляются первые изделия из металла – меди, ознаменовав тем самым начало нового и переходного периода – *энеолита* (от лат. «энеус» – медный, греч. «литос» – камень) или медно-каменного века. Сегодня существует проблема определения четких границ между неолитом и энеолитом. Ряд специалистов относит к числу энеолитических памятники, на которых присутствуют единичные вещи из металла. Другие исследователи склонны видеть в энеолите период, когда в культурах наблюдается не только использование медных вещей, но и их производство. Однако, несмотря на это, параллельно с сообществами энеолита и бронзового века в ряде районов Европы еще несколько столетий (до начала II тыс. до н.э.) продолжали существовать культуры каменного века.

Основу пособия составляют результаты многолетнего археологического изучения памятников эпохи камня на территории нашей страны. Сведения по отдельным местонахождениям и культурам получены непосредственно автором этих строк. Собранные материалы стали базой для разработки курса лекций, читаемых мною для студентов-археологов университета по целому ряду дисциплин – «Палеолит Беларуси», «Мезолит Беларуси», «Неолит Беларуси», «Каменный и бронзовый века Восточной Европы».

При подготовке пособия был учтен хронологический принцип подачи материала. Начиная с *первой главы*, последовательно будут рассмотрены вопросы становления и развития представлений об эпохе камня

² По этому поводу рекомендую обратить внимание на следующие издания: *Загоруйский, Э. М.* Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры / Э. М. Загоруйский. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 136 с.; *Загоруйский, Э. М.* Начало формирования населения Белоруссии (дославянский период) / Э. М. Загоруйский. – Минск : РИВШГО, 1996. – 46 с.; *Дмитрачков, П. Ф.* Белорусский этнос : истоки, становление и развитие / П. Ф. Дмитрачков. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – 156 с. : ил.

³ От греч. «микрос» – малый, маленький, «литос» – камень. В противоположность понятию о микролитах используют представление о макролитах (от греч. «макрос» – большой), т.е. орудий крупных форм и размеров.

в отечественной науке – с момента поступления первых сведений о находках каменных орудий труда и заканчивая вполне серьезными теоретическими разработками на современном этапе. Следующие главы посвящены характеристике трех периодов каменного века Беларуси – палеолита (глава 2), мезолита (глава 3) и неолита (глава 4). Каждая глава сопровождается рассмотрением условий окружающей среды, которая оказывала влияние на жизнь первобытных людей, особенно в период оледенений, характера развития общества и хозяйства на примере отдельных памятников и археологических культур. Каждую главу завершает раздел «Основные выводы», в который вынесены важные положения по содержанию конкретной темы.

Пособие дополняется рекомендованным списком литературы, что позволит читателю самостоятельно расширить знания по интересующим его вопросам. В этот список включены только основные издания. Он, конечно, «капля в море» среди той ежегодно растущей в геометрической прогрессии литературы, которая вообще существует по каменному веку нашей страны. Поэтому для привлечения внимания читающей аудитории к рассмотрению отдельных проблем эпохи камня, мною приводятся дополнительные издания, ссылки на которые добавлены в текст.

Если говорить конкретно о библиографии по каменному веку Беларуси, то среди опубликованных работ можно указать исследования обобщающего характера, в том числе «Очерки по археологии Белоруссии» (Минск, 1970, ч. 1) и четырехтомное издание «Археологія Беларусі», первый том которого посвящен каменному и бронзовому векам (Минск, 1997). Имеются также издания справочного и энциклопедического характера, отдельные монографические исследования, сведения о которых можно найти в перечне рекомендованной литературы настоящего пособия.

По каменному веку Беларуси есть и учебные пособия. Пожалуй, одной из первых работ в этом направлении можно назвать учебное пособие Э.М. Загоруйского «Археология Белоруссии» (Минск, 1965). В 1977 г. в Минске этим автором была опубликована «Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры». Оба издания оказались своевременными. В сжатой форме они знакомили читателя с результатами археологического изучения территории Беларуси. Работы соответствовали уровню знаний, накопленных к 1970-м гг. по отдельным проблемам древней истории нашей страны. Однако в течение 1980-х гг. белорусскими археологами было получено значительное число новых данных, требовавших уточнений по ряду моментов.

Эту ситуацию попытался исправить В.Ф. Копытин. В 1990 г. в Минске увидело свет его учебное пособие «Каменный век на территории Беларуси». И хотя качество полиграфии издания оставляло желать лучшего, в нем отсутствовал иллюстративный материал – все же это было первое в отечественной историографии учебное пособие, название которого само за себя говорило.

В 2011 г. был предложен новый вариант учебного издания – иллюстрированный конспект лекций «Каменный век Беларусі» (Минск, 2011), автором которого являлся М.М. Чернявский. Конспект подготовлен на основе лекционных курсов, прочитанных ученым для студентов истфака БГУ в 2007–2011 гг. В издании учтены новейшие к тому времени сведения по каменному веку Беларуси, подкрепленные хорошей подборкой иллюстративного материала.

Вопросы заселения территории Беларуси в каменном веке затрагиваются также в первой части пособия С.А. Пивоварчика и Г.Н. Семенчука «Археологія Беларусі. Ад палеаліту да ранняга сярэднявечча» (Гродна, 1996). Сведения о каменном веке также отражены в изданиях по истории Беларуси, среди которых можно назвать первый том пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР» (Минск, 1972), а из более современных – первый том шеститомной «Гісторыі Беларусі» (Минск, 2007), учебные пособия могилевского историка П.Ф. Дмитрачкова⁴ и др.

При подготовке пособия стало очевидным, что одними материалами, полученными только на территории Беларуси, вряд ли можно ограничиться. Поэтому при рассмотрении отдельных проблем каменного века я часто буду ссылаться на результаты исследований сопредельных регионов. В противном случае, сложно, например, было бы понять: каким образом человек появился на территории Беларуси, как происходило развитие его культуры, какие отношения складывались с соседями? Представление о каменном веке, взгляд на отдельные периоды этой эпохи, ее культурное содержание, хронология формировались отнюдь не изолированно. Они всегда учитывали (и будут учитывать) передовой опыт, достижения европейской и мировой археологической науки, правда, с поправкой на специфику региональных материалов, внедрение результатов собственных научных исследований.

Считаю своим долгом выразить слова искренней благодарности главному научному сотруднику Института истории НАН Беларуси, доктору исторических наук, профессору Е.Г. Калечиц; заведующему кафедрой всеобщей истории МГУ имени А.А. Кулешова, доктору исторических наук, профессору Я.Г. Риеру; доценту кафедры археологии и специальных исторических дисциплин БГУ, кандидату исторических наук А.В. Войтович; заведующему учебной лабораторией музейного дела исторического факультета БГУ, старшему преподавателю кафедры археологии и специальных исторических дисциплин В.М. Сидоровичу за ценные замечания и пожелания, которые помогли мне в работе над совершенствованием текста настоящего пособия.

⁴ См., например: *Дзмітрачкова, П. Ф.* Старажытная гісторыя Беларусі : вучэбна-метадычны дапаможнік / П. Ф. Дзмітрачкова. – Могилёў : Выдавецтва МДУ імя А. А. Куляшова, 1999. – 40 с.; *Дзмітрачкова, П. Ф.* Белорусский этнос : истоки, становление и развитие / П. Ф. Дмитрачкова. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – 156 с. : ил.; *Дзмітрачкова, П. Ф.* История Беларуси. С древнейших времен до конца XVIII в. : учебно-методический комплекс для студентов исторических специальностей / П. Ф. Дмитрачкова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 356 с.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Процесс накопления сведений о каменном веке Беларуси прошел длительный путь своего развития: от первого упоминания о находках каменных орудий труда, попыток их осмысления до разработки хронологии и периодизации памятников, проблем культурного содержания эпохи. В изучении каменного века нашей страны можно выделить несколько этапов, каждому из которых был свойственен свой уровень научного изучения, свои способы познания накопленных данных. В определенной мере это зависело от числа и характера поступавших в распоряжение ученых источников, методов исследования памятников, интерпретации полученных материалов.

Тема 1.1

Начало изучения каменного века в Беларуси. Первые сведения о памятниках в XIX – начале XX в.

Началу становления интереса к археологии на белорусских землях и формирования взглядов на каменный век, в частности, предшествовал этап коллекционирования находок⁵. Еще в XVI в. сбор раритетов, в том числе и археологических, был широко распространен среди представителей именитых тогда в Речи Посполитой магнатских и шляхетских родов – Радзивиллов, Сапегов, Храповичей, Пацев, Тызенгаузов. Это были, порой, представительные коллекционные собрания, которые бережно хранились в специально устроенных для этого «кабинетах», а со второй половины XVIII в. – музейных экспозициях отдельных учебных заведений в Полоцке, Гродно, Минске.

«Кабинеты» включали собрания редких документов, художественных произведений, орденов, медалей, монет, карт, горных пород и др. Среди находок встречались останки ископаемых животных и отдельные орудия труда из камня, что не могло быть незамеченным любителями древностей. В начале XIX в. пришло осознание важности и незаменимости археологических данных в изучении древнейших периодов истории (*З. Доленга-Ходаковский*), а в 1830–1840-е гг. эта идея подкреплялась сведениями о находках орудий, сделанных из камня (*Т. Нарбут, С.С. Куторга*).

Определенную роль в становлении представлений о каменном веке сыграли Виленский музей (музеум) древностей (1856–1865) и действовавшая при нем временная Археологическая комиссия. Инициаторами создания музея были братья *Константин* и *Евстафий Пиевичи Тышкевичи*. Еще в 1840-е гг. Е.П. Тышкевич посетил ряд музеев в Северной Европе, ознакомился там с археологическими собраниями и обратил внимание на принцип экспонирования находок, в основу которого была положена «система трех веков».

Ее автором являлся хранитель Музея северных древностей в Копенгагене *Кристиан Юргенсен Томсен*. Работая с археологическими коллекциями в музее, К.Ю. Томсен обнаружил различие в находках по форме, материалу и способам их изготовления: для одних вещей был использован камень, другие сделаны из металла – бронзы и железа. Следовательно, такое разнообразие, как полагал К.Ю. Томсен, может свидетельствовать о разных периодах древней истории, соответствовавших каменному, бронзовому и железному векам⁶.

Свои идеи К.Ю. Томсен изложил в «Путеводителе по северным древностям» (1836), а сама «система трех веков» стала основой для разработки археологической хронологии и периодизации. «Система» нашла горячий отклик в научных кругах Европы, в том числе среди ученых и краеведов Виленского края. Именно такой принцип группировки археологического материала был взят на вооружение братьями Тышкевичами для создания экспозиции Виленского музея древностей, тем более что собранные ими и их современниками материалы позволяли говорить о трех «томсеновских» периодах относительно местной истории.

Находки топоров, молотков, булав, сделанных из камня и представленных в экспозиции музея, отражали самый древний период и способствовали утверждению понятия «каменный век» приме-

⁵ В связи с этим рекомендую обратить внимание на работы следующих авторов: *Каханоўскі, Г. А.* Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г. А. Каханоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 120 с.; *Алексеев, Л. В.* Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев. – Минск : Беларус. навука, 1996. – 206 с.

⁶ Мысль о том, что основные этапы истории человечества связаны с последовательным употреблением ведущих материалов – камня, меди и железа – была высказана еще в античное время. Не подкрепленная какими-либо фактами, до начала XIX в. идея «о трех веках» оставалась голословной.

нительно к местным материалам. Основываясь на «системе трех веков», Е.П. Тышкевич дал описание каменных орудий труда, найденных в Виленском крае. Он констатировал: вещи из камня по времени предшествуют находкам из бронзы, а изделия из бронзы – железным. Подобных взглядов придерживались К.П. Тышкевич, И.И. Крашевский, А. Киркор и др.

Свое применение «система трех веков» нашла в разработке периодизации памятников и классификации вещевого материала, полученного даже в результате изучения курганных захоронений. Так, по мнению И.И. Крашевского, курганы с труположением в каменных гробах являются наиболее ранними. Такого же мнения придерживался и А. Киркор. Здесь, как видим, очевидна попытка считать все наиболее древним, что содержало в своем контексте камень или было из него изготовлено.

Для обоснования каменного века все же привлекались сведения о находках орудий из камня – преимущественно шлифованных и сверленных топоров. Народная молва им тогда традиционно приписывала «небесное» происхождение. Их так и называли – «громовые стрелы», что подкреплялось верой в целебные свойства этих загадочных для народа артефактов. По этому поводу, например, еще в 1893 г. Н.П. Авенариус, обнаруживший 125 каменных топоров в окрестностях д. Эсьмоны (совр. Бельничский район Могилевской области), писал, что для местных крестьян они являлись настоящей *«панацеей против всевозможных болезней. Наружные болезни лечатся притиранием больного места топором, а внутренние приемом воды, пролитой сквозь сверлину топора...»*⁷

Отношение ученых к «громовым стрелам» было иное. Еще в XVI в. были высказаны сомнения об их сверхъестественном происхождении (М. Меркарти). Мнение о том, что находки каменных орудий созданы рукой человека и относятся к древним временам, окончательно утвердилось в европейской науке в XVIII в.

Однако к 1860-м гг. стало очевидным, что одними случайными находками каменных орудий решить задачу о времени появления самого человека на северо-западе Российской империи невозможно. К этому времени в Европе был сделан значительный шаг на пути изучения каменного века. Еще в 1834 г. учитель из Бордо Франсуа Ватар де Жуане обратил внимание на характер обработки каменных орудий, собранных в Перигоре (юго-запад Франции). Одни из них были изготовлены путем оббивки, другие имели более совершенную форму, заданную полировкой поверхности изделий. Учитель из Бордо предположил, что грубооббитые орудия могут быть предшественниками полированных.

Эта версия была развита в работах еще одного французского любителя древностей, с которым связывают открытие палеолита во Франции – Жака Буше де Перта. За несколько лет он обследовал ряд местонахождений в долине р. Сомма (окрестности г. Аббевиль, Франция) и собрал более тысячи кремневых орудий. Результаты своих изысканий Ж. Буше де Перт опубликовал в трехтомном капитальном издании – «Кельтские и допотопные древности» (1847), «Допотопные древности» (1857) и «Дилювиальные топоры» (1864).

Впервые утверждалась мысль, что «дилювиальный»⁸ человек на территории Франции являлся современником ископаемых животных – мамонта, шерстистого носорога, бизона, северного оленя. В качестве доказательства столь раннего существования человека Ж. Буше де Перт привел находки грубооббитого камня, залегающие совместно с костными останками вымерших животных, а также изображения этих животных на кости. Окончательно идея о сосуществовании человека с ископаемыми животными была утверждена английским геологом Чарльзом Лайелем в работе «Геологические обоснования древности человека» (1863).

Таким образом, в каменном веке было выделено два периода: ранний из них связывался с существованием «допотопного» человека или «Человека Природы», как называл его сам Ж. Буше де Перт, поздний – с кельтами. «Допотопный» период характеризовался орудиями, обработанными путем оббивки, период кельтской культуры был связан с появлением полированных изделий. В 1865 г.

Е. П. Тышкевич

⁷ Заметка Н.П. Авенариуса об его раскопках в Минской губернии в 1889 и 1890 годах // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. – Вильно, 1893. – С. 42–43.

⁸ В переводе с латинского «diluvia» означает «потоп», т.е. «дилювиальный» в буквальном смысле – «времен всемирного Потопа».

английский ученый, сэр Джон Леббок в своей книге «Доисторические времена, иллюстрированные древними остатками и обычаями современных дикарей» дал этим двум периодам каменного века соответствующие названия. Период оббитого камня стал именоваться «палеолитом», период полированного камня – «неолитом». В 1870–1880-е гг., с открытием в Западной Европе серии стоянок с микролитами, в периодизацию каменного века была включена мезолитическая эпоха.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. формирование взглядов на каменный век происходило под влиянием эволюционизма – учения, в основе которого лежит идея о роли прогресса в развитии явлений природы⁹. Открытие различных форм деятельности первобытного человека, отраженных в каменных орудиях, типах жилищ, произведениях искусства, погребальной обрядности и т.д., позволило французским и английским ученым (Дж. Леббок, Э. Ларте, Г. Кристи, Г. де Мортилье, Э. Пьетт и др.) детализировать периодизацию эпохи камня и разработать классификацию археологических источников. Понятие о каменном веке в европейской науке выходило на качественно новый уровень знаний, а сам период становился предметом изучения отдельного раздела науки – первобытной («доисторической») археологии.

Вместе с тем в научных кругах сложилось мнение, что европейская часть Российской империи, в отличие от Западной Европы, была освоена первобытным человеком значительно позже¹⁰. В качестве доказательства отдельные авторы ссылались на все те же находки каменных топоров, возраст которых соответствовал «неолитическому периоду». К тому же открытие свайных поселений эпохи неолита – бронзового века в Швейцарии (1854) с полированными орудиями из камня де-факто подкрепляли идею о позднем возрасте находок, собранных в России. Следовательно, перед отечественными исследователями назрела необходимость поиска соответствующих материалов, которые могли свидетельствовать о существовании человека до начала «неолитического периода».

После закрытия Виленского музея древностей (1865) буквально через 4 года – в 1869 г. – в Москве был созван Первый археологический съезд¹¹. На съезде стало очевидным, что *«решение вопроса об отнесении... доисторических древностей... имеет значение не только научное, но и политическое. Признание наших местных древностей национальными тесно связано с признанием доисторического туземства...»*¹². И далее: *«у нас должны быть свои национальные памятники того времени (т.е. доисторической эпохи – прим. авт.), и задачи современной археологии отыскать и указать их»*¹³.

На съезде была предложена программа по сбору информации для создания археологических карт по уездам и губерниям. В этом отношении интересный доклад был сделан могилевским исследователем старины *Петром Муромцевым*. Ссылаясь на свой опыт составления этнографических карт, он предложил картографировать памятники археологии, указал на важность изучения местонахождений каменных орудий для поиска более древних поселений и изучения вопроса о первоначальном заселении края.

В качестве примера П. Муромцев привел сведения о свайных поселениях эпохи неолита – бронзового века в Швейцарии и предположил, что подобного рода памятники следует искать и на территории Могилевской губернии. *«У нас, – пишет П. Муромцев, – есть большие озера..., много болот в северной и южной части губернии и высохших речных рукавов (старый Сож и другие), которые мы называем стариками, где вовсе не производилось еще никаких разысканий, но которые, быть может, составляют богатые археологические области в нашей местности, свято сохраняя остатки древнего быта человека в период свайных построек»*¹⁴.

Таким образом, доклад П. Муромцева стимулировал начало поиска памятников, в том числе относящихся к каменному веку, создания археологических карт с указанием точного местонахождения

⁹ Существует мнение (Л. Клейн), что элементы эволюционизма в научных исследованиях присутствовали всегда, но только после выхода в свет трудов английского естествоиспытателя Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871), учение о поступательном развитии явлений окружающей действительности приобрело вид стройной научной и методологической системы.

¹⁰ Например, датский археолог *Йенс Якоб Ворсо* в своей книге «Северные древности королевского музея в Копенгагене» (1861) подчеркивал невозможность раннего заселения человеком Русской равнины из-за существовавших здесь долгое время оледенений.

¹¹ Всего за историю дореволюционной России было организовано 15 таких съездов. Они проходили раз в три года, созывались в разных городах европейской части Российской империи и способствовали решению общих (теоретических) и частных (региональных) проблем археологии. Перед началом каждого съезда создавался Предварительный комитет, в задачи которого входила разработка программы и вопросов для обсуждения. Съезд открывался специально организованной выставкой, которая отражала результаты и достижения археологии, способствовала привлечению внимания научного сообщества к древностям на местах.

¹² Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869 / Под ред. А.С. Уварова. – Москва, 1871. – Т. 1. – С. LXXXVIII.

¹³ Там же.

¹⁴ *Муромцев, П.* Составление археологических карт, чертежей и т.п., между прочим такой карты, на которой были бы обозначены лишь места битв, с указанием: когда и с кем они происходили, а также раскопок, если такие были произведены / П. Муромцев // Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869; под ред. А.С. Уварова. – Москва, 1871. – Т. 1. – С. 120.

находок и подробным их описанием. Уже в 1871 г. поступают первые сведения о находках орудий из камня, обнаруженных *Я. Завишей* на озере Свитязь. Палеолитический и мезолитический возраст собранных на Свитязе находок сомнений сегодня не вызывает. Собственно, Я. Завиша был одним из первых, кто заинтересовался проблемой первоначального заселения бассейнов Вилии, Немана и Днепра.

Начиная с 1870-х гг. поиском следов человека эпохи камня был охвачен практически весь Северо-Западный край, к которому тогда относилась территория Беларуси. В частности, в бассейне р. Неман свои изыскания вели *З. Глогер*, *М. Федоровский*, *В.А. Шукевич*, *Ю. Ядковский* и др. Сведения о памятниках каменного века встречаются в опубликованных *Ф.В. Покровским* археологических картах Виленской (1893) и Гродненской (1895) губерний. По сути, этими исследователями была заложена база источников в изучении первобытной эпохи северо-западной Беларуси, сделана попытка хронологического деления собранных материалов (*В. Шукевич*).

В результате работ *В.Б. Антоновича*, *М. Якимовича*, *Е.Р. Романова* и др. в конце XIX – начале XX в. памятники каменного века стали известны в Припятском Полесье. Поиск стоянок каменного века в долине р. Западный Буг был осуществлен *Н.Ф. Беляшевским*.

С 1860-х гг. активизируется работа по сбору материалов для археологической карты Витебской губернии. Здесь нельзя обойти вниманием деятельность *А.М. Сементовского* (*Сементовского-Курилло*), *А.П. Сапунова*, *В.А. Шукевича*. Их исследования позволили восполнить пробел в изучении первобытной эпохи севера Беларуси.

Несомненный интерес в плане изучения каменного века Витебского края представляют материалы *М.Ф. Кустинского*. Начиная с 1850-х гг. он вел изучение памятников археологии своего родного Лепельского уезда. В итоге *М.Ф. Кустинский* собрал огромную коллекцию находок, составил картотеку обследованных памятников и начал подготовку археологической карты края. Но, к сожалению, большая часть полученных *М.Ф. Кустинским* материалов осталась неопубликованной. Находки лепельского краеведа часто использовались в качестве иллюстрации «доисторического периода» в публикациях других авторов. Собранный *М.Ф. Кустинским* коллекция каменных топоров, долот, булав свидетельствовала о присутствии в Витебском Подвинье более ранних по времени памятников, чем городища и курганы.

В 1870-е гг. разворачиваются работы по сбору материалов к археологической карте Могилевской губернии, в том числе относящихся к каменному веку. С середины 1880-х гг. в публикациях *А.Н. Лоначевского*, *Н.Ф. Беляшевского*, *Е.Р. Романова*, *В.Е. Данилевича*, *М.Ф. Фурсова*, *С.Ю. Чоловского* и др. появляются сведения о местонахождениях с находками каменных (кремневых) орудий, обнаруженных на территории губернии.

Древность собранных находок отдельных стоянок уже тогда привлекла внимание исследователей. Примером тому может служить дюнная стоянка у д. Романовичи на р. Ипуть (левый приток Сожа). Собранный на этом памятнике коллекция находок позволила включить его в «число стоянок человека палеолитического периода»¹⁵.

Отдельные местонахождения, на что обращали внимание исследователи, сопровождалась палеонтологическими находками. В частности, *Е.Р. Романов* в своих работах упоминает о находках костей мамонта и «отбивных» кремневых орудий в окрестностях д. Бердыж, где впоследствии будет обнаружена позднепалеолитическая стоянка.

Появление значительного числа источников по каменному веку Северо-Западного края потребовало соответствующего их осмысления, разработки относительной хронологии памятников (*Е.Р. Романов*, *А.А. Спицын*, *В.А. Шукевич*). Так, *Е.Р. Романов*, характеризуя материалы по археологии Гомельского уезда, выделил две группы стоянок. Одна из них датировалась палеолитом, вторая – неолитическим периодом. К числу палеолитических местонахождений *Е.Р. Романовым* были отнесены стоянки с «отбивными» орудиями. Гранью между палеолитом и неолитом, по мнению ученого, считалось появление шлифованных и сверленых орудий из камня. Как видим, *Е.Р. Романов* учитывал передовой опыт, накопленный к тому времени в археологии каменного века Европы.

Е. Р. Романов

¹⁵ *Романов, Е. Р.* Археологический очерк Гомельского уезда / *Е. Р. Романов* // Записки Северо-Западного Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Вильно, 1910. – Кн. 1. – С. 98.

Естественно, многие положения, высказанные дореволюционными авторами, не выдержали проверку временем и оказались ошибочными, что свойственно на этапе накопления знаний. К тому же уровень методологии первобытной археологии этого времени был достаточно низким: все рассуждения о каменном веке базировались исключительно на подъемном материале. Вот и получалось, что коллекции некоторых «палеолитических» местонахождений, описанных Е.Р. Романовым, сопровождалась находками керамической посуды. В свою очередь, шлифованные и сверленные орудия (а речь шла преимущественно о каменных топорах и молотках), являвшиеся признаком «неолитического периода», впоследствии стали хронологическим и культурным индикатором бронзового века.

Вместе с тем постановка вопроса о палеолитическом возрасте заселения края позволила опровергнуть мнение западноевропейских ученых о столь позднем заселении Восточной Европы, что подтверждалось материалами, собранными, в том числе и на территории Беларуси. Знаменитое выражение Е.Р. Романова о том, что «*появление человека на территории нашего Северо-Западного края должно быть отнесено к очень отдаленной эпохе*»¹⁶, – определило перспективы для будущего поколения исследователей и способствовало активизации работ, направленных на поиск и изучение памятников соответствующих периодов.

В конце XIX в. А.А. Спицын также обобщил накопленный материал по археологии отдельных губерний Северо-Западного края, начиная от каменного века и до эпохи средневековья. Впоследствии им была дана оценка работам дореволюционного поколения исследователей в публикации «Литовские древности» (1925)¹⁷. Ссылаясь на коллекционные сборы и публикации Е.Р. Романова, А.А. Спицын еще раз подтвердил палеолитический возраст отдельных находок и высказал идею о культурном многообразии каменного века на территории Верхнего Поднепровья.

Тема 1.2

Каменный век Беларуси в исследованиях межвоенного периода (1920–1930-е гг.)

Итак, как было отмечено ранее, предшествующий период связан с началом изучения каменного века на территории Беларуси. Однако основная часть исследований сводилась к описанию вещевого материала и редко к его научной интерпретации. Работы носили эпизодический характер и были связаны в первую очередь с изучением визуально отличимых памятников на местности – курганов и городищ.

Одной из причин сложившейся ситуации являлось отсутствие научных учреждений в крае, которые бы могли координировать проведение археологических работ. Не было здесь и высших учебных заведений, связанных с подготовкой специалистов соответствующего профиля. Свое пагубное дело довершили начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война и последовавшие за ней политические события в России 1917 г. и гражданская война. К тому же после подписания Рижского мирного договора (1921) западная часть Беларуси оказалась в составе Польши.

Начало межвоенного периода в историографии отечественной археологии связывают с организацией первых научных учреждений¹⁸. Ему предшествовал этап создания белорусской государственности вначале в рамках Литовско-Белорусской ССР, а затем Белорусской ССР в 1919 г. С этого времени начался процесс формирования разных отраслей экономики, в том числе науки и образования. В связи с этим в 1919 г. Народный комиссариат образования Литовско-Белорусской ССР подписывает указ о создании *археологической комиссии*, главной целью которой была организация научного поиска и изучения памятников археологии.

Однако до образования Белорусской Академии наук (1929) структурные подразделения, координировавшие археологические исследования, не раз меняли свой состав и направление деятельности. Так, уже в 1921 г. археологические работы проводятся под началом *гуманитарной секции научно-терминологической комиссии*, созданной при Академическом центре Наркомпроса БССР.

После открытия Института белорусской культуры (Инбелкульт) в 1922 г. археологические изыскания стала курировать *гуманитарная секция*, а с 1925 г. – *историко-археологическая комиссия*,

¹⁶ Романов, Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда / Е. Р. Романов // Записки Северо-Западного Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Вильно, 1910. – Кн. 1. – С. 98.

¹⁷ Спицын, А. Литовские древности / А. Спицын // Tauta ir Žodis: Humanitarinių Mokslų Faculteto leidinys; red. prof. V. Krėvė Mickevičius. – Kaunas: Valstybės Spaustuve, 1925. – Кн. III. – Psl. 112–171.

¹⁸ Более подробно о развитии археологии Беларуси в межвоенные годы см.: Вяргей, В. С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР: 1919–1941 гг. / В. С. Вяргей. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.

которую возглавил М. Довнар-Запольский. Но буквально через два года – в 1927 г. – *историко-археологическая комиссия* была реорганизована и на ее месте создана просто *археологическая комиссия* отдела гуманитарных наук, переименованная в 1928 г. в *кафедру археологии*, а еще через год – в 1929 г., после преобразования Инбелъкульта в Белорусскую Академию наук (БАН), – вновь в *археологическую комиссию*. Окончательно структурные преобразования БАН были завершены в 1930 г. При ней были созданы научные институты, в том числе и Институт истории, в котором до начала Великой Отечественной войны работала *секция археологии*.

1920–1930-е гг. стали временем организации целенаправленного поиска и изучения памятников разных периодов древней истории, разработки терминологического словаря по археологии на белорусском языке, подготовки материалов для археологической карты БССР, создания библиографического справочника (С.А. Дубинский). Только в межвоенное время усилиями ученых, краеведов-энтузиастов было организовано около 50 комплексных экспедиций.

В эти годы выделяется плеяда талантливых исследователей – А.Н. Лявданский, К.М. Поликарпович, А.Д. Коваленя, С.А. Дубинский и др. Именно им в итоге экспедиционных работ было суждено решать поставленные предшествующим поколением археологов задачи, делать новые открытия, обозначить перспективные направления в развитии отечественной археологии в послевоенные годы.

Свою роль в изучении каменного века сыграли краеведческие организации, которые с 1920-х гг. вели поиск и изучение памятников, принимали участие в экспедициях. Среди них особое значение принадлежит краеведческим организациям Минского, Могилевского, Оршанского, Калининского округов, а среди краеведов того времени можно назвать имена С.С. Шутова, А.О. Рынейского, И.Х. Ющенко, М.Н. Конвисарова, И.Р. Колодкина, А.Л. Аниховского, Д.М. Василевского, А.А. Немцева и др.

Одной из первоочередных задач, стоявших перед исследователями – решение проблемы заселения территории БССР в каменном веке. Особенно остро стоял вопрос определения временных рамок появления здесь первобытного человека. Тех источников, которыми располагала археология предшествующего периода, явно не хватало.

Заслуга в решении этих проблем принадлежит *Константину Михайловичу Поликарповичу*¹⁹. Он с 1924 г. начинает планомерное изучение памятников каменного и бронзового веков в Посожье. К.М. Поликарпович был хорошо знаком с открытиями дореволюционных археологов в этом регионе и понимал перспективу поиска следов человека «очень отдаленной эпохи». К тому же, исследователь был родом из д. Белая Дуброва²⁰, расположенной на живописном берегу р. Беседь, левого притока Сожа, что не могло не повлиять на выбор территории проведения работ.

Реализация поставленной цели не заставила себя долго ждать. В 1926 г. недалеко от д. Подлужье Чечерского района Гомельской области К.М. Поликарпович открывает стоянку позднего палеолита²¹. В литературе этот памятник известен еще как «Бердыжская стоянка» – по названию одноименной деревни, расположенной в трех километрах от Подлужья. Именно здесь еще в дореволюционные годы находили обработанный кремь и кости мамонта. Обнаруженный же К.М. Поликарповичем у д. Подлужье археологический и палеонтологический материал во время пробных раскопок (1926) не только подтвердил этот факт, но и стал своего рода научной сенсацией, привлек внимание специалистов соответствующего профиля.

В разные годы на стоянке побывали археологи С.Н. Замятнин, который в 1927 г. руководил здесь раскопками, С.А. Дубинский, А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя, Г.А. Бонч-Осмоловский, краеведы И.Х. Ющенко и С.С. Шутов, геолог Г.Ф. Мирчинк, палеонтолог В.И. Громов. Но все же признанным исследователем стоянки Бердыж (Подлужье-1) следует считать К.М. Поликарповича, который,

К. М. Поликарпович

¹⁹ Более подробно о жизненном и творческом пути К.М. Поликарповича см.: Чубур, А. А. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики / А. А. Чубур. – Минск : Белорус. наука, 2009. – 216 с. : ил. – (Серия «Люди белорусской науки»).

²⁰ Ныне находится в Костюковичском районе Могилевской области.

²¹ Существует мнение, что палеолитическая стоянка Подлужье была открыта случайно, о чем пишет Е.Г. Калечиц в своем популярном очерке «Першыя людзі на зямлі Беларусі» (2007, с. 32). Произошло это во время беседы К.М. Поликарповича с местным жителем – пастухом, который, как оказалось, сидел на черепе мамонта. Детальный осмотр этой находки и дальнейшее изучение обнажения оврагов высокой береговой террасы близ урочища Колодежки подтвердили предположения К.М. Поликарповича о существовании древней стоянки.

вплоть до 1954 г. с перерывами вел раскопки этого памятника и получил неоспоримые свидетельства обитания человека в ледниковое время, а, вернее, в начале заключительной стадии максимального похолодания последнего валдайского (поозерского) оледенения. Находки из кремня были отнесены К.М. Поликарповичем к стадии позднего ориньяка²².

Буквально через два года – в 1928 г. – учитель из Юровичей (Калинковичский район Гомельской области) Ю.Ю. Попель сообщил о находке кости мамонта, обнаруженной им в деревне. Обследование местонахождения и первые его раскопки К.М. Поликарповичем в 1929 г. подтвердили открытие второго позднеледникового памятника на территории БССР. Как и стоянка Бердыж, Юровичское местонахождение сразу вызвало интерес среди исследователей. В раскопках памятника (1929 и 1931 гг.) принимали участие археологи и краеведы А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя, С.А. Дубинский, С.С. Шутов, палеонтолог Г.Э. Гиттерман. Геологическое изучение провел Г.Ф. Мирчинк. Была собрана немногочисленная коллекция (всего около трех десятков) обработанного кремня и кости вымерших животных – в основном мамонта и лошади. Полученные материалы позволили датировать стоянку Юровичи позднеориньякским временем (К.М. Поликарпович) и отнести время появления памятника к началу последней стадии валдайского оледенения (Г.Ф. Мирчинк).

В 1920-е гг. появляются сведения о более древних, чем Бердыж и Юровичи, находках. В 1928 г. во время раскопок той же стоянки Бердыж К.М. Поликарпович обнаружил «небольшое мустьерское рубило» или, как теперь его называют – «скребло-нож». Орудие действительно имело более архаичный (мустьерский²³) характер обработки и было покрыто патиной коричневого цвета²⁴.

В 1929 г. недалеко от д. Светиловичи (Ветковский район Гомельской области), в урочище Каменная Гора, местный учитель П.Н. Чайковский обнаружил остроконечник. Поверхность изделия была сильно окатана и патинирована, но мустьерский облик находки сомнений не вызывал.

В 1929 г. К.М. Поликарпович в верховьях оврага Кончанский Ров у д. Клеевичи Костюковичского района Могилевской области обследовал местонахождение бивня мамонта, сообщение о котором ученый получил годом ранее. В Клеевичах К.М. Поликарпович обнаружил несколько кремневых артефактов мустьерского облика. Однако в последующие годы (1930, 1934, 1949, 1951), кроме находок костей мамонта и дикой лошади, осколков кремня, не имевших каких-либо признаков искусственной обработки, ничего, что позволяло бы говорить о присутствии здесь палеолитической стоянки, обнаружено не было. Мустьерское местонахождение Клеевичи пришлось закрыть, но ненадолго, о чем будет сказано далее.

Следует отметить, что результаты экспедиционных работ межвоенного периода оказались довольно плодотворными. Кроме Посожья, до начала 1940-х гг. были обследованы бассейны Днепра, Друти, Припяти, Березины и Западной Двины. На археологическую карту Беларуси было нанесено около 800 новых памятников каменного и бронзового веков. Среди них будут и те стоянки, которые в ходе дальнейшего изучения станут опорными для характеристики отдельных культурных явлений эпохи камня – Горки, Гренск, Журавель, Криничная, Печенеж и др. На некоторых стоянках – Журавель (1934) и Кривина (1934, 1939) – К.М. Поликарповичем были проведены небольшие раскопки.

Результаты работ ученых и краеведов активно обсуждались на страницах трех томов «Прац» (1928, 1930, 1932)²⁵, «Гістарычна-археалагічнага зборніка» (1927)²⁶, периодической прессе и специально созданном краеведческом журнале «Наш край» (с 1930 г. – «Савецкая краіна»).

На основе поверхностных сборов, полученных в итоге изучения памятников, был предложен новый концептуальный подход, призванный показать преемственность и непрерывность исторического процесса в духе распространившегося в 1930-е гг. стадийного подхода. Суть его сводилась к понятию, что на определенном историческом этапе (стадии) существовал свой уровень общественного и экономического развития. В археологии уровень развития материальной культуры был отражен в распространении определенного набора (типа) вещей. Сама культура представляла как единый процесс замещения одной стадии другой, более совершенной по своему уровню общественного, технического и хозяйственного развития.

²² Ориньяк – культура раннего этапа позднего палеолита (30 – 20 тыс. лет назад), названная по стоянке в гроте Ориньяк (Франция).

²³ Мустье – один из периодов эпохи палеолита (250 – 40 (35) тыс. лет назад). Получил свое название по пещерной стоянке Ле Мустье во Франции. По времени эпоху мустье связывают с обитанием неандертальцев.

²⁴ Эта находка мотивировала К.М. Поликарповича на поиск у д. Подлужье более раннего поселения. По сведениям ученого, в 1953–1954 гг. здесь во время раскопок ему удалось собрать более тысячи кремневых артефактов мустьерского облика. Однако вопрос о присутствии на памятнике мустьерского горизонта находок приобрел дискуссионный характер: от признания собранных материалов, но характеризующих не эпоху мустье, а раннюю пору позднего палеолита (В.Д. Будько) до полного отрицания возможности отнесения обнаруженных К.М. Поликарповичем находок к числу артефактов (Е.Г. Калечиц).

²⁵ Имеются в виду три тома сборников научных трудов «Працы катэды археалёгіі» (1928), «Працы археалёгічнай камісіі» (1930) и «Працы сэкцыі археалёгіі» (1932).

²⁶ Издание этого сборника возобновлено в 1993 г.

На основании этого К.М. Поликарпович в каменном веке между палеолитом и неолитом выделил переходную стадию эпилепалеолита²⁷, ставшую впоследствии эквивалентом понятия «мезолит». Правда, К.М. Поликарповича можно назвать одним из первых исследователей в отечественной историографии, кто употребил в своих публикациях термин «мезолит»²⁸. Однако применительно к изученным памятникам среднего каменного века ученый все же оперировал понятием «эпилепалеолит».

В основу рассуждений К.М. Поликарповича была положена западноевропейская (французская) схема периодизации памятников, поэтому и стадии получили соответствующие названия. Так, в развитии эпилепалеолита К.М. Поликарпович выделил три стадии – азиль (свидерская)²⁹, тарденуаз и кампиньи³⁰. Не исключалась также вероятность присутствия в Посожье памятников типа маглемозе³¹. Ранняя азильская (свидерская) стадия определялась К.М. Поликарповичем по находкам наконечников стрел «со стерженьком», резцов, скребков «на конце узких пластинок» и скребков высокой формы.

Стадия тарденуаз знаменовала собой этап распространения микролитов, о чем свидетельствовали, как полагал К.М. Поликарпович, находки «трапециевидных форм наконечников стрел и небольших остриев в виде пластинок с оббитым краем»³². Граница распространения тарденуазских памятников К.М. Поликарповичем проводилась четко по линии Брянск – Чериков – Новый Быхов – р. Друть и далее она уходила на запад в сторону Виленщины.

Завершала мезолитическую эпоху стадия кампиньи, которая, по сути, находилась «на границе мезолита и неолита (протонеолит)»³³. Эта стадия, по мнению К.М. Поликарповича, хорошо была представлена на стоянках Посожья и определяла начало формирования культуры макролитического облика. В качестве доказательства К.М. Поликарпович ссылаясь на характерные для культуры кампиньи орудия типа «овальный пик, в одном случае транше, ... грубые резцы»³⁴.

Новый взгляд присутствовал и в интерпретации материалов эпохи неолита. Основываясь на материалах Посожья, К.М. Поликарпович предложил ранжирование памятников по находкам керамики и ее орнаментации. В итоге в неолитическом периоде были выделены три группы памятников, определявших облик отдельных культур: 1) стоянки с ямочной керамикой; 2) стоянки с так называемым «лапчатым» орнаментом³⁵ и 3) стоянки с гребенчатым (зубчато-чеканным) орнаментом³⁶. Последняя группа, по данным К.М. Поликарповича, была наиболее представительной и демонстрировала широкие связи с неолитом Смоленского Поднепровья и Черниговского Подесенья. Керамика с оттисками ямок распространялась на среднем и нижнем Соже, а керамика с «лапчатым» орнаментом ближайшее сходство проявляла с материалами бассейна р. Ока³⁷.

Таким образом, в результате работ был получен новый фактологический материал, который окончательно утвердил мысль о заселении территории Беларуси в палеолитическое время. На основании этого был сделан новый и важный шаг в разработке периодизации памятников эпохи камня, классификации материалов, определении их места в каменном веке БССР и сопредельных с ней территориями.

В межвоенное время изучение памятников каменного века велось и на территории Западной Беларуси. С 1921 г. она входила в состав Польши, поэтому изучение так называемых «усходніх крэсаў» было тесно связано с деятельностью польских исследователей. Археологические работы и охрану памятников здесь координировала специально созданная в 1920 г. научная структура – Комитет консерваторов доисторических древностей, который возглавлял вначале *Влодимеж Антоневич*, затем с 1926 г. *Роман Якимович*.

В отличие от БССР территория Польши была разделена на семь исследовательских (консерваторских) округ, включавших по два воеводства, которые курировали отдельные учебные заведения,

²⁷ Приставка «эпи-», означающая «после чего-либо, следующий за чем-либо», в данном случае подчеркивала переходной характер выделенной стадии.

²⁸ Примером этого могут являться опубликованные статьи К.М. Поликарповича «Палеоліт і мезоліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя» (1932) и «Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья» (1934).

²⁹ Для обозначения ранней эпилепалеолитической стадии К.М. Поликарпович использовал оба названия. Название «свидерская» дано по р. Свидер (правый приток р. Висла), на которой расположена группа стоянок Свидры Вельке, недалеко от Варшавы.

³⁰ *Палікарповіч, К. М.* Палеоліт і мезоліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя / К. М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалёгіі / Інстытут гісторыі Бел. Акад. навук. – Менск : Друкарня Бел. Акад. Навук, 1932. – Т. 3. – С. 220–221; *Поликарпович, К. М.* Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович // Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – Москва–Ленинград–Новосибирск, 1934. – Вып. IV. – С. 82–87.

³¹ Маглемозе – культура эпохи мезолита Северной и Центральной Европы (VII – V тыс. до н.э.), получившая название по болотному поселению недалеко от г. Муллеруп в Дании.

³² *Поликарпович, К. М.* Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович // Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – М.–Л.–Новосибирск, 1934. – Вып. IV. – С. 84.

³³ Там же, с. 83.

³⁴ Там же, с. 84.

³⁵ Одна из разновидностей орнамента, который наносился палочкой с накрученной на ее конце ниткой, веревочкой или тканью. Оттиски «лапчатого» орнамента обычно имеют овальную форму и рельефную внутри поверхность – негативы, оставленные от вдавления веревочки.

³⁶ *Палікарповіч, К. М.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.) / К. М. Палікарповіч // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Працы катэдры археалёгіі. – Менск : Друкарня Інбелкульту, 1928. – Кн. 5. – Т. 1. – С. 131–132.

³⁷ Там же.

музеи. Восточные воеводства, к которым относилась и западная часть Беларуси, также были выделены в отдельную консерваторскую округу. Возглавлял ее *Людвиг Савицки*, а с 1927 г. восточные воеводства стали подконтрольными варшавскому консерватору Р. Якимовичу.

Определенную роль в развитии археологии играли провинциальные краеведческие музеи, в которых действовали специально созданные экспозиции по археологии края. Такие музеи работали в Гродно, Волковыске, Пинске, Слониме. Они координировали работу на местах и занимались пропагандой археологических знаний.

В историографии существует мнение (В.С. Вергей), что археологические работы на территории Западной Беларуси, в отличие от БССР, производились нерегулярно³⁸. Определенным препятствием в изучении памятников было действовавшее в Польше частновладельческое право на землю. Однако нельзя не отметить и успехи польских исследователей в изучении каменного века Западной Беларуси. В бассейнах Западного Буга, Немана, верховьях Припяти были организованы экспедиции под руководством Л. и И. Савицких, В. Антоневи́ча, Е. Дроздовича, С. Круковского, В. Обуховского, В. Крашевского, Р. Горошкевича, В. и А. Голубовичей.

В итоге были обследованы десятки разновременных памятников, собраны представительные коллекции находок, что дало возможность польским ученым поднять проблему первоначального заселения Западной Беларуси. Так, В. Антоневи́ч в статье «Древнейшие остатки человека в северо-восточной Польше и Литве» (1934) в научный оборот ввел новые данные по палеолиту и эппалеолиту рассматриваемой территории. Было установлено культурное многообразие этих периодов, выделены памятники свидерской и тарденуазской стадий.

Но важной была постановка вопроса о времени появления в Западной Беларуси и Литве первобытного человека. По этому поводу В. Антоневи́ч писал: «*Теоретически можно предположить, что здесь (т.е. на Немане – прим. авт.) удастся найти следы домустье́рской индустрии...*»³⁹. Итак, признавалось, что территория Западной Беларуси также была заселена в палеолитическое время. Упоминание о возможности поиска здесь следов «домустье́рского времени» открывало перспективы в изучении миграций древнего человека с запада.

Замечательное открытие было сделано польскими исследователями в бассейне р. Россь (левый приток Немана) возле д. Красное Село⁴⁰, недалеко от Волковыска. Здесь еще в конце XIX в. поступали сведения о находках каменных орудий (М. Федоровский, А. Высокий). В первой половине 1920-х гг. во время геологических разведок были обнаружены устья древних шахт по добычи кремня. О находке сообщили археологам. В 1924 г. один из них – З. Шмит – посетил район Красного Села. Было обследовано более 1000 шахт и расположенных рядом с ними стоянок-мастерских; отдельные памятники были исследованы раскопками. Открытие Красносельских шахт позволило смело говорить о начале горнодобывающего дела в каменном веке, а впоследствии воссоздать весь цикл древнего производства, начиная с добычи кремневого сырья, его апробации и транспортировки на поверхность, создания заготовок-преформ для орудий и, собственно, самих орудий труда.

Однако 1939 г. для археологов Польши стал последним сезоном полевых исследований. 1 сентября нацистская Германия начала оккупацию территории этой страны и фактически до 1946 г. археологические работы были прерваны. Западная часть Беларуси была присоединена к БССР. Здесь еще до 1939 г. продолжались археологические исследования. Их вел один из уцелевших после репрессий 1937 г. археологов – К.М. Поликарпович. Он в 1938–1939 гг. провел небольшие раскопки на стоянке Бердыж и подготовил к печати серию очерков по доистории Беларуси.

Однако в начале 1941 г. все чаще и чаще стали приходить тревожные сведения с запада и 22 июня этого года Советский союз постигла такая же печальная участь, как и Польшу – на его территорию вторглись немецко-фашистские войска. Начавшаяся война, а до этого политические репрессии 1930-х гг., практически полностью уничтожившие кадровый потенциал в стране, нанесли непоправимый урон белорусской археологической науке и на время прервали исследования⁴¹. В начале войны из страны был эвакуирован К.М. Поликарпович, который до 1944 г. продолжал работать в Казахстане и обследовал там около 30 памятников разных эпох.

³⁸ См.: *Вяргей, В. С.* Археалагічная навука ў Беларускай ССР: 1919–1941 гг. / В. С. Вяргей. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – С. 83.

³⁹ *Антоневи́ч, В.* Древнейшие остатки человека в северо-восточной Польше и Литве / В. Антоневи́ч // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – Москва-Ленинград, 1934. – Вып. 5. – С. 28.

⁴⁰ Сегодня это г.п. Красносельский Волковысского района Гродненской области.

⁴¹ Первый удар по Белорусской Академии наук был нанесен еще в 1930 г. А в 1937 г. прокатилась волна политических репрессий. Органами НКВД БССР был арестован А.Н. Лявданский и 13 его коллег, в том числе А.Д. Коваленя, С.А. Дубинский, А.О. Рынейский. Все они проходили по сфабрикованному делу о шпионаже в пользу Польши и участии в диверсионно-террористической организации. После того как на следствии А.Н. Лявданский «признал» себя виновным, судьба остальных археологов была предрешена. 25 августа состоялся суд. Все обвиненные были приговорены к высшей мере наказания. Через два дня – 27 августа – приговор был приведен в исполнение. Только в 1958 г. А.Н. Лявданский и все осужденные по этому делу были реабилитированы.

Тема 1.3

Изучение каменного века в Беларуси в послевоенные годы и на современном этапе

После освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. свою работу начинает *сектор археологии* Института истории (прежде – секция археологии). Ее заведующим становится вернувшийся из эвакуации К.М. Поликарпович. Уже в 1945 г. он проводит археологические разведки в Посожье, раскопки палеолитических стоянок в деснинском бассейне – Елисеевичи и Юдиново, а в 1953–1954 гг. исследует стоянку Бердыж в Посожье.

Результаты работ первого послевоенного десятилетия были опубликованы в научном сборнике «Материалы по археологии БССР», первый том которого вышел в Минске в 1957 г. Авторы сборника К.М. Поликарпович, В.Г. Тарасенко, О.Н. Мельниковская, А.Г. Митрофанов и др. дали краткую характеристику материалам, собранным в результате археологического изучения памятников в межвоенное время и первые послевоенные годы (1945–1953 гг.).

В статье «К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье» К.М. Поликарпович в очередной раз подтвердил ранний возраст орудий из Светилович и, возможно, Клеевич, привел новые данные о находках мустьерского облика, собранных в 1953 г. в Подлужье. Публикация этой статьи была не случайной. К.М. Поликарпович готовил материалы к защите докторской диссертации по палеолиту Верхнего Поднепровья⁴².

Еще одна из статей, автором которой также являлся К.М. Поликарпович, вводила в научный оборот сведения о стоянках Среднего Посожья, обследованных ученым в 1928 г. Материалы памятников были рассмотрены в духе стадийного подхода. Каменный век в связи с этим демонстрировал поступательную смену «культурных стадий»: палеолит – эпипалеолит – кампиньи – неолит⁴³.

Существует мнение (В.Ф. Копытин), что с 1950-х гг. происходит заметный рост кадров в отечественной археологии. Однако фактически до конца этого десятилетия в археологической науке Беларуси ощущался своего рода «кадровый коллапс», проявление которого было обусловлено отсутствием своей национальной школы. Слабым оказалось и краеведческое движение. В отличие от межвоенного времени, где краеведческие общества были своеобразными региональными центрами изучения археологии края, в первые послевоенные десятилетия изучением памятников занимались отдельные энтузиасты⁴⁴.

К концу 1940-х гг. стало очевидным, что прежний взгляд о стадийном развитии каменного века не выдерживает критики, а так называемый «эволюционный схематизм» 1930–1940-х гг. оказался непригодным для разработки периодизации памятников эпохи камня на отдельных территориях. Например, культуры каменного века, характеризующиеся микро- или макролитическим инвентарем, на разных территориях могли проявлять многообразие в орудийной деятельности, хозяйстве, общественном устройстве.

Шаткость положения стадийной схемы еще более обозначилась в предложенной ранее периодизации эпипалеолита. Так, в конце 1940-х гг. К.М. Поликарпович в публикациях упоминает только о двух стадиях эпипалеолита – ранней (свидерской) и поздней (тарденуазской), не вспомнив при этом ни разу о стадии кампиньи⁴⁵. Однако почти через десять лет – в 1957 г. – в статье «Стоянки Среднего Посожья»⁴⁶ К.М. Поликарпович дал характеристику местонахождениям эпипалеолита, в том числе и стадии кампиньи. Понятие же о тарденуазских находках отсутствовало.

Все точки над «і» были расставлены в 1950 г., когда *М.В. Воеводский* предложил отказаться от стадийного подхода в изучении культур каменного века. С этого времени полученные материалы стали рассматриваться в контексте культурного своеобразия отдельных регионов. Например, в эпипалеолите северо-запада Русской равнины, М.В. Воеводским на фоне единой свидерской культурной области была выделена восточная группа памятников. На р. Сож ее представляла сто-

⁴² Работа была опубликована после смерти К.М. Поликарповича (1963) в виде отдельной монографии «Палеолит Верхнего Поднепровья» (Минск, 1968).

⁴³ *Поликарпович, К. М.* Стоянки Среднего Посожья / К. М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР. – Минск : АН БССР, 1957. – Т. 1. – С. 53.

⁴⁴ В качестве примера здесь можно привести работы волковысского краеведа Г.И. Пеха, исследователя древностей Слонимского района И.И. Стабровского, памятников Гродненской и Брестской областей В.Г. Супруна.

⁴⁵ *Палікарповіч, К. М.* Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі / К. М. Палікарповіч // Весці АН БССР. Адз. грамад. навук. Секцыя гістарычная. – 1947. – Вып. 1. – С. 59–61; *Поликарпович, К. М.* Археология БССР за 30 лет / К. М. Поликарпович // Наука в БССР за 30 лет: сборник, посвященный тридцатилетию Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск : АН БССР, 1949. – С. 483–502.

⁴⁶ *Поликарпович, К. М.* Стоянки Среднего Посожья / К. М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР. – Минск : АН БССР, 1957. – Т. 1. – С. 53.

янка в урочище Гренск⁴⁷. Идею М.В. Воеводского поддержал А.А. Формозов, который в 1954 г. для европейской части СССР выделил две крупных культурных области: свидерскую и волго-окскую. Граница между ними проходила по линии оз. Свирь – оз. Нарочь – бассейн р. Друть – Новый Быхов – Чериков.

Таким образом, начиная с 1950-х гг. изменяется отношение к интерпретации полученных источников. Отказ от стадийного схематизма 1930–1940-х гг. способствовал утверждению понятия о мезолите как отдельной эпохе каменного века. Примером тому стал выход в свет сборника статей «У истоков древних культур» (Москва–Ленинград, 1966), где археологи-каменщики союзных республик обобщили данные по среднему каменному веку отдельных регионов, что было закреплено в названии некоторых статей.

В первые послевоенные десятилетия в БССР начали работать археологи из смежных союзных республик – в первую очередь исследователи из РСФСР (Москва, Ленинград) и УССР (Киев). В частности, каменный век стал темой научных изысканий ленинградских ученых *Н.Н. Гуриной*, *Л.С. Клейна*, *В.П. Третьякова*, московского археолога *И.М. Тюриной*, украинского исследователя *И.И. Артеменко* и др.

Так, Н.Н. Гурина сконцентрировала внимание на изучении первобытных памятников Понеманья и Западного Подвинья. Одним из важнейших результатов ее работ стали раскопки в конце 1950-х – начале 1970-х гг. кремнедобывающих шахт у пос. Красносельский и д. Карповцы. На основании этого Н.Н. Гурина попыталась решить вопрос о времени начала разработок шахт и проследила связь находок с носителями отдельных культурных явлений каменного и бронзового веков. По мнению Нины Николаевны, первыми «шахтерами» бассейна р. Россь были представители неманской неолитической культуры, а затем культуры шнуровой керамики.

Кроме шахт, Н.Н. Гурина обследовала ряд стоянок на Немане и Западной Двине и пришла к выводу, что начало заселения бассейнов этих рек могло произойти «не позже поздней поры верхнего палеолита», что обосновывалось материалами древней стоянки на оз. Свитязь⁴⁸.

Исследовательница обратила внимание на преемственность традиций между культурами разных периодов каменного века, а также на сходство мезолита Польши, Литвы и Северной Беларуси, с одной стороны, Восточной Беларуси и Северной Украины – с другой. В качестве аргумента Н.Н. Гурина сослалась на распространение схожих форм орудий в кремневом инвентаре мезолитических стоянок лесной полосы Восточной Европы.

С 1960-х гг. в белорусской археологии появляется новая плеяда ученых, направивших свои усилия на изучение памятников каменного века отдельных регионов Беларуси. Среди них особо выделяются исследования *В.Д. Будько*, *В.Ф. Исаенко*, *М.М. Чернявского*, *И.М. Тихоненкова*.

В.Д. Будько на протяжении 1950–1960-х гг. вел изучение палеолитических местонахождений Беларуси и сопредельных территорий. Им была продолжена начавшаяся еще в предшествующее время работа по изучению проблемы первоначального заселения территории республики. В.Д. Будько были осуществлены раскопки стоянок Бердыж (1959, 1968–1970) и Юровичи (1959–1960), обследованы отдельные палеолитические стоянки на территории Верхнего Поднепровья и Деснинского бассейна. Также как и в межвоенные годы, работы проходили в тесном сотрудничестве со специалистами в области геологии (*Л.Н. Вознячук*, *М.М. Цапенко*) и палеонтологии (*В.В. Щеглова*).

На основе собранных материалов со стоянок Верхнего Поднепровья (Подлужье-3, Коромка, Гренск), В.Д. Будько в 1960-е гг. была выделена *свидерско-гренская культура*. Памятники этого культурного явления, ставились В.Д. Будько в один ряд с кругом культур мадлена⁴⁹ Западной и Северо-Западной Европы и свидерской культурой Польши, что непременно, должно было подчеркивать локальный характер самой свидерско-гренской культуры. В развитии культуры В.Д. Будько выделил три этапа, которые охватывали период позднеледниковья.

В 1960-е гг. В.Ф. Исаенко начинает работы в Припятском Полесье. Свои усилия исследователь направил на изучение памятников неолитической эпохи. Однако в процессе сбора материалов В.Ф. Исаенко не смог обойти вниманием и другие периоды каменного века. Это позволило ученому детализировать хронологию и периодизацию памятников, установить факт различий материальной культуры населения Западного и Восточного Полесья, начиная с эпохи мезолита.

⁴⁷ *Воеводский, М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы / М. В. Воеводский // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 97–98.

⁴⁸ Гурина, Н. Н. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии / Н. Н. Гурина // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва–Ленинград : АН СССР, Ин-т археологии, 1965. – № 131. – С. 200.

⁴⁹ Мадлен – культура позднего этапа позднего (верхнего) палеолита (22 (20) – 15 (12) тыс. лет назад), названная по пещерной стоянке Ла Мадлен во Франции.

В этом отношении В.Ф. Исаенко предложил новый и весьма оригинальный взгляд на периодизацию мезолитических стоянок и культурное содержание эпохи в целом⁵⁰. Он считал, что в среднем каменном веке на территории Беларуси сложилось три культурно-исторических области, каждая из которых характеризовалась своей спецификой в обработке камня, присутствии определенного набора орудий труда. В мезолите каждой культурно-исторической области было выделено два периода – ранний и поздний. И если на раннем этапе мезолитическая культура проявляла некоторое однообразие за счет распространения черешковых наконечников стрел и орудий труда на пластинах, то в позднем мезолите в разных регионах Беларуси отчетливо проявлялась своя линия культурного развития.

В связи с этим Верхнее Поднепровье и особенно Посожье В.Ф. Исаенко включил в область распространения *макролитов*. Для этой территории, как считал исследователь, были характерны орудия из массивных отщепов, прежде всего, грубо обработанные резцы, сверла, проколки, листовидные острия и топоры. Восточное Полесье В.Ф. Исаенко было отнесено к области с *микролитическим* обликом кремневого инвентаря. Здесь преобладали орудия небольших форм и размеров, а на стоянках широко были представлены микролиты геометрических форм – трапеции, треугольники, сегменты и т.д.

Наконец, территория Западного Полесья и Понеманье были включены В.Ф. Исаенко в культурную область с инвентарем *микро-макролитического* облика.

Как видим, обоснование трех культурных зон в мезолите Беларуси строилось на методологии схематизма, господствовавшего в работах 1930-х гг. Поэтому не случайно идея В.Ф. Исаенко сразу же была подвергнута критике⁵¹. Например, попытка использования тех же рубящих орудий в качестве критерия макролитоидности оказалась ошибочной, ибо эта категория артефактов представлена во всех культурах эпохи мезолита, в том числе и тех, которые В.Ф. Исаенко отнес к числу микролитических. К тому же ученый в своих выводах опирался на подъемный материал, а он для решения проблем генезиса и развития культуры, ее хронологии достаточно малоинформативен.

Вместе с тем локальные различия отчетливо проявлялись в неолите Припятского Полесья. В этом отношении В.Ф. Исаенко был прав, рассматривая отдельно материалы по неолиту Западного и Восточного Полесья. Оказалось, что западные районы, лежащие в верховьях Припяти, бассейнах Немана и Западного Буга характеризуют выделенную здесь *неманскую неолитическую культуру*. А вот неолит Восточного Полесья демонстрировал традиции *днепро-днепровской культуры* и выделенного на ее основе восточнополесского варианта. Кроме этого, В.Ф. Исаенко обратил внимание на присутствие в полесском регионе памятников других культурных традиций, которые оказывали влияние на развитие местного неолита – *культуры шаровидных амфор*, культуры воронковидных кубков и трипольской культуры.

Новые материалы по каменному веку были получены в бассейнах Немана, Вилии и Западной Двины. В этом отношении здесь нельзя не упомянуть исследования М.М. Чернявского. Начиная с 1960-х гг. на этих территориях им планомерно велся сбор материалов по разным периодам каменного века и, в первую очередь, по эпохе неолита. В итоге стало возможным говорить о культурном своеобразии нового каменного века в рамках выделенной М.М. Чернявским неманской культуры⁵². При этом отмечалась преемственность традиций культуры неолита с предшествовавшей ей по времени культурой местного мезолита.

Не менее важные находки, характеризующие материальную и духовную культуру человека эпохи неолита – бронзового века, были получены исследователем в результате раскопок торфяниковых по-

В. Ф. Исаенко

⁵⁰ Подробнее см.: Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. / редкол.: В. Ф. Исаенко, А. Г. Митрофанов, Г. В. Штыхов. – Минск: Наука и техника, 1970, 1972. – Ч. 1. – 1970. – С. 49–66.

⁵¹ Крижевская, Л. Я. Еще раз о мезолите среднерусского днепро-днепровского междуречья / Л. Я. Крижевская // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1977. – Вып. 149. – С. 75–77; Формозов, А. А. О критике источников в археологии / А. А. Формозов // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 5–14.

⁵² В развитии неманской культуры было выделено три этапа, получивших соответствующие названия по эпонимным памятникам: дубичайский (ранний), лысогорский (средний) и доброборский (поздний).

М. М. Чернявский

селений Белорусского Подвинья. Речь идет о памятниках знаменитого Кривинского торфяника, расположенного у дд. Осовец⁵³ и Головск⁵⁴ (Кривина). Именно здесь были получены неоспоримые свидетельства культурного своеобразия эпохи неолита – бронзового века севера Беларуси, отраженного в материалах *нарвской, усвятской и северобелорусской культур*.

Интерес к этому уникальному заповеднику первобытной археологии Беларуси возник еще в 1930-е гг. (К.М. Поликарпович). В дальнейшем раскопки стоянок позволили М.М. Чернявскому и его коллегам Я.Г. Красковской, П.А. Прибыткину, Э.М. Зайковскому, Макс. М. Чернявскому и др. собрать крупную коллекцию находок из кремня, кости, рога, дерева, янтаря, керамики. Это были не только многочисленные орудия труда, оружие, фрагменты керамической посуды, сделанной от руки, остатки жилищ и т.д., но и предметы первобытного искусства, очевидные свидетельства мифологии и верований человека, проживавшего на севере Беларуси в эпоху неолита. Хорошая сохранность органики в культурном слое позволила получить

на памятниках Кривинского торфяника абсолютные даты. Появилась возможность более конкретно говорить о временных рамках развития здесь неолитической культуры.

Было продолжено изучение кремнедобывающих шахт и стоянок-мастерских у пос. Красносельский и д. Карповцы Волковысского района. Начиная с 1970-х гг. М.М. Чернявским, В.П. Чемезо, М.В. Веретило, А.М. Гутовским, О.Л. Липницкой, В.Е. Кудряшовым и др. были получены новые данные по истории горнодобывающего дела в каменном и бронзовом веках. Среди интересных находок следует отметить остатки грунтовых захоронений культуры шаровидных амфор. Было высказано мнение (М.М. Чернявский) о роли этой древней культуры в эксплуатации шахт, ее влияния на культуру местных племен. Результаты многолетнего изучения Красносельского археологического комплекса были подытожены в монографии М.М. Чернявского, В.Е. Кудряшова и О.Л. Липницкой «Старажытныя шахцёры на Росі» (Мінск, 1996).

Во второй половине 1950-х – 1960-е гг. И.И. Артеменко и его коллегой И.М. Тюриной были получены новые данные по неолиту Юго-Восточной Беларуси. Раскопки стоянок позволили выделить здесь *верхнеднепровскую неолитическую культуру*, что было отражено в кандидатской диссертации И.М. Тюриной (1967)⁵⁵. Представление об этой культуре было расширено в работах В.П. Третьякова, который в 1970-е – начале 1980-х гг. вел раскопки на памятниках неолита Могилевского и Смоленского Поднепровья. Систематизация и классификация собранных материалов позволили В.П. Третьякову проследить эволюцию традиций верхнеднепровской культуры в технике обработки камня и производстве керамической посуды. Исследователь расширил представление об ареале и хронологии культуры, выделил локальные варианты развития верхнеднепровских древностей⁵⁶.

Сведения о памятниках каменного века также встречаются в работах Ю.В. Кухаренко (Припятское Полесье), А.Г. Митрофанова (Понеманье) и И.М. Тихоненкова (Верхнее Поднепровье и Подвинье). С именем последнего исследователя связывают открытие на севере Беларуси памятников *культуры гребенчато-ямочной керамики* эпохи неолита.

Результаты первых послевоенных исследований были закреплены защитой кандидатских диссертаций В.Д. Будько (1962)⁵⁷, М.М. Чернявского (1971)⁵⁸ и В.Ф. Исаенко (1973)⁵⁹, легли в основу серии статей и монографических исследований⁶⁰. А в 1970 и 1972 гг. работы белорусских ар-

⁵³ На территории Бешенковичского района Витебской области.

⁵⁴ Сенненский район Витебской области.

⁵⁵ *Тюрина, И. М.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 575 / И. М. Тюрина; Ин-т археологии АН СССР – Москва, 1967. – 14 с.

⁵⁶ *Третьяков, В. П.* Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре / В. П. Третьяков // Советская археология. – 1975. – № 2. – С. 9–19; *Третьяков, В. П.* Орудия труда верхнеднепровской культуры / В. П. Третьяков // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 5–15; *Третьяков, В. П.* Некоторые неолитические стоянки верхнеднепровской культуры на Смоленщине / В. П. Третьяков // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1983. – Вып. 173. – С. 94–97.

⁵⁷ *Будько, В. Д.* Палеолит Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Д. Будько; Ин-т археологии (Ленинградское отделение); Ин-т истории АН БССР. – Ленинград, 1962. – 21 с.

⁵⁸ *Чернявский, М. М.* Неолит Северо-Западной Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. М. Чернявский; Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1971. – 20 с.

⁵⁹ *Исаенко, В. Ф.* Неолит Припятского Полесья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. Ф. Исаенко; Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1973. – 21 с.

⁶⁰ См., например: *Исаенко, В. Ф.* Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко; ред. Д. Я. Телегин. – Минск: Наука и техника, 1976. – 128 с.; *Черняўскі, М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння / М. М. Черняўскі; ред. Д. Я. Цялягін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 144 с.

хеологов были обобщены в двух частях «Очерков по археологии Белоруссии» (Минск). В первую часть «Очерков» (Минск, 1970) были включены материалы по каменному веку Беларуси. Его авторы подытожили результаты многолетнего изучения памятников палеолита (В.Д. Будько), мезолита (В.Ф. Исаенко) и неолита страны (В.Ф. Исаенко, М.М. Чернявский).

Как видим, такой подъем археологических исследований, отмечавшийся в 1960-е – начале 1970-х гг. вел к выделению узкой специализации, разработке конкретных тем по археологии Беларуси, использованию необходимых для их решения методов. Состояние первобытной археологии Беларуси отражено в публикации первой сводной археологической карты по памятникам каменного века (1968), автором которой являлся В.Ф. Исаенко⁶¹. Карта объединила сведения о более 600 местонахождениях эпохи камня и служила ярким примером возможности использования археологического наследия в изучении древнейших периодов истории Беларуси.

Однако изученность подавляющего большинства открытых памятников каменного века до начала 1970-х гг. носила предварительный характер. Поверхностный сбор материалов, зачистка береговых обнажений, эпизодическая шурфовка и пробные раскопки стоянок ограничивали возможность культурно-хронологической интерпретации полученных данных, сравнения их с материалами памятников сопредельных территорий.

Начиная с 1970-х гг. полевая археология каменного века в Беларуси, по сравнению с предшествующим периодом, далеко шагнула вперед. В основе научных исследований лежал принцип фиксации археологического материала путем раскопок памятников на широких площадях с привлечением данных естественных наук, использованием математических методов обработки материалов, применением ЭВМ.

Широкомасштабные раскопки памятников Верхнего Поднепровья (Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытин, В.П. Ксензов, О.Л. Липницкая, И.Н. Езепенко), Припятского Полесья (В.Ф. Исаенко, Н.Н. Кривальцевич), Понеманья (М.М. Чернявский, А.М. Гутовский, Н.В. Шаблюк, О.Л. Липницкая, В.Е. Кудряшов), Белорусского Подвинья (М.М. Чернявский, Э.М. Зайковский) позволили создать прочную базу источников и приступить к разработке региональных схем периодизации каменного века на территории Беларуси.

На основе собранных материалов были выделены новые локальные культуры, получившие соответствующие названия – «сожская культура» (В.Ф. Копытин, Е.Г. Калечиц), «днепро-деснинская культура» (В.П. Ксензов), «памятники нарочанского типа» (В.П. Ксензов, М.М. Чернявский), «памятники типа Бабиновичи» (Э.М. Зайковский). Отдельные памятники этих культур стали своеобразным эталоном для характеристики каменного века лесной полосы Восточной Европы.

В 1970–1990-е гг. Е.Г. Калечиц продолжила вести разработку темы, связанной с первоначальным заселением территории Беларуси, чему впоследствии была посвящена отдельная ее монография – «Первоначальное заселение территории Белоруссии» (Минск, 1984). Но в отличие от своих предшественников Е.Г. Калечиц обратилась к рассмотрению вопросов палеоэкологии первобытного человека. В основе ее работ лежали результаты не только археологических, но и геолого-морфологических исследований, данные палеогеографии⁶².

В итоге были продолжены раскопки стоянок Бердыж (1970–1972) и Юровичи (2006), осмотрены опорные геологические разрезы, обследованы десятки разновременных памятников на территории Белорусского Посожья, а после аварии на Чернобыльской АЭС (1986) – в Западном Полесье. Была уточнена стратиграфия исследованных стоянок, получены новые возможности для абсолютного датирования памятников с помощью методов естественных наук.

Это позволило Е.Г. Калечиц высказать предположение о возможном появлении человека на территории нашей страны в домустьерское время. Вывод, к которому пришла исследовательница, допускал тот факт, что *«природная обстановка межледниковых эпох плейстоцена была благоприятна для проникновения и жизни на земле Белоруссии представителей любого звена рода Ното»*⁶³. Однако большая мощность ледниковых отложений, на что обращала внимание Е.Г. Калечиц, вряд ли позволит обнаружить здесь более ранние, чем мустьерские, памятники.

Раскопки неолитических поселений в Посожье позволили также Е.Г. Калечиц детализировать понятие «верхнеднепровская культура», рассмотреть генезис и хронологию памятников этого культурного явления⁶⁴. Анализ полученных Е.Г. Калечиц материалов (в первую очередь, керамики) дал

⁶¹ Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Белоруссии: памятники каменного века / В. Ф. Исаенко; под ред. В. Д. Будько, Ф. В. Борисевича. – Минск : Польша, 1968. – Вып. I. – 125 с.

⁶² Комплексный характер исследований был отражен в кандидатской диссертации Е.Г. Калечиц. По этому поводу см.: *Калечиц, Е. Г.* Палеогеография эпохи верхнего палеолита на территории Белоруссии и Брянской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.04 / Е. Г. Калечиц; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск, 1972. – 23 с.

⁶³ *Калечиц, Е. Г.* Первоначальное заселение территории Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1984. – С. 143.

⁶⁴ В развитии культуры было выделено два этапа (ранний и поздний) и три локальных группы – верхнесожская, среднесожская и деснинская. Подробнее см.: *Калечиц, Е. Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1987. – 158 с.

В. Ф. Копытин

возможность четко обозначить ареал возникновения и развития культуры, проследить ее связь с памятниками волго-окского, припятского и деснинского бассейнов, выделить этапы и локальные варианты развития. В качестве предка верхнеднепровской культуры Е.Г. Калечиц рассматривала местную сожскую культуру позднего мезолита.

Немаловажный вклад в развитие представлений о финальном палеолите и мезолите Восточной Беларуси был сделан В.Ф. Копытиным. Раскопки целого ряда памятников в 1970–1990-е гг., материалы которых впоследствии получили широкую известность в республике и за ее пределами (Боровка, Коромка, Горки, Журавель, Яново и др.), дали возможность ученому концептуально обосновать региональную схему мезолита. Были использованы новые приемы в изучении памятников и в связи с этим В.Ф. Копытина можно назвать одним из первых в отечественной историографии, кто стал внедрять методы математической статистики для обработки большого массива информации с использованием ЭВМ. Для описания кремневого инвентаря был разработан типометрический метод, в основе которого лежала так называемая «аналитическая типология» французского ученого Ж. Лапласа.

На примере выделенной В.Ф. Копытиным сожской мезолитической культуры де-факто была продемонстрирована преемственность культурных традиций в каменном веке Верхнего Поднепровья. По мнению ученого, эта культура представляла собой явление, сформированное на базе двух культурных традиций – гренской (техника расщепления) и свидерской (наконечники стрел). Хронология культуры укладывалась в пределах VI–V тыс. до н.э., а исторические судьбы населения связывались с формированием верхнеднепровской неолитической культуры. Взгляды В.Ф. Копытина на генезис и хронологию сожской культуры разделяла Е.Г. Калечиц.

Благодаря усилиям В.Ф. Копытина новый импульс получило изучение проблем финального палеолита в стране. Оценка собранных материалов и сравнение их с данными сопредельных территорий позволили В.Ф. Копытину одному из первых поставить вопрос о возможности заселения Восточной Беларуси в позднеледниковое время. В этом отношении большое значение для науки имела публикация монографии В.Ф. Копытина «Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья» (Могилев, 1992), которая подвела черту многолетних исследований ученого.

В. П. Ксензов

В 1970-е гг. памятники палеолита и мезолита в Белорусском Поднепровье начал изучать ученик В.Ф. Копытина – В.П. Ксензов. Были продолжены раскопки позднепалеолитической стоянки Юровичи (1976), открыт и раскопан ряд мезолитических памятников. Для обоснования региональной специфики мезолита В.П. Ксензовым была выделена отдельная локальная культура. В литературе она первоначально фигурировала как «верхнеднепровская культура», что вносило очевидную путаницу – под таким названием ранее уже были объединены памятники эпохи неолита. Впоследствии В.П. Ксензов предложил новое название – «днепро-деснинская культура». В территориальном отношении эта мезолитическая культура охватывала Верхнее Поднепровье, Восточное Полесье и Среднее Подесенье и возникла, как считал В.П. Ксензов, на основе свидерских традиций.

Локальное своеобразие мезолита было установлено и для памятников бассейна р. Вилия (правый приток р. Неман), выделенных в отдельный культурный тип – нарочанский. Этот тип памятников, как полагали В.П. Ксензов и М.М. Чернявский, возник в результате контактов населения двух мезолитических культур – коморницкой и кундской. Стоянки последнего культурного явления были хорошо известны в Белорусском Подвинье и исследованы В.П. Ксензовым.

Таким образом, в 1970–1980-е гг. стало возможным говорить о мезолите как самостоятельной области исследования. Об этом свидетельствует и факт первой в историографии археологии Беларуси защиты В.Ф. Копытиным (1977)⁶⁵ и В.П. Ксензовым (1980)⁶⁶ кандидатских диссертаций по этому периоду. Целенаправленный сбор данных по среднему каменному веку в Беларуси также вели В.Е. Кудряшов (Западное Полесье), А.М. Гутовский и Н.В. Шаблюк (Понеманье).

В 1988 г. кандидатская диссертация была защищена по проблемам добычи и использования сырья в каменном веке. Ее автором являлась О.Л. Липницкая, которая на основе изучения материалов по кремнеобрабатывающим мастерским запада и центра Восточной Европы, обобщила сведения об источниках кремневого сырья, его свойствах и влиянии на развитие кремневой индустрии в каменном веке⁶⁷. Была предложена классификация памятников, связанных с местом добычи кремня и его обработки. Тема развития древнейших производств в каменном веке Беларуси, на основе изучения техники обработки кремня, затрагивалась в работах В.Е. Кудряшова.

Новые сведения были получены и по эпохе неолита Беларуси. В конце 1980-х гг. И.Н. Езепенко акцентировал внимание на изучении памятников днепро-донецкой культуры и ее соотношения с верхнеднепровскими древностями. Раскопки стоянок в междуречье Днепра и Березины дали возможность ученому проследить этнокультурную ситуацию в регионе в конце неолита – начале бронзового века, детализировать хронологию и периодизацию памятников, основанную на радиоуглеродных датах⁶⁸.

Неолит северо-восточной Беларуси в 1980-е гг. стал темой исследований Э.М. Зайковского. В итоге по материалам Витебского Подвинья ему удалось выделить отдельный тип памятников – бабиновичский (по названию стоянки у д. Бабиновичи Лиозненского района Витебской области). Параллельно с этим Э.М. Зайковский занимался изучением проблем первобытного искусства и языческих верований на территории Беларуси.

В 1980-е гг. была начата разработка проблем в области археозоологии. В этом направлении можно отметить работы А.А. Разлуцкой, которая систематизировала данные археологии и палеозоологии по вопросам развития охотничьей деятельности человека в древности, становления животноводства. Роли рыболовства в первобытной истории Беларуси, составу древней ихтиофауны посвящены исследования Э.А. Ляшкевич⁶⁹.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. в изучении каменного века Беларуси наметился переход от количественных исследований к качественным, что нашло свое отражение в публикации обобщающих монографических исследований⁷⁰, научных, научно-популярных и энциклопедических статей, очерков по первобытной археологии. С 1993 г. возобновляются выпуски «Гістарычна-археалагічнага зборніка», а с 1999 г. – «Матэрыялаў па археалогіі Беларусі». На страницах этих изданий до сих пор публикуются результаты научных исследований, в том числе и по археологии каменного века. Активизировалась работа международных и региональных конференций, а, начиная с 2003 г., ежегодно в Институте истории НАН Беларуси проводятся международные конференции, посвященные результатам полевым исследованиям.

В 1993 г. в Минске выходит первое энциклопедическое издание по археологии и нумизматике Беларуси⁷¹, переизданное в 2009 и 2011 гг. в двух томах «Археалогія Беларусі»⁷². На протяжении 1997, 1999–2001 гг. было опубликовано четырехтомное издание «Археалогія Беларусі». В этом фундаментальном труде, подготовленном большим коллективом авторов, была подведена черта многолетним археологическим исследованиям на территории Беларуси. Первый его том, вышед-

⁶⁵ Копытин, В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. Ф. Копытин; ЛОИА. – Ленинград, 1977. – 24 с.

⁶⁶ Ксензов, В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Правобережья Днепра: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. П. Ксензов; ЛОИА. – Ленинград, 1980. – 19 с.

⁶⁷ Липницкая, О. Л. Кремнеобрабатывающие мастерские Запада и Центра Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. Л. Липницкая; ЛОИА. – Ленинград, 1988. – 16 с.

⁶⁸ Подробнее см.: Язепенка, І. М. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра / І. М. Язепенка. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2014. – 240 с.

⁶⁹ См., например: Ляшкевіч, Э. А. Крыніцы да вивучэння старажытнага рыбаўства на тэрыторыі Беларусі / Э. А. Ляшкевіч // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб.наук.арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 18. – С. 290–298; Разлуцкая, А. А. Новые данные по охоте и животноводству из раскопок Кривинского торфяника / А. А. Разлуцкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб.наук.арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 18. – С. 299–313.

⁷⁰ По этому поводу см.: Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.; Ксензов, В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.; Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев: Могилевское управление по печати, 1992. – 86 с.

⁷¹ Археалогія і нумізматэка Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993. – 702 с.

⁷² Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2009, 2011. – Т. 1: А–К. – 2009. – 496 с.; Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2009, 2011. – Т. 2: Л–Я. – 2011. – 464 с.

ший в 1997 г., посвящен характеристике памятников и отдельных культур каменного и бронзового веков⁷³.

По отдельным аспектам археологии каменного века страны были защищены и первые докторские диссертации. Так, вопросы развития экосоциальных систем в каменном веке Восточной Беларуси в рамках докторской диссертации рассмотрела Е.Г. Калечиц (1995)⁷⁴, а мезолит Белорусского Поднепровья и Подвинья стал темой докторской диссертации В.П. Ксензова, защищенной в 1994 г.⁷⁵ По результатам работ были опубликованы соответствующие монографии⁷⁶.

К защите докторской диссертации готовился В.Ф. Копытин. Для этих целей им была опубликована монография «У истоков гренокской культуры. Боровка» (Могилев, 2000), в которой обосновывался автохтонный путь развития гренокских традиций Верхнего Поднепровья в эпоху финального палеолита. Но неожиданная смерть ученого в 2002 г. не позволила реализовать задуманное.

Вместе с тем уже к середине 1990 – началу 2000-х гг. стало очевидным, что существующие мнения исследователей о генезисе и хронологии отдельных культурных явлений каменного века оказались в области противоречий и не соответствовали накопленному к тому времени уровню знаний по эпохе камня Восточной Европы. Появилась необходимость в проведении всестороннего анализа источников, их научной ревизии.

Сравнительное изучение материалов по неолиту Западной Беларуси позволило М.М. Чернявскому в корне пересмотреть свой взгляд на схему культурного развития региона. Ранний этап нового каменного века здесь стала представлять выделенная М.М. Чернявским *припятско-неманская культура*. Она объединила материалы дубичайского этапа прежней неманской культуры. А вот собственно сама неманская культура была отнесена М.М. Чернявским к позднему неолиту (прежде – лысогорский и доброборский этапы)⁷⁷.

Новый взгляд на периодизацию памятников позднего неолита – бронзового века юга Беларуси был предложен *Н.Н. Кривальцевичем*. Проанализировав материалы предшествующего поколения исследователей, ученый обнаружил, что они входят в противоречие с имеющимися данными, не учитывают современное состояние источников, особенно обеспеченных данными естественных наук и полученных не только на территории Беларуси, но и сопредельных с ней регионов⁷⁸.

В бронзовом веке было выделено три периода: начальный, ранний и поздний этапы. Именно в период начального этапа, как считает Н.Н. Кривальцевич, очевидно сосуществование и взаимодействие традиций культур местного неолита и пришлых групп культуры шнуровой керамики. Ранние материалы «шнуровиков» и среднеднепровской культуры, в частности, датировавшиеся прежде бронзовым веком, были отнесены Н.Н. Кривальцевичем к позднему неолиту.

Современный этап исследований дополняется работами нового поколения исследователей – *В.Л. Лакизы, В.С. Обуховского, Макс.М. Чернявского, А.В. Колосова, А.В. Войтович (Зуевой)* и др.

В.Л. Лакиза с середины 1990-х гг. сконцентрировал внимание на изучении памятников позднего неолита и раннего этапа бронзового века Белорусского Понеманья. На основании анализа и типологической классификации находок, полученных в результате раскопок памятников, им была предложена новая культурно-хронологическая интерпретация материалов. Был выделен новый тип памятников Бершты – Русаково, который, по мнению В.Л. Лакизы, демонстрирует результат взаимодействия местных поздненеолитических традиций неманской культуры (доброборский этап) и элементов пришлых культур – культуры шаровидных амфор, круга культур шнуровой керамики, культуры одиночных захоронений, приморской (жуцевской) культуры⁷⁹.

Макс. М. Чернявский обобщил данные по костяной и роговой индустрии неолита – бронзового века Северной Беларуси. Основой его работы стали материалы раскопок стоянок Кривинского торфяника. Были выделены и охарактеризованы основные категории находок, рассмотрены традиции

⁷³ Археалогія Беларусі : у 4 т. / рэдкал. : М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1997, 1999–2001. – Т. 1 : Каменны і бронзавы вякі / Э.М. Зайкоўскі [і інш.]. – 1997. – 424 с.

⁷⁴ Калечиц, Е. Г. Экосоциальные системы каменного века Восточной Белоруссии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06; 11.00.04 / Е. Г. Калечиц; АН Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 1995. – 34 с.

⁷⁵ Ксензов, В. П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / В. П. Ксензов; АН Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 1994. – 33 с.

⁷⁶ Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск : Эксперспектива, 2003. – 223 с.; Ксензов, В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 158 с.

⁷⁷ Рекомендую обратить внимание на статью исследователя: *Чарняўскі, М. М.* Да пытання вылучэння прыпятка-неманскай культуры / М. М. Чарняўскі // Гістарычна-археалагічны зборнік: зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2003. – № 18. – С. 25–33.

⁷⁸ См.: *Кривальцевич, М. М.* Проблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі / М. М. Кривальцевич // Гістарычна-археалагічны зборнік: зб. навук. прац / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – № 22. – С. 39–52.

⁷⁹ Подробнее см.: *Лакиза, В. Л.* Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавога веку Беларускага Панямоння / В. Л. Лакиза. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 343 с.

в обработке кости и рога населением нарвской и усвятской культур эпохи неолита и наследницы их традиций – северобелорусской культуры позднего неолита – бронзового века.

Начало обобщения материалов по финальному палеолиту и мезолиту Западной Беларуси было положено В.С. Обуховским. В конце 1990-х гг. им были обработаны коллекционные сборы, хранящиеся в музеях и научных учреждениях Польши и Беларуси. Полученные данные стали основой для написания магистерской диссертации, защищенной в 1998 г. в стенах Варшавского университета, публикации серии статей и отдельной монографии⁸⁰.

В изучении материалов В.С. Обуховским был применен абсолютно новый подход, основанный на глубоком знании способов обработки камня, морфологии кремневых артефактов, определявших облик той или иной культуры в древности. Был установлен факт культурного многообразия финального палеолита и мезолита Западной Беларуси. Отдельные культурные явления для этой территории были описаны В.С. Обуховским впервые.

Особый интерес представляют сведения ученого о местонахождении позднего палеолита в западной части Белорусского Полесья (Логишин). Раскопки стоянки Ковальцы-4 в бассейне р. Неман и открытие там в 2004–2007 гг. нижнего культурного горизонта с находками позднепалеолитического облика, костными останками мамонта, лошади и суслика открывали перспективы в изучении вопроса о первоначальном заселении запада Беларуси. К большому сожалению, преждевременная смерть В.С. Обуховского (2007) прервала работы в этом направлении. Результаты исследований его незавершенной докторской диссертации были опубликованы посмертно польскими археологами⁸¹.

В начале 2000-х гг. А.В. Колосов начал вести работы в Белорусском Посожье. В результате исследователь обосновал для этой территории финальный палеолит, предложил отказаться от автохтонной модели развития мезолита. Была доказана историографическая несостоятельность сожской и днепро-деснинской культур, установлен ряд новых культурных явлений для финального палеолита и мезолита посожского региона⁸².

А.В. Войтович обобщила данные по культуре шаровидных амфор на территории Беларуси. На основании сравнительного анализа и классификации источников, культурно-хронологической дифференциации материалов, А.В. Войтович выделила «чистые» и «синкретические» комплексы культуры шаровидных амфор, определила ее положение среди других культур позднего неолита и ранней бронзы на территории Беларуси⁸³.

2010 год ознаменован выходом в свет коллективной монографии Е.Г. Калечиц, А.В. Колосова и В.С. Обуховского, в которой была подведена черта многолетним исследованиям эпохи палеолита на территории Беларуси⁸⁴. Книга объединила сведения о более 350 памятниках палеолитической эпохи. Представленные в ней материалы отражают современный уровень знаний о первоначальном заселении территории нашей страны, особенно в период 14–10 тыс. лет назад.

В последние годы содержание работ определяется решением как общих задач, направленных на развитие археологии Беларуси, сохранение и использование ее наследия, разработку методов и приемов исследований, так и разработкой частных, более узких, тем. В качестве примера можно привести следующие направления научных исследований: дальнейшее изучение вопросов развития системы «человек – окружающая среда» в каменном веке (Е.Г. Калечиц); проблема взаимодействия культур в финальном палеолите и мезолите Восточной Беларуси (А.В. Колосов); использо-

В. С. Обуховский

⁸⁰ *Obuchowski, W. Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / W. Obuchowski. – Warszawa, 2003. – 207 s. (Абухоўскі, В. Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве / В. Абухоўскі. – Варшава, 2003. – 207 с.)*

⁸¹ *Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi / W. Obuchowski // Swiatowit. – Warszawa : IAU Warszawski, 2009. – Vol. XVI. – 296 s. (Обуховский, В. Палеолитические и мезолитические материалы из западной Беларуси / В. Обуховский // Святovit. – Варшава : Ин-т археологии, Варшавский ун-т, 2009. – Вып. XVI. – 296 с.)*

⁸² Подробнее см.: *Колосов, А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с.*

⁸³ *Зуева, А. У. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі і яе роля ў развіцці супольнасцяў III – пачатку II тыс. да н.э.: аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук: 07.00.06 / А. У. Зуева; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі – Мінск, 2011. – 24 с.*

⁸⁴ См.: *Калечиц, А. Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечиц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 323 с. : іл., карты.*

вание первобытным человеком кремневых ресурсов, первичная обработка сырья (А.В. Войтович); опыт исследования памятников в зоне новостроек (В.Л. Лакиза) и т.д.

К изучению проблем каменного века Беларуси подключилось молодое поколение исследователей. Систематизации и классификации материалов по отдельным культурным явлениям эпохи мезолита посвящены работы А.Н. Вашанова (кудлаевская культура) и В.В. Ашейчика (яниславицкая культура Белорусского Понеманья). Изучением памятников неолита Западного Побужья занимается О.Ю. Ткачев. Аспекты развития керамического производства в эпоху неолита Верхнего Поднепровья изучает М.И. Ткачева, Понеманья – С.С. Юрецкий.

Определенную роль в изучении каменного века Беларуси играет университетская наука. На базе двух университетов – БГУ (Минск) и МГУ имени А.А. Кулешова (Могилев) действуют кафедры археологии, занимающиеся подготовкой специалистов по профилю.

Основные выводы по темам главы «История изучения каменного века на территории Беларуси». На каждом источниковедческом этапе трансформация представлений о каменном веке Беларуси обеспечивалась качественно новым методологическим подходом. Поэтому в истории изучения этого древнейшего периода можно выделить несколько этапов.

Первый этап (до начала XX в.) связан с периодом собирания и коллекционирования находок, первых попыток поиска памятников и обоснования каменного века на территории Беларуси. В этот период была высказана мысль о заселении Беларуси в палеолитическую эпоху (Е.Р. Романов, А.А. Спицын).

Второй этап (1920–1930-е гг.) по времени совпал со становлением научных учреждений в БССР и организацией археологических работ в западных районах Беларуси, территориально относившихся тогда к Польше. Этот период связан с началом систематического изучения памятников каменного века. Были обнаружены местонахождения орудий мустьерского облика, позднепалеолитические стоянки Бердыж и Юровичи, утверждено понятие об эпипалеолите (мезолите), поставлен вопрос о культурном своеобразии неолитической эпохи. Представления о каменном веке строились на основе методологии стадийного эволюционизма. Открытие польскими исследователями шахт у пос. Красное Село стало отправной точкой в изучении горнодобывающего дела в каменном веке, специализации производственной деятельности первобытного человека.

Третий этап приходится на 1950–1980-е гг. Он связан с отказом от концепции стадийного схематизма и изменением парадигмы научных исследований в целом. Основу работ составляли раскопки памятников на широких площадях, использование комплексного подхода в изучении источников. Все это позволило утвердить идею о культурном своеобразии каменного века отдельных регионов Беларуси, что было обосновано материалами свидерско-грэнской культуры позднего палеолита (В.Д. Будько), неманской неолитической культуры (М.М. Чернявский), восточнополесского варианта днепро-донецкой культуры эпохи неолита (В.Ф. Исаенко), культуры гребенчато-ямочной керамики (И.М. Тихоненков), сожской позднемезолитической культуры (В.Ф. Копытин, Е.Г. Калечиц), днепро-деснинской культуры эпохи мезолита (В.П. Ксензов), памятников нарочанского типа, мезолит (В.П. Ксензов, М.М. Чернявский), памятников типа Бабиновичи, неолит (Э.М. Зайковский), верхнеднепровской неолитической культуры (И.М. Тюрина, В.П. Третьяков, Е.Г. Калечиц), нарвской и усвятской культур эпохи неолита (М.М. Чернявский) и др.

С начала 1990-х гг. и до настоящего времени отмечается переход на *новый* уровень интерпретации источников, использования новейших методов исследования памятников и вещевого материала. Разрабатываются проблемы генезиса и хронологии отдельных культурных явлений, вопросы взаимодействия человека и окружающей среды, методологии и источниковедения археологической науки и т.д.

ГЛАВА 2

ПАЛЕОЛИТ БЕЛАРУСИ

Тема 2.1

Первоначальное заселение территории Беларуси в раннем палеолите

Первоначальное заселение территории Беларуси, время и основные пути появления здесь человека до сих пор для науки остаются проблемой. Поэтому для выяснения действительной картины происходящего нам необходимо будет обратить внимание на три очень важных момента. *Во-первых*, нам нужно будет выяснить: какими фактами располагает современная наука в плане первоначального заселения Европы? *Во-вторых*, нам важно будет учесть особенности развития природной среды как необходимого условия процесса освоения ойкумены в древности, а, *в-третьих*, мы должны будем понять: как все это согласуется с теми данными, которые были получены на территории Беларуси?

Проблема первоначального заселения Европы: время и основные пути. Истоки рода *Homo* лежат в Африке. Около 25 млн лет назад здесь из узконосых обезьян отряда Приматов выделилось надсемейство *гоминоидов*⁸⁵. Примерно 8–4,5 млн лет назад свою историю начинает семейство *гоминид*⁸⁶, к которому и относится человеческий род⁸⁷. Следы обитания его первых представителей обнаружены на территории Восточной и Южной Африки. Находки соответствуют 2,6–1,7 млн лет назад и характеризуют *олдувайскую эпоху*⁸⁸ раннего палеолита.

По времени этот древнейший период совпал с появлением *Homo habilis* (*Гомо хабилис*), или «Человека умелого», существованием его предковых форм – австралопитеков. *Homo habilis* был невысокого роста (не более 150–165 см). Объем его мозга составлял всего 500–750 см куб.⁸⁹ Однако *Homo habilis* владел техникой изготовления примитивных орудий, был всеяден и, очевидно, мог обустроить первые стойбища.

Около 2–1,8 млн лет назад человек стал покидать пределы Африки. Начало миграций связывают с появлением на исторической авансцене еще одного представителя человеческого рода – *Homo erectus* (*Гомо эректус*), или «Человека прямоходящего». География его расселения была обширной: она охватывала Ближний Восток, центральную, восточную и юго-восточную части Азии, а также территорию Европы⁹⁰.

В свете современных исследований установлено, что на европейские земли нога человека ступила более 1 млн лет назад. Миграции людей сюда были возможны через сухопутный мост, образовавшийся тогда в районе Гибралтара. Он связывал северо-запад Африки с Пиренейским полуостровом. Столь раннее появление человека в Европе фиксируют местонахождения в Испании (*Гран Долина (Атапуэрка)*, *Орсе*, *Фуэнте Нуэва*, *Барранко Лео*), Франции (*Ле Валлоне*, *Солейлк*), Италии (*Чепрано*, *Изерниа*, *Монте Поджиоло*) и Германии (*Кэрлик А*). Возраст находок оценивается от 1,2 млн до 700 тыс. лет назад.

На отдельных местонахождениях найдены костные останки самих людей (напр., Гран Долина, Чепрано), датируемые примерно 700–800 тыс. лет назад. Считают, что они были потомками одной из ранних форм *Homo erectus*, обитавшего в Африке. В Европе этих «первопроходцев» относят к отдельному виду, который получил название *Homo antecessor* (*Гомо антесессор*) или «Человек предшествующий».

Раннее появление человека фиксируется и на востоке Европы. До недавнего времени считалось, и для этого были все основания, что начало заселения этой территории относится к эпохе ашель. В качестве древних, например, признавались стоянки *Дманиси* в Грузии, пещерная стоянка *Азых* на территории Азербайджана, *Кударо-1* в Южной Осетии, *Королево* в Закарпатской Украине, *Треугольный Грот* в Прикубанье (Россия). Возраст памятников оценивался в диапазоне от 400 до

⁸⁵ От лат. *Hominoidea* – человекообразные.

⁸⁶ От лат. *Hominidae* – человецы.

⁸⁷ Более подробно об основных этапах антропогенеза см.: Вишняцкий, Л. Б. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становление культуры: курс лекций / Л. Б. Вишняцкий. – Кишинев, 2005. – 396 с.; Зубов, А. А. Становление и первоначальное расселение рода *Homo* / А. А. Зубов. – СПб : Алетейя, 2011. – 224 с.; Зубов, А. А. Колумбы каменного века. Как заселялась наша планета / А. А. Зубов. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 288 с.

⁸⁸ По названию ущелья *Олдувай* в Танзании (Восточная Африка), где знаменитым кенийским археологом и антропологом Луисом Лики в конце 1950-х гг. были найдены орудия и костные останки *Homo habilis*.

⁸⁹ В сравнении с объемом мозга современного человека (1350–1400 см куб.), эти показатели, естественно, ничтожно малы.

⁹⁰ Некоторые ученые считают, что начало заселения Европы могло быть положено предшественником *Homo erectus* – *Homo habilis*, или одной из его поздних форм – *Homo habilis pre-erectus* (*Гомо хабилис пре-эректус*) (А.А. Зубов).

900 тыс. лет назад. При этом не исключалась возможность появления человека в более ранний доашельский (олдувайский) период. Например, обращали внимание на наличие в нижних слоях стоянки Дманиси весьма архаичных (доашельских) находок, что вызывало среди ученых серьезные дискуссии.

В связи с новейшими данными вопрос о первоначальном заселении Восточной Европы начал проясняться. Особое место занимают материалы, полученные на территории Кавказа. В частности, возраст нижнего горизонта находок в пещере Дманиси уточнен до 1,7–1,8 млн лет. Найденные там черепа и фрагменты скелета, свидетельствуют о заселении Кавказа представителями *Homo erectus* или его ранней (даже предшествующей) формы – *Homo erectus ergaster* (Гомо эректус эргастер)⁹¹ или *Homo habilis pre-erectus*. Следовательно, Кавказ определяет еще один возможный путь миграций человека из Африки в Европу. Однако на сей раз связующим звеном здесь выступала территория Ближнего Востока.

Исследования в Дагестане позволили недавно обнаружить десятки стратифицированных местонахождений с выразительными находками олдувайской эпохи, возраст которых оценивается в районе 1,8 млн лет назад. Более того, отдельные памятники позволяют обнаружить некоторую специфику в изготовлении орудий. Например, раскопки стоянки Дарвагчай-1 позволили российским ученым обнаружить в нижних горизонтах памятника каменные орудия труда, датированные позднеолдувайским временем – 800–600 тыс. лет назад. Интересно то, что найденные орудия имеют микролитический облик. Это изделия небольших размеров для резания, скобления и совершения рубящих операций – скребла, скребки, шиповидные орудия, проторубила, зубчатые и выемчатые орудия⁹². Происхождение обнаруженных находок связывают с микролитическими индустриями олдувая Восточной Африки.

Раннепалеолитическим возрастом датируются открытые в 2002 г. местонахождения *Богатыри* – *Родники* на Тамани (Кубань). Возраст памятников равен 1,7–1,8 млн лет назад. Однако есть и более древнейшие свидетельства, правда, пока косвенно указывающие на раннее появление человека в Восточной Европе. В частности, особое внимание российских ученых привлекала коллекция костей вымерших животных, собранная еще в 1950-е гг. недалеко от г. Ростов-на-Дону в *Левенцовском карьере* (Нижнее Подонье). При повторном изучении находок был обнаружен фрагмент кости верблюда (метаподия нижней конечности), на которой сохранились следы резания и рубки⁹³. Экспериментальным путем установлено, что это могло быть орудие, похожее на чоппер или чоппинг. Но самое интересное то, что находка кости вымершего верблюда, на которой сохранились следы явного воздействия орудия, относится к так называемому «хапровскому фаунистическому комплексу», который датируется 1,9–2,1 млн лет назад.

Итак, получается, что более 1 млн лет назад человек смог расширить жизненные пространства до 45–48 параллели северной широты, ограниченной горными системами Пиренеев, Альп и Кавказа. Севернее этого рубежа территория Европы начинает осваиваться 400–600 тыс. лет назад. Примером тому являются многочисленные находки средней и поздней поры эпохи ашель в Западной и Центральной Европе. При этом они не ограничиваются только территорией южных районов континента (напр., стоянки *Торральба* и *Амброн* в Испании), но и встречаются в Великобритании (*Боксгроув*, *Клектон*, *Сванскомб*), Германии (*Мауэр*, *Таубах*, *Кэрлих*, Шенинген), Венгрии (*Вертеш-сёллеш*), Франции (*Моран*, *Сент-Ашель*, *Тотавель*).

Известны памятники ашельской эпохи и на территории Восточной Европы. На Северном Кавказе – пещеры *Азых*, *Цона*, *Кударо-1*, в Приазовье – находки из карьера *Цимбал*, в низовьях Дона – стоянки *Герасимовка* и *Хрящи*, в Среднем Поволжье – *Тунгуз* (Ульяновской обл., Россия), *Красная Глинка* (Татарстан). Севернее этой территории памятников ашельской эпохи с выразительным культурным слоем практически не обнаружено. Главная причина их отсутствия – активная деятельность ледников, уничтоживших остатки поселений. Вместе с тем находки ашельского времени встречены на территории Украины – *Королево*, *Меджибиж*, *Букивна-4*, *Лука Врубливецка* и др. Об ашеле известно и в деснинском бассейне (*Неготино*, *Хотылево-1*). Есть сведения об отдельных находках ашельских орудий в бассейнах рр. Западная Двина и Ока⁹⁴. А эти пункты находятся севернее территории Беларуси, либо на одних с ней широтных параллелях.

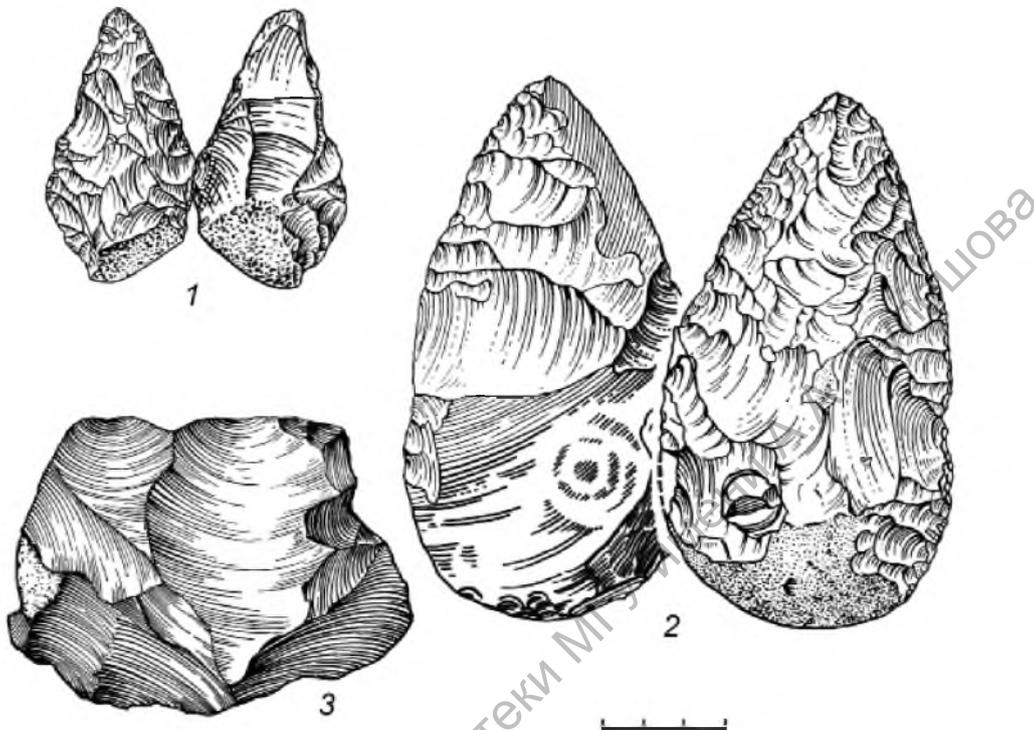
⁹¹ Один из ранних представителей *Homo erectus*, относящихся к африканскому виду. В переводе с греческого «эргастер» означает «умелый, деятельный, способный». Следовательно, название вида «эргастер» выступает аналогом латинского термина «хабилис».

⁹² В связи с этим предлагаю обратить внимание на статью: *Деревянко, А. П.* Первые результаты исследований стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане / *А. П. Деревянко, В. Н. Зенин* // Археология, этнография и антропология в Евразии. – 2007. – № 4. – С. 29–51.

⁹³ См. статью: *Саблин, М. В.* К вопросу о древнейших следах появления человека на юге Восточной Европы / *М. В. Саблин, Е. Ю. Гиря* // Археология, этнография и антропология в Евразии. – 2010. – № 2. – С. 7–13.

⁹⁴ См., например: *Микляев, А. М.* Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / *А. М. Микляев*; РАН, ИИМК. – Санкт-Петербург, 1992. – С.13.

Естественно, для рассмотрения проблемы первоначального заселения Беларуси эти местонахождения представляют особый интерес, поскольку находятся недалеко от границ нашей республики. В первую очередь нас будут интересовать находки орудий, характеризующих эпоху ашель. Мы знаем, что эта эпоха стала временем появления устойчивых и целенаправленно созданных рукой человека форм орудий труда. Примером тому может являться *ручное рубило* или *бифас*⁹⁵. Для ашельских стоянок Восточной Европы, в том числе и тех местонахождений, которые расположены недалеко от Беларуси, эти орудия имеют небольшие размеры, миндалевидную или треугольную форму с острым концом и «пяткой» для удобного захвата рукой.

Каменные изделия эпохи ашель

1–2 – ручные рубила; 3 – леваллуазский нуклеус

Большинство орудий делали из грубых и массивных сколов, которые получали с каменного ядрища – нуклеуса. Этот способ, появившейся в конце ашельской эпохи, получил название «техники леваллуа»⁹⁶. В его основе лежал принцип радиального скалывания заготовок с кремневого желвака. В итоге остаточное ядрище, получавшееся с желвака (т.е. нуклеус), приобретало характерную для леваллуазской техники дисковидную форму. На поверхности нуклеусов сохраняются негативы от многократно нанесенных сколов, которые сходятся в центре ядрища. Сами же сколы – отщепы и пластины – имели неправильную треугольную форму и использовались в качестве заготовок для орудий труда. В ашельских комплексах, кроме рубил, также встречаются скребущие и скобящие орудия с прямыми, вогнутыми, выпуклыми и зубчатыми лезвиями, остроконечники, проколки. Известны находки деревянных копий с заостренным концом и рогатин (*Клектон, Торральба, Шенинген*).

Антропологический облик *Homo erectus*, обитавшего на территории Восточной Европы, удалось восстановить по сохранившимся костным останкам отдельных местонахождений. Судя по находкам черепов и фрагментов скелета из Дманиси, обломков челюсти пещеры Азых «первопроходцы» гор Кавказа имели «убегающий» назад лоб, массивные надбровные валики, челюсть без подбородочного выступа. Объем мозга этих людей был незначительным и равнялся от 650 до 800 см куб. Антропологи пришли к выводу, что костные останки в Дманиси и Азыхе имеют сходство с *Homo erectus* из Африки и ранними формами неандертальца Европы.

Человек прямоходящий (*Homo erectus*)

⁹⁵ Т.е. изделие, форма которого задана путем двухсторонней обработки (оббивки, ретуширования и т.д.). В противоположность термину «бифас» используется понятие об *унифасе* – это изделие, поверхность которого обработана только с одной стороны.

⁹⁶ По названию стоянки Леваллуа-Перре во Франции.

Таким образом, территория Восточной Европы, а значит и Беларуси, может быть включена в ареал раннего расселения представителей рода *Homo*. Однако как быстро человек мог освоить северные широты Европы, насколько успешным был сам процесс расселения, для этого необходимо обратить внимание на особенности окружающей среды в антропогене.

Природная среда в антропогене Беларуси. Как отмечалось ранее, поиск стоянок эпохи палеолита на территории Беларуси ведется со второй половины XIX в. Отправной точкой для него всегда являлись сведения о костных останках животных ледникового, периода прежде всего представителей мамонтовой фауны и самого мамонта – как одного из основных объектов добычи человека того времени. (Вспомним, что по месту находок костей этого животного были обнаружены позднепалеолитические стоянки Бердыж и Юровичи).

На территории Беларуси известно более двухсот местонахождений костных останков мамонта. Большая часть находок концентрируется на востоке республики и обнаружена случайно во время земляных или строительных работ. Кости животных ледниковой эпохи представляют собой «местную» гордость и открывают экспозицию по первобытной истории практически любого районного краеведческого музея. Но могут ли находки мамонтовой фауны быть неоспоримым свидетельством появления человека на территории нашей страны? А если это так, то насколько успешным был процесс ойкуменизации северных широт Европы в «век мамонта» и какое влияние на эти события оказывала окружающая среда?

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо обратить внимание на ряд моментов. Начнем с того, что окружающая среда является важным фактором в развитии живых организмов на нашей планете, в том числе самого человека и его культуры. Для каменного века, особенно для ранних его периодов – палеолита и мезолита, природа и климат определяли возможности первобытных коллективов в освоении ойкумены.

Окружающая среда – очень сложная и динамично развивающаяся система со своими законами. Любые изменения климата приводили и приводят до сих пор к изменению сложившегося за определенный период экологического равновесия, баланса всей экосистемы. Под «экосистемой» в широком смысле слова понимают устойчивую, саморегулирующую систему, позволяющую всем ее компонентам (рельеф, почвы, гидросистема, растительный и животный мир, человек и т.д.) развиваться и взаимодействовать в конкретных и оптимальных для нее условиях жизнеобеспечения.

Таким образом, получается, что первобытному человеку, жизнь которого напрямую зависела от характера окружающей среды, приходилось чутко реагировать на происходившие в ней изменения (трансформации). И эпоха палеолита, и связанный с ней процесс освоения территории Беларуси, в этом отношении не являются исключением.

Начало заселения территории Беларуси приходится на *четвертичный период* или *антропоген* последней в геологической истории нашей планеты *кайнозойской эры*. Этот период по времени совпал с появлением представителей рода *Homo*, развитием их физического облика, поэтому второе название «антропоген» (от греч. «антропос» – человек; «генос» – появление, рождение) ему дано не случайно.

Все события антропогена проходили на фоне глобальных изменений окружающей среды, связанных с общепланетарным похолоданием климата, периодическим и обширным распространением покровных ледников, особенно в северном полушарии. Причина столь резких колебаний климата в эпоху *плейстоцена*, а именно так обозначают период оледенений четвертичного периода, остается для ученых загадкой. Общеизвестным является взгляд, согласно которому ледниковые эпохи – результат закономерных орбитальных изменений нашей планеты, влиявших на уровень поступления солнечного тепла в отдельные периоды⁹⁷. Это явление было известно задолго до появления самого человека. Первые оледенения на Земле зафиксированы около 2 млрд лет назад. Некоторые из них, как считают ученые, носили катастрофический характер и, чуть было не завершили историю жизни на планете.

Идея о существовании ледников в древности была высказана еще в 40-е гг. XIX в. (*Луи Агассиз*), а в начале XX в. благодаря исследованиям *А. Пенка* и *Э. Брюкнера* была разработана альпийская схема смены холодных (ледниковых) и теплых (межледниковых) периодов. Для европейской территории было выделено вначале четыре, а затем пять ледниковых эпох, получивших соответствующие названия по рекам, протекающим в Альпах: *дунай – гюнц – миндель – рисс – вюрм*. В последующем эта схема легла в основу периодизации плейстоцена Европы, но с региональными уточнениями, в том числе и для территории Беларуси.

⁹⁷ Не исключают также влияние тектонических процессов, связанных с движением материковых плит и совпавших с началом эпохи плейстоцена.

В частности, у нас также выделяется несколько фаз похолодания и потепления. На основании этого эпоха плейстоцена разделена на три периода (фазы, звена) – ранний (нижний), средний и поздний (верхний). Каждому из этих периодов соответствует своя череда оледенений и, разделявших их, межледниковий, изученных по опорным геологическим разрезам. По ним ледниковые периоды и межледниковья получили соответствующие названия (см. Приложение, таблица 1).

Согласно современной геостратиграфической схеме четвертичного периода, принятой белорусскими исследователями в 2010 г., первые подвижки в сторону холода на территории Беларуси отмечаются около 1,8 млн лет назад, а через 600 лет произошло и первое оледенение, названное в литературе «варяжским», что не случайно⁹⁸.

Ледники, приходившие на территорию Беларуси, формировались на севере Европы, в горах Скандинавии. В начале оледенения, на фоне увеличения влажности за счет испарения вод в мировом океане, в горах накапливался снег. За короткое лето он не успевал таять и превращался в лед, а тот в свою очередь, по мере увеличения массы, начинал движение вниз по склонам гор и выходил за пределы предгорий. Сформировавшийся на большом пространстве ледниковый покров на долгое время становился катализатором холодного климата.

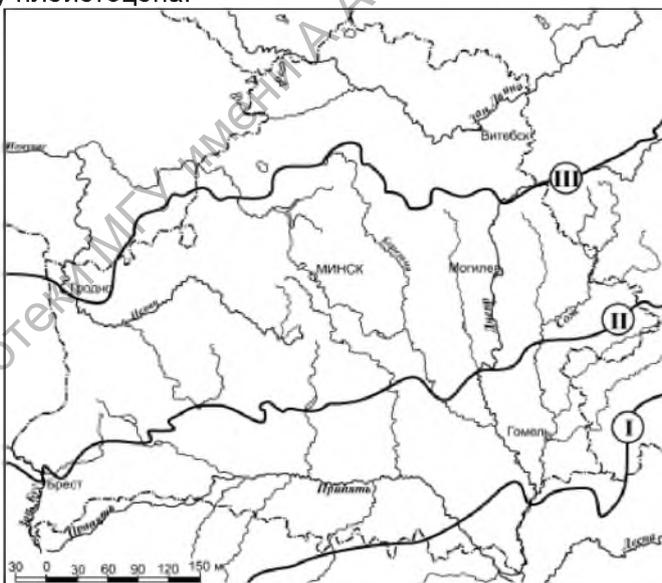
В зависимости от сложившегося климата каждое оледенение имело свои границы и площадь распространения льдов. На основании этого, кроме варяжского оледенения в плейстоцене Беларуси выделено еще шесть ледниковых эпох. Пять из них – наревская (новогрудская), ясельдинская, нижнинская, березинская и припятская соответствуют среднему плейстоцену. Последнее оледенение – поозерское – приходится на позднюю фазу плейстоцена.

В отдельные периоды территория нашей страны наполовину или полностью покрывалась льдами. Так, около 760 тыс. лет назад во время наревского или новогрудского оледенения границы льдов на территории Беларуси распространялись до линии Пинск – Глуск – Бобруйск – Быхов – Дрибин. А во время днепровской фазы припятского оледенения (364–186 тыс. лет назад) территория нашей страны оказалась вообще полностью покрыта льдами, уходящими далеко на юг, вплоть до совр. г. Днепропетровска.

Климат каждой из последующих ледниковых эпох становился все более прохладным и суровым. Возле ледника формировалась перигляциальная (приледниковая) область шириной от 100 до 300 км с однообразными ландшафтами, покрытыми травянистой растительностью, редкими кустарниками и колками деревьев – елей и берез. Тон погодным условиям здесь задавали холодные и сухие ветра, шедшие со стороны ледника.

Процесс наступления льдов сопровождался грандиозными изменениями ландшафтов, на которых еще недавно произрастали многочисленные леса, представленные теплолюбивой фауной. С движением ледниковых масс перемещалось огромное количество грубого обломочного материала в виде каменных глыб, валунов, сорванных со скал древней Фенноскандии. Под тяжестью многотонного ледника они, словно плуг, выпахивали поверхность земли, скапливались во время таяния у границ ледникового щита, образуя бесчисленное число холмов и гряд, сложенных из грубого обломочного материала – морены.

Примером таких новообразований ледниковой эпохи может служить цепь возвышенностей знаменитой Белорусской гряды, тянущейся от западных границ Беларуси на восток по линии Гродно – Орша. В обнажении этих возвышенностей, на берегу реки или на полях иногда можно увидеть россыпи камней. Они имеют разные размеры – от мелких валунчиков 3–5 см до крупных каменных глыб диаметром в несколько метров. Поверхность основной части камней окатана и сохраняет многочисленные борозды и царапины, образовавшиеся во время движения льдов.

Карта древних оледенений на территории Беларуси

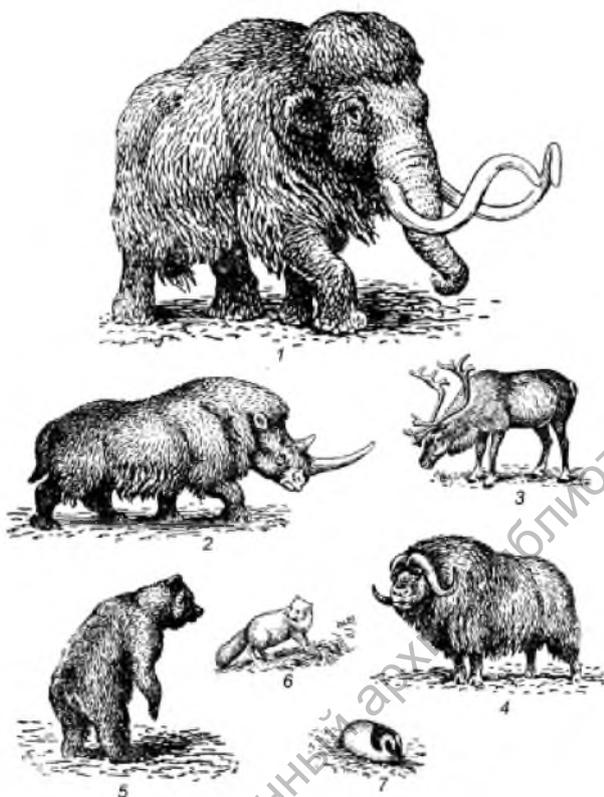
- I – границы березинского оледенения;
- II – границы припятского оледенения (сожская фаза);
- III – границы поозерского оледенения

⁹⁸ См.: Калечыц, А. Г. Аб выкарыстанні ў археалогіі новых стратыграфічных схем чацвярцічных адкладаў Беларусі / А. Г. Калечыц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2015. – Вып. 26. – С. 44–49.

С потеплением климата площадь ледников заметно сокращалась. Талая вода с бесчисленным количеством песка и обломков камней устремлялась в устье древних рек. Возле края ледников формировались многочисленные пресноводные озера, заполнявшие понижения рельефа. Поэтому не случайно последнее оледенение на территории Беларуси получило название «поозерского». Его «озерное наследие» сохранилось до сих пор на севере Беларуси. Здесь даже выделена особая географическая провинция – Белорусское Поозерье.

Деградация льдов знаменовала собой начало межледниковой эпохи. На территории Беларуси выделяют несколько теплых межледниковых периодов – ружанский, карчевский, борковский, могилевский, александрийский, муравинский. Наша современная геологическая эпоха (голоцен⁹⁹), начавшаяся около 10 тыс. лет назад, тоже является своего рода межледниковьем. В конечном итоге она сменится очередным оледенением.

Климат межледниковый на время становился теплым, способствовал распространению лесов и теплолюбивой фауны – например, лесного и южного слона, первобытного быка, гигантского шерошерового оленя, носорога Мерка, гигантского широколобого лося, лошади, медведя, волка, бобра и др. С наступлением холодов многие виды этих животных были обречены на вымирание, другие мигрировали на юг, третьи адаптировались к новым условиям.

Животные последней ледниковой эпохи

- 1 – мамонт; 2 – шерстистый носорог;
3 – северный олень; 4 – овцебык; 5 – медведь;
6 – песец; 7 – лемминг

Примерно 150–130 тыс. лет назад на территории Беларуси распространяется своеобразная фауна, приспособленная к холодному климату – мамонт, шерстистый носорог, овцебык, северный олень и др. Их тело покрывала густая шерсть с мягким подшерстком. Некоторые животные имели крупные размеры и толстый слой подкожного жира, что способствовало сохранению тепла внутри организма в условиях сурового климата. Высота мамонта, например, доходила до 3 м, а взрослое животное весило до 6–7 тонн. Современник мамонта – шерстистый носорог – тоже был не малых размеров: длина его тела достигала до 3,5 м, при высоте до 2 м.

Резкие колебания климата, начавшиеся 14–10 тыс. лет назад во время отступления последнего поозерского ледника, не спасли этих животных от вымирания. Окончательное таяние льдов, произошедшее около 10 тыс. лет назад, привело к исчезновению более 30 видов животных, приспособленных к холодному климату. Среди них, в том числе были мамонт и шерстистый носорог.

Таким образом, смена оледенений и более теплых межледниковых периодов существенно влияла на животный и растительный мир. Происходило постоянное смещение природных зон: то на юг (во время оледенений), то обратно на север (во время межледниковий). Естественно, обитание человека во время ледниковых периодов, когда территория Беларуси была покрыта льдами, вряд ли представляется возможным.

Вместе с тем природные условия теплых межледниковий создавали благоприятную почву для заселения территории нашей страны в разные периоды раннего палеолита. Учитывая тот факт, что первые люди на территории Европы появляются около 1 млн лет назад, исключать появление представителей рода *Homo* на землях Беларуси в столь раннее время, нельзя. Однако если гипотетически представить, что древний человек уже тогда мог достичь территории нашей страны, то следы его проживания уничтожены мощными отложениями древних ледников, что осложняет поиск памятников, соответствующих раннему палеолиту. Тогда возникает один единственный вопрос: какие данные позволяют говорить о первоначальном заселении территории Беларуси?

Первоначальное заселения территории Беларуси. Мустьерские местонахождения. Вопрос о первоначальном заселении Беларуси, как мы помним, был поставлен еще в конце XIX – начале XX вв., а после открытия первых палеолитических местонахождений в конце 1920-х гг. он был ре-

⁹⁹ От греч. «голос» – целый, весь, «кайнос» – новый.

шен в пользу мустьерской эпохи. С тех пор мало что изменилось и начальная история белорусских земель связывается с появлением здесь человека неандертальского типа – *Homo neanderthalensis* (*Гомо неандерталенсис*)¹⁰⁰.

В качестве доказательства приводятся сведения о единичных находках мустьерского облика, найденных на территории Юго-Восточной Беларуси. Это:

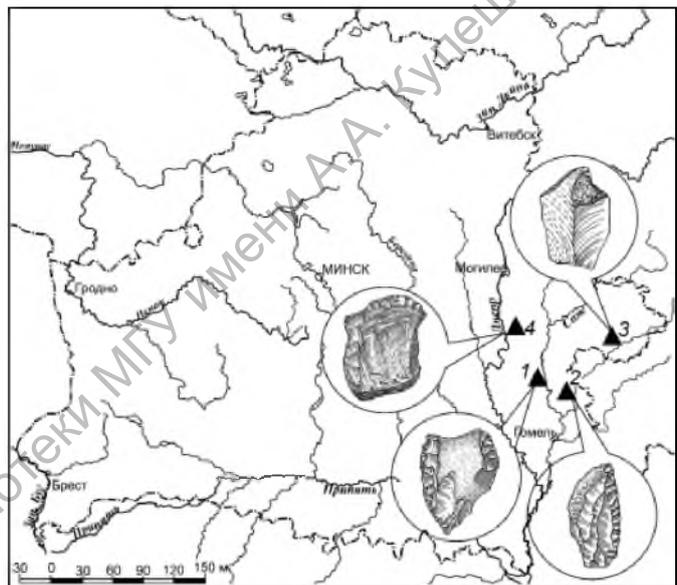
1) *скребло-нож*¹⁰¹, или «небольшое мустьерское рубильце, или остроконечник» (по определению К.М. Поликарповича). Орудие обнаружено в 1928 г. К.М. Поликарповичем на правом берегу р. Сож, во время раскопок Бердыжской стоянки у д. Подлужье Чечерского района Гомельской области. К сожалению, находка утрачена в годы войны, сохранилось только ее описание, фото и иллюстрация. По сведениям К.М. Поликарповича, это небольшое орудие «размером 8,5×6,6×2,1 см»¹⁰² было покрыто коричневой патиной, а его форма была задана мустьерским характером обработки¹⁰³. Вот как по этому поводу писал К.М. Поликарпович: «Одна сторона его, обработана целиком, за исключением двух небольших участков краев, в середине другой сохранилась значительная часть естественной корки кремня, которая занимает также всю пятку орудия и часть края. Обработка производилась сильными ударами, направленными извне к середине орудия. Рабочий конец его сведен в узкое острие»¹⁰⁴.

Находка этого орудия дала повод К.М. Поликарповичу организовать в Подлужье поиск более раннего по времени поселения и обосновать на памятнике присутствие двух культурных горизонтов. Забегая наперед, следует отметить, что урочище Колодежки, где находится древнее поселение, представляет собой высокий (более 15 м) участок береговой террасы, изрезанной двумя глубокими оврагами. Оба оврага в литературе получили условные названия – «Северный овраг» и «Южный овраг».

Основная часть находок, датированная поздним палеолитом, получена во время раскопок участков, прилегающих к южным склонам Южного оврага. Однако в 1953 г. К.М. Поликарповичем на небольшом участке северного склона Южного оврага удалось собрать около 1 тыс. кремневых артефактов, имевших мустьерский облик. Преимущественно это были отщепы, мелкие чешуйки, пластины, снятые, как полагал К.М. Поликарпович, с мустьерских нуклеусов, и скребловидные орудия. Некоторые артефакты были патинированы, сохраняли выраженный ударный бугорок с «изъязнением» – мелкой выщерблиной, свидетельствующей об ударном способе скалывания. Сколы имели массивный облик и характерную для мустье треугольную форму.

На основании этого мустьерские находки, обнаруженные К.М. Поликарповичем на северном склоне Южного оврага урочища Колодежки, стали обозначать как местонахождение «Подлужье II», а остальная часть находок, датированная поздним палеолитом, сохранила прежнее название стоянки – «Бердыж» или «Подлужье I».

Отсутствие коллекции находок и последующее изучение памятника В.Д. Будько (1959, 1968–1970) и Е.Г. Калечиц (1970–1972) вызывали серьезные нарекания относительно вопроса о наличии двух культурных горизонтов в Подлужье. По мнению В.Д. Будько, находки архаичного облика, отнесенные К.М. Поликарповичем к эпохе мустье, известны также на памятниках позднего палеолита. В свою очередь Е.Г. Калечиц признала стоянку Бердыж (Подлужье) как однослойный памятник. Собранные ею находки на северном склоне Южного оврага (т.е. там, где К.М. Поликарпович обна-

Карта находок мустьерского облика

1 – Подлужье; 2 – Светиловичи; 3 – Клеевичи;
4 – Обидовичи

¹⁰⁰ Название дано по месту находки костных останков человека, обнаруженных в 1856 г. в долине р. *Неандерталь* (пещера *Фельдгофер*) возле г. Дюссельдорф в Германии.

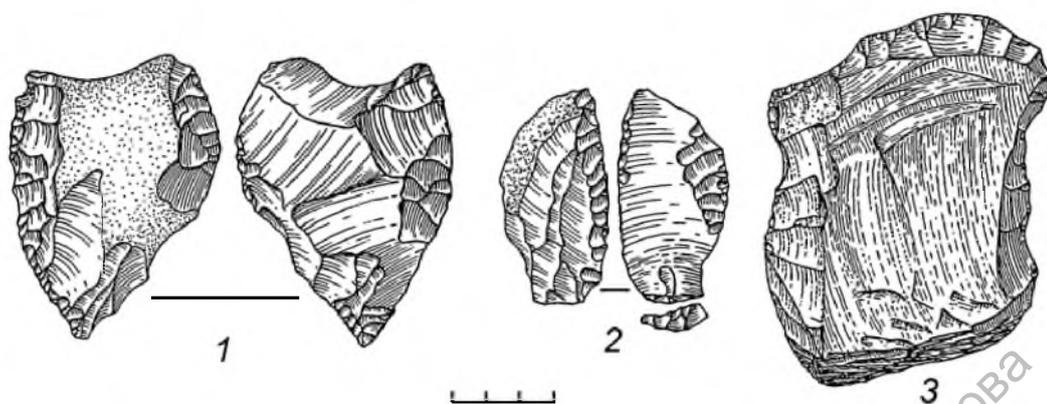
¹⁰¹ Определение находке дано ленинградским археологом Н.Д. Прасловым.

¹⁰² В статье К.М. Поликарповича «К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье», опубликованной в первом томе «Материалов по археологии БССР» (Минск, 1957, с. 30–44) есть и другие сведения о размерах этого орудия: его длина составляла 9,3 см, ширина – 6,6 см, толщина – 2,2 см.

¹⁰³ Поликарпович, К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович. – Минск : Наука и техника, 1968. – С. 22.

¹⁰⁴ Там же.

ружил мустье), вызывали очевидное сомнение в их принадлежности к числу артефактов, т.к. они «в абсолютном большинстве сильно окатаны, патинированы и не несут следов искусственной обработки»¹⁰⁵;

Находки мустьерского облика

- 1 – скребло-нож из Подлужья; 2 – остроконечник или скребло из Светилович;
3 – скребло из Обидовичей

2) *остроконечник* или скребло¹⁰⁶ («заостренное скребло», как считал К.М. Поликарпович). Орудие найдено в 1929 г. местным краеведом П.Н. Чайковским на правом берегу р. Беседь около д. Светиловичи (Чемерня) Ветковского района Гомельской области, в урочище Каменная Горка. Место находки представляет собой овраг, глубоко прорезающий высокую (до 20 м) террасу. Судя по описанию, остроконечник был изготовлен из массивной кремневой пластины размером 9,6×4,6×1,2 см. Орудие, очевидно, долго находилось в воде: его поверхность приобрела окраску буроватого цвета и была сильно окатана. Однако, несмотря на это, на изделии «читались» все признаки артефакта: наличие выраженного ударного бугорка, на котором сохранился «изъянец», участки крупной ретуши, нанесенной по всему правому краю и частично по левому с обратной стороны орудия;

3) *скребло* мустьерского типа¹⁰⁷. Случайно обнаружено в 1960 г. Л.Д. Поболем и С.Н. Бибиковым на левом берегу р. Днепр, недалеко от д. Обидовичи Быховского района Могилевской области. Орудие имеет архаичный облик и обработано по периметру крупной ретушью. Его размеры таковы: длина – 12 см, ширина – 8 см, толщина – 3,5 см.

Мустьерским временем был датирован еще ряд местонахождений. По данным В.Д. Будько, к ним относились: Турищевичи¹⁰⁸ на р. Сож, Новый Быхов¹⁰⁹ на р. Днепр и Клеевичи на р. Беседь¹¹⁰. Однако детальное изучение этих пунктов, осмотр находок вызвали у исследователей сомнение об их принадлежности к мустьерской культуре. Так, в многочисленной коллекции артефактов из кремня стоянки Турищевичи отражены разные периоды и культуры каменного и даже бронзового веков. Самые ранние находки из Турищевич датируются финальным палеолитом. находка так называемого мустьерского «овального скребла» из Нового Быхова представляет собой более позднюю, сопоставимую с эпохой мезолита – неолита, форму и, скорее всего, рубящего орудия.

Дискуссионный характер сегодня приобретает вопрос о наличии мустьерских находок, собранных у д. Клеевичи. Напомним, что впервые об этом местонахождении стало известно еще в 1928 г., когда в верховьях оврага Кончанский Ров во время земляных работ был обнаружен фрагмент бивня мамонта. В 1929 г. место находки обследовал К.М. Поликарпович и обнаружил здесь еще несколько артефактов из кремня. Однако последующее изучение обнажений оврага, кроме находок костей мамонта и дикой лошади, невыразительных осколков кремня, больше ничего не принесло. Сомнение вызвал искусственный характер обработки некоторых кремней. В итоге К.М. Поликарповичу пришлось отрицать факт присутствия в Клеевичах палеолитической стоянки.

В 1960-е гг. Клеевичское местонахождение посетил В.Д. Будько. По сведениям исследователя, в заложенных им шурфах удалось обнаружить не только кости вымерших животных (мамонт, лошадь), но и явные следы поселения неандертальцев. Об этом свидетельствовали находки от-

¹⁰⁵ Калечиц, Е. Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1984. – С. 98.

¹⁰⁶ По определению М.В. Воеводского.

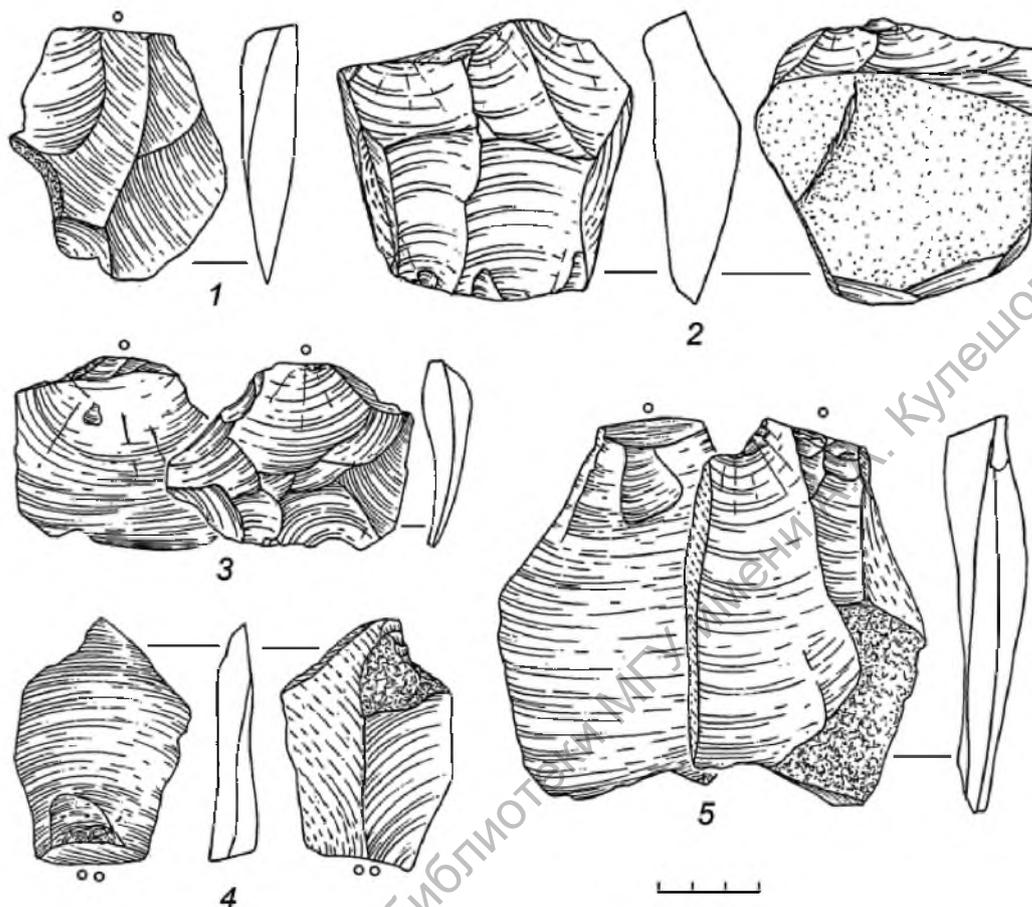
¹⁰⁷ По определению польского археолога Л. Савицкого и брянского исследователя древностей Ф.М. Заверняева.

¹⁰⁸ Населенный пункт в Чечерском районе Гомельской области.

¹⁰⁹ Деревня на правом берегу Днепра в Быховском районе Могилевской области.

¹¹⁰ Подробнее см.: Очерки по археологии Белоруссии: в 2-х ч. / редкол. : В. Ф. Исаенко, А. Г. Митрофанов, Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1970, 1972. – Ч. 1. – 1970. – С. 10–13.

щепов, нуклеусов и орудий мустьерского облика, а также угли и обожженные кости¹¹¹. Но в 1971 г. Е.Г. Калечиц провела повторное обследование обнажений Кончанского Рва и подтвердила прежнее мнение К.М. Поликарповича об отсутствии каких-либо следов поселения человека в Клеевичах. Имеющийся же в овраге кремь, особенно тот, который залегал совместно с костными останками животных ледниковой эпохи, по заключению Е.Г. Калечиц «не имеет бесспорных следов искусственной обработки»¹¹².

Клеевичи. Находки мустьерского облика

1, 3, 5 – отщепы; 2 – нуклеус; 4 – орудие с выемкой

(фонды Могилевского областного краеведческого музея имени Е.Р. Романова)

Казалось бы, на этом в изучении Клеевич можно было бы поставить точку. Да и, собственно, материалы, собранные В.Д. Бутько, отсутствовали и вызывали недоверие. Ситуация изменилась в 1988 г. Во время разведок в Костюковичском районе В.Е. Кудряшов возле д. Клеевичи, в том же овраге Кончанский Ров, среди россыпи необработанного кремня обнаружил серию отщепов и нуклеус. Некоторые находки были покрыты патиной голубого цвета и несли на себе явные признаки мустьерской техники обработки. А в 2009 г. в Могилевском областном краеведческом музее имени Е.Р. Романова была организована археологическая выставка. Среди экспонатов, выставленных на обозрение посетителям, были и находки Клеевичского местонахождения. Это нуклеус, несколько массивных отщепов с выраженным ударным бугорком, изделия с ретушью по краю¹¹³. Сохранившийся шифр на артефактах свидетельствует, что коллекция была собрана в 1966 г. (не исключено, что во время экспедиции В.Д. Бутько). Находки изготовлены из мелового кремня темно-серого практически черного цвета, отдельные изделия патинированы.

Таким образом, вопрос о присутствии в Клеевичах палеолитического местонахождения является вполне актуальным. Решение же его – дело будущих экспедиционных исследований. Но провести какие-либо работы здесь получится не так скоро: окрестности д. Клеевичи и само местонахождение в Кончанском Рву находится в зоне отчуждения после аварии на Чернобыльской АЭС.

¹¹¹ Там же, с. 13.

¹¹² Калечиц, Е. Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1984. – С. 59.

¹¹³ Три артефакта из этой коллекции опубликованы в первой части «Очерков по археологии Белоруссии» (Минск : Наука и техника, 1970, с. 12, рис. 2:3–5). Иллюстрации двух находок есть в монографии Е.Г. Калечиц «Первоначальное заселение территории Белоруссии» (Минск : Наука и техника, 1984, с. 58, рис. 18).

Теперь кратко остановимся на характеристике эпохи мустье. На территории Беларуси этот период приходится на кратковременное потепление в предпоследнюю межледниковую эпоху и относится к началу нового и последнего оледенения. В Беларуси предпоследнее межледниковье получило название «муравинского»¹¹⁴ и соответствует небольшому, по геологическим меркам, промежутку времени – 127–110 тыс. лет назад.

Это был самый теплый и влажный период. Средние температуры летом и зимой были близки к современным: в июле воздух прогревался до +20°, в январе заморозки доходили до –2°. Такой климат способствовал распространению на территории Беларуси широколиственных лесов, состоящих из дуба, вяза, липы, клена и даже граба. В этих лесах, возле рек и озер, обитали лесной слон, гигантский большерогий олень, лошадь, медведь. Появились и новые виды животных – мамонт, шерстистый носорог.

Благоприятный климат межледниковья позволил человеку значительно дальше расширить границы своей ойкумены. По сравнению с ашельским периодом эпоха мустье в Европе представлена значительным числом памятников. Ближайшие из них к территории Беларуси находятся в бассейнах Днепра (*Городенко, Городище-2, Житомирская стоянка, Рихта*), Припяти (*Верховья Припяти, Точильница*) и Десны (*Араповичи, Бетово, Гороховый Лог, Долгий Лог, Комарня, Хотылево-1, Чулатово-3*). Известны памятники севернее территории нашей страны – местонахождения *Белево* в верховьях р. Ока, *Пещерный Лог* на р. Кама, *Бызовая* и *Крутая Гора* на р. Печора. Таким образом, получается, что в мустьерскую эпоху человек смог освоить пространства до 55° северной широты и даже выше. (Территория Беларуси находится в пределах 52–55° с.ш.)

О присутствии человека в Восточной Европе в эпоху мустье, его занятиях, условиях проживания свидетельствуют остатки поселений и захоронений, находки жилищ, орудий труда и охотничьего вооружения. Для мустьерского времени мы отмечаем первые признаки специализации охотничьей деятельности человека. Она соответствовала окружающей обстановке, сложившейся в разных географических зонах. На юге Восточной Европы, на открытых пространствах междуречья Дона и Волги, группы охотников специализировались на добыче бизона и лошади. В причерноморских горных областях Крыма и Кавказа, люди охотились на пещерного медведя, бизона, мамонта, лошадь и сайгу. В центре Русской равнины, например, в том же деснинском бассейне фауну представляли мамонт, шерстистый носорог и лошадь.

Кроме охоты, в мустьерское время известны примеры рыболовства и собирательства. Так, в слоях пещеры *Кударо-1* на Кавказе собрано свыше 4400 позвонков лосося, а, судя по находкам терок и пестов из галек песчаника, обнаруженных во время раскопок стоянки *Молодова-1* на Днестре, в мустьерскую эпоху было известно растирание и использование в пищу зерен дикорастущих растений.

В эпоху мустье изменился и характер поселений. Как и прежде люди продолжали устраивать стоянки на открытых участках по берегам водоемов; заселялись также навесы под скалами, гроты и пещеры. Среди мустьерских памятников отчетливо вырисовываются поселения разных типов: мастерские, стоянки-мастерские, места кратковременных остановок охотников, охотничьи лагеря, долговременные «базовые» стоянки. На отдельных поселениях обнаружены остатки округлых жилищ, сложенных из костей мамонта (напр., стоянка *Молодова-1*). Очевидно, кровлей для этих жилищ служили шкуры диких животных.

В настоящее время в генезисе мустье Восточной Европы намечается три основных линии развития, каждая из которых представлена своим набором орудий и отражает свою специфику в технике обработке камня. Вообще мустьерский набор орудий представлен более 60 типами, среди которых наиболее частыми находками являются остроконечники, скребла, зубчато-выемчатые орудия. Поэтому происхождение одной из линий мустье в Восточной Европе связывают с так называемым «типичным мустье», или «мустье-леваллуа», для которого характерно преобладание скребел и остроконечников из отщепов и пластин неправильной формы, снятых с дисковидных нуклеусов в технике леваллуа. Вторая линия развития мустье прослеживается в распространении зубчатых и выемчатых орудий. Индустрии третьей группы связываются с *восточноевропейским микокком*¹¹⁵, или «мустье с ашельской традицией».

Последняя линия отчетливо проявляется на мустьерских памятниках центра Восточно-Европейской равнины. О сохранении ашельских традиций в изготовлении и обработке орудий свидетельствует присутствие так называемых «миниатюрных ручных рубил», обработанных с двух сторон.

¹¹⁴ По названию отложений погребенного торфа близ д. Мурава Борисовского района Минской области. Оно соответствует *рисс-вюрмскому* межледниковью по альпийской стратиграфической схеме, потеплению *эем* в Западной Европе, или *микулинской* межледниковой эпохе на Восточно-Европейской равнине.

¹¹⁵ По названию стоянки Микок во Франции.

Считается, что восточноевропейский микок имеет западный путь происхождения и тесно связан с мустье Центральной Европы, где также известны сходные по форме находки ручных рубил небольших размеров.

Для сравнения мустьерских орудий, обнаруженных в Беларуси, с находками сопредельных территорий, наибольший интерес представляют материалы стоянок Украины, выделенных там в отдельную *полесскую территориальную группу*. Она включает три основных индустрии – леваллуа-мустье (стоянка *Жорнов*), зубчатую (*Чулатово-1*, *Точильница*) и микокскую (*Житомирская стоянка*, *Рихта*, *Гороховый Лог*, *Долгий Яр*)¹¹⁶.

Мустьерская эпоха соответствует палеоантропам и их яркому представителю – человеку неандертальского типа (*Homo neanderthalensis*). Прародиной неандертальца считают территорию Европы. Он был потомком «гейдельбергского» человека, или *Homo heidelbergensis* (*Гомо гейдельбергенсис*)¹¹⁷. Общим предком неандертальца и «гейдельбергского» человека считают *Homo antecessor*, с которого, как мы помним, начинается освоение территории Европы.

О неандертальцах, проживавших на территории Восточной Европы, позволяют судить единичные находки костей (например, челюсти из стоянки *Баракаевская*, зубы со стоянок *Матузка* и *Рожок*), либо захоронения этого представителя рода *Homo*. Именно с неандертальцами связывают начало погребальной практики, истоки которой своими корнями уходят в 100 тыс. лет назад. Могила с телом умершего человека обычно устраивалась в грунтовой яме на площади поселения. При совершении захоронения тело покойника клали на спину или на бок с согнутыми в коленях ногами. В Восточной Европе подобного рода неандертальские захоронения обнаружены в основном на юге. Речь идет о захоронениях 35–40-летней женщины небольшого роста и грудного ребенка в пещере *Киик-Коба* в Крыму; 1,5–2-летнего ребенка в *Староселье*; погребении малолетнего неандертальца в гроте *Мезмай* в Прикубанье.

Предпринятое исследование мустьерских захоронений показало некоторые особенности в анатомическом развитии человека неандертальского типа, особенно в строении черепа и его лицевого отдела¹¹⁸. Череп неандертальца был крупным, массивным; стенки его очень толстые (в полтора раза больше средней толщины черепа современных людей). Черепная крышка низкая, лоб широкий, наклонен назад; затылок, выступающий и немного сплюснутый в вертикальном направлении. Надглазничный валик сильно развит, подбородочный выступ практически отсутствует, передние зубы крупные.

В целом неандертальцы были людьми невысокого роста, в среднем до 160–165 см, обладали развитой мышечной массой, весили до 65–75 кг. Объем мозга по сравнению с предшественниками значительно возрос и в абсолютных цифрах достигал от 1270 см куб. у женщин и до 1520 см куб. у мужчин (у современных людей он составляет 1350–1400 см куб.). Находка предъязычной кости позволяет думать о существовании у неандертальцев членораздельной речи.

Человек неандертальского типа
(*Homo neanderthalensis*)

Тема 2.2 Поздний палеолит

Следующий этап заселения территории Беларуси приходится на поздний (верхний) палеолит (40 (35) – 14 (12) тыс. лет назад). Теплое муравинское межледниковье продолжалось недолго и около 110 тыс. лет тому назад территория Беларуси оказалась в зоне влияния нового оледенения – поозерского. В нем выделяют не менее двух фаз похолодания, разделенных периодами (интерстадиалами) незначительного потепления. Первая фаза оледенения (кулаковская) была холодной и

¹¹⁶ В этом отношении особый интерес представляют следующие работы: *Степанчук, В. Н.* Ключевые проблемы исследования нижнего и среднего палеолита Украины: современное состояние изучения / В. Н. Степанчук // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света; под ред. Х. А. Амирханова, С. А. Васильева, Е. В. Беляевой. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 119–132; *Степанчук, В.* Льодовики, мамонти, та перші люди: Україна мільйон років тому / В. Степанчук. – Київ : Наш час, 2007. – 192 с.

¹¹⁷ Название дано по месту находки возле д. Мауэр, расположенной недалеко от Гейдельберга (Германия).

¹¹⁸ Более подробно о человеке неандертальского типа см.: *Вишняцкий, Л. Б.* Неандертальцы: история несостоявшегося человечества / Л. Б. Вишняцкий. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. – 312 с.

влажной, но безледной. На территории Беларуси в это время были распространены открытые пространства с редкостойными лесами таежного типа. Резкое похолодание климата произошло примерно 24 тыс. лет назад, определив начало второй (двинской) фазы поозерского оледенения. В это время ледник практически вплотную пошел к границам современной Беларуси, а 18–17 тыс. лет назад стена льда высотой более 100 метров остановилась вдоль линии Вильнюс – Орша – Смоленск.

Возле края ледника вплоть до 45–46° северной широты сформировался однородный безлесный ландшафт, похожий на арктическую пустыню и тундростепь с крайне суровыми условиями сухого и холодного климата. Даже в июле температура воздуха в среднем прогревалась до +3... +4° (современные показатели +18... +20°). А в январе она опускалась ниже отметки –30... –40° (современная –5... –7°). Своеобразным был и животный мир. Он был представлен мамонтом, шерстистым носорогом, северным оленем, бизоном, овцебыком, лошадью, песцом, леммингом и др.

Но как бы там ни было, именно в эту последнюю ледниковую эпоху, до начала двинской фазы максимального похолодания, на территории Беларуси археологически зафиксированы свидетельства пребывания человека современного вида. Но что мы знаем об этом ярком и последнем в систематике рода *Homo* представителе, каким образом он появился в Европе и на территории нашей страны?

Общая характеристика позднего палеолита. Около 40 (35) тыс. лет назад на территории Европы начинается расселение *неоантропов*¹¹⁹, или людей современного физического типа – *Homo sapiens* (*Гомо сапиенс*), или «Человека разумного». Их культура, образ жизни, уровень хозяйства и общественных отношений резко отличались от проживавших здесь неандертальцев.

Новейшие исследования показывают, что корни человека современного типа следует искать в Восточной и Южной Африке. Именно здесь обнаружены самые ранние костные останки *Homo sapiens*, возраст которых насчитывает около 200 тыс. лет назад. Следовательно, на территорию Европы группы людей современного физического типа пришли с юга. Вначале они появились на Ближнем Востоке, а затем оттуда около 40–35 тыс. лет назад через сухопутные мосты, временно образовавшиеся в последнюю ледниковую эпоху на месте проливов Босфор и Дарданеллы, проникли на территорию Европы.

Ранняя форма человека современного типа получила название «*кроманьонца*»¹²⁰. Это были люди высокого роста с хорошо сложенными пропорциями тела, так называемого «грацильного типа». Заметны были изменения и в строении черепа. По сравнению с неандертальцем, череп *Homo sapiens* характеризовался более высоким лбом с едва заметными надбровными дугами, выраженным подбородком, развитыми теменными долями мозга. Южное (африканское) происхождение пришельцев выдавали длинные ноги, плоское лицо и смуглый цвет кожи.

Появление неоантропов в Европе стало ключевым моментом в судьбах неандертальцев, которые, очевидно, не выдержали конкуренции с *Homo sapiens* и исчезли около 28–24 тыс. лет назад¹²¹. Приспособленный к условиям жизни на открытых пространствах, *Homo sapiens* сумел за короткое время освоить новые территории и даже приспособиться к крайне суровому климату начавшейся ледниковой эпохи. Исследования последних лет свидетельствуют о проживании человека 40–35 тыс. лет назад на севере Восточной Европы в пределах 58–68° северной широты¹²².

С появлением *Homo sapiens* происходят изменения в орудийной деятельности, организации поселений, домостроительстве, погребальном обряде; широко распространяется искусство, неразрывно связанное с первобытной религией и магией. В качестве примера можно привести результаты изучения памятников позднего палеолита в Восточной Европе, особенно тех, которые находятся в центре Восточно-Европейской (Русской) равнины, где собственно расположена и территория Беларуси. Среди них это представительная

Homo sapiens
приледниковой Европы

¹¹⁹ От греч. «неос» – новый, «антропос» – человек.

¹²⁰ По названию захоронений в пещере Кроманьон во Франции.

¹²¹ Есть сведения о том, что отдельные группы неандертальцев могли быть ассимилированы неоантропами.

¹²² На этих параллелях обнаружено более 30 памятников, среди которых особый интерес представляют материалы стоянки *Мамонтова Курья* и *Заозерье*, возрастом 38–36 тыс. лет назад и *Гарчи-1*, *Бызовая* (29–29 тыс. лет назад). Подробнее см.: Павлов, П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные / П. Ю. Павлов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1 (33). – С. 33–45; Павлов, П. Ю. Основные этапы освоения северо-востока Европы в каменном веке / П. Ю. Павлов, А. В. Волокитин, А. Н. Карманов // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Под ред. А. П. Деревянко (отв. ред.) (и др.). – Москва : РОССПЭН, 2010. – С. 31–37.

и эталонная для европейского палеолита группа стоянок у с. *Костёнки* и *Боршево* недалеко от Воронежа на Среднем Дону, а выше – *Гагарино* и *Липецкая стоянка*. Концентрация памятников отмечается в Среднем Поднепровье и на Десне. Это известные нам стоянки *Мезин*, *Межиричи*, *Пушкари*, *Супонево*, *Юдиново*, *Елисеевичи*, *Хотылево*, *Авдеево*, а севернее – *Зарайская стоянка* в Подмосковье, *Сунгирь* и *Русаниха* под Владимиром, *Мамонтова Курья*, *Бызовая* и *Медвежья пещеры* на Печоре и др.

Каждый из этих памятников по-своему уникален и определяет свою традицию в технике обработке камня, изготовлении орудий труда, домостроительстве. В связи с этим на территории Восточной Европы по названию некоторых стоянок позднего палеолита выделены археологические культуры, или индустрии – *костёнковско-авдеевская*, *стрелецкая*, *мезинская*, *зарайская*, *сунгирьская* и т.д. Материалы этих культур служат основой для периодизации позднего палеолита Восточной Европы.

В начале позднего палеолита происходят изменения в технике обработки камня. Усилился интерес к поиску подходящей формы исходного сырья для получения заготовок правильных форм и размеров. В основе техники расщепления лежал принцип скалывания ножевидных пластин с призматического нуклеуса. При этом в качестве нуклеуса использовали не только камень (кремь), но и кость, рог, бивень. В некоторых культурах, кроме ударных способов (например, оббивки) начинает использоваться отжимная техника, позволявшая с помощью давления контролировать процесс получения заготовок и их обработки.

Заметен прогресс и в технике изготовления орудий, что позволило расширить их ассортимент и повысить производительность труда. В позднем палеолите известно более 100 типов орудий. На стоянках позднего палеолита Восточной Европы встречаются многочисленные скребки, остряки, проколки, рубящие орудия, гарпуны, наконечники копий и дротиков копьёметалок. Особое распространение получает такое орудие как резец, появление которого свидетельствует о фундаментальных сдвигах в познавательных способностях человека, развитии его мышления и сознания. Обладая универсальными качествами режущего орудия, резец использовался как инструмент для гравировки поверхности костяных, роговых и деревянных изделий, создания скульптурных изображений. В этом отношении поздний палеолит даёт нам яркие примеры развития неутилитарной¹²³ деятельности человека.

Появление новых типов орудий труда и оружия сделали более эффективным процесс охотничьей добычи. В позднем палеолите Восточной Европы, также как и в эпоху мустье, отмечается специализация охотников по добыче того или иного вида животных. И если на Русской равнине основными промысловыми животными были мамонт, шерстистый носорог, северный олень, то в южных регионах – это бизон и лошадь, а в горных областях – на Кавказе и в Крыму – сюда ещё добавляются пещерный медведь, горные виды козла и барана, сайгак.

Охота на стадных животных стимулировала распространение загонных методов. Но теперь процесс охотничьей добычи становится более эффективным. В позднем палеолите кроме копья стали использовать копьёметалку – короткое копьё (дротик), которое приводилось в движение быстрым рывком руки с помощью державшей его снизу дощечки с крючком на конце. А около 30–15 тыс. лет назад дистанционные виды оружия дополнились появлением лука и стрел, сведения о которых известны по находкам наконечников стрел. Очевидно, в конце позднего палеолита была приручена собака. Ближайшие к территории Беларуси костные останки этого животного обнаружены на стоянке Елисеевичи под Брянском и датируются примерно 15 тыс. лет назад.

С началом позднего палеолита изменения коснулись и домостроительства. В приледниковой полосе в условиях холодного климата люди вынуждены были строить утепленные жилища. Остатки таких жилищ обнаружены на стоянках *Мезин*, *Межиричи*, *Костёнки*, *Гагарино*, *Юдиново* и т.д. Это были округлые или овальные постройки, основу которых составляли черепа и челюсти мамонтов, поддерживающие каркас из бивней. Жилища плотно покрывались шкурами. По материалам Восточной Европы выделено два основных типа жилищ. Первый из них представлен землянками и наземными строениями округлого или овального типа, диаметром до 6–8 м, с очагом в центре. Второй тип жилищ характеризуют постройки, вытянутые до 36 м в длину при ширине 15 м, с несколькими очагами внутри, рассчитанные на несколько семей родовой общины.

Реконструкция жилища позднего палеолита из костей диких животных

¹²³ Имеется в виду не связанной с производством материальных благ.

Поздний палеолит связан с развитием духовной культуры, которая отражена в произведениях искусства, погребальных памятниках, свидетельствах первобытной религии и мифологии. Палеолитическое искусство представлено находками скульптурных и гравированных изображений человека и диких животных, пещерной живописью.

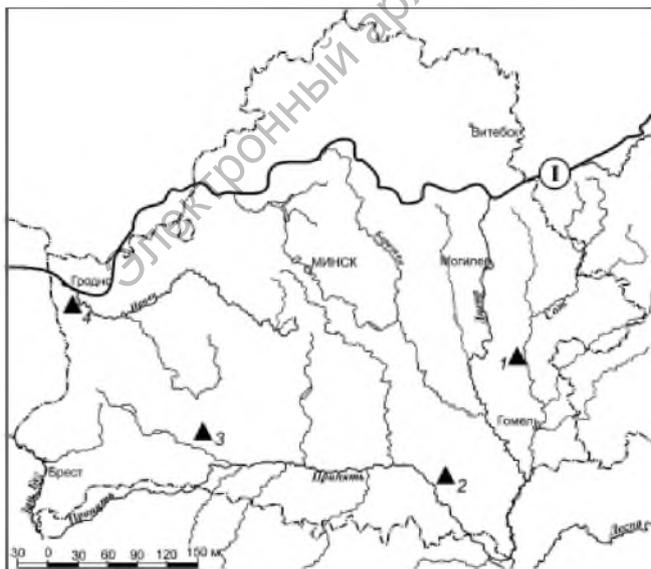
Наибольшую известность получили скульптурные изображения женщин. В литературе они известны как «палеолитические Венеры». В них запечатлен образ обнаженных женщин с преувеличенными формами отдельных частей тела – груди, живота, бедер и ягодиц. Находки таких «Венер» обнаружены на стоянках *Авдеево*, *Гагарино*, *Елисеевичи*, *Костёнки*. (Интересно, что на стоянке *Елисеевичи* найдена фигурка, изображающая женщину более-менее грацильных форм.) В Европе самые ранние образцы «палеолитических Венер» датируются около 40 тыс. лет, но основное время их распространения приходится на 25–15 тыс. лет. Большинство ученых считает, что появление женских изображений в позднем палеолите является отражением материнского культа.

Большую известность в позднем палеолите получила пещерная живопись. Она хорошо представлена среди памятников Франко-Кантабрии в Западной Европе – пещеры *Альтамира*, *Фон де Гом*, *Ляско*, *Нио*, *Труа Фрер* и др. С помощью минеральных красок (охра, мел) и угля создавались вполне реалистичные изображения животных ледниковой эпохи: бегущие быки, лошади, мамонты, олени. Имеются изображения и самого человека. Примеры монументального искусства обнаружены и на территории Восточной Европы – *Каповая пещера* в Башкортостане и *Игнатьевская пещера* в Челябинской области. «Галереи» рисунков обеих пещер относятся к заключительной поре позднего палеолита – 14–10 тыс. лет назад. Особый интерес вызывают изображения в Каповой пещере (14–13 тыс. лет назад). Пожалуй, это единственная пещера в Европе, где сохранились многочисленные изображения мамонта, шерстистого носорога и лошади, выполненные охрой.

В позднем палеолите дальнейшее развитие получает погребальный обряд, о чем свидетельствуют захоронения неолитов. В Восточной Европе наибольшую известность получили погребения в *Костёнках-14 (Маркина гора)*, где обнаружены останки людей двух расовых типов – европеоидного и негроидно-гримальдийского. Список погребальных памятников дополняется находками захоронений подростка в *Костёнках-15*, пожилого кроманьонца и двух подростков – мальчика и девочки, положенных головами друг к другу в *Сунгире*; ребенка в сидячем положении на *Городицкой стоянке* и т.д.

Но важен не только сам факт захоронения человека, который бесспорно обогащает нас знаниями по палеоантропологии позднего палеолита, а находки, обнаруженные в могилах. И если обряд захоронения в сравнении с мустьерской эпохой существенных изменений не претерпел (это все те же грунтовые могилы со скорченными и вытянутыми костяками), то изменилось само содержание погребений за счет присутствия в них вещей – орудий труда, оружия и украшений. Могилы умерших посыпали охрой.

Так, своим богатством поражает погребальный инвентарь в захоронениях *Сунгиря*. В могиле «старика-кроманьонца» были обнаружены костяная подвеска на груди, браслеты из бивня мамонта

Карта памятников позднего палеолита на территории Беларуси

1 – Бердыж (Подлужье); 2 – Юровичи; 3 – Логишин;
4 – Ковальцы-4 (нижний слой) (?)

на запястьях рук и более 3,5 тыс. бус из костей и зубов диких животных, нашитых на головной убор и обувь умершего. В детских захоронениях, расположенных рядом, лежало два копыта из бивня мамонта, кремневый нож, костяной кинжал, дротик и шило. Одежда детей также была украшена тысячами нашитых на нее костяных бус. Такой погребальный инвентарь позволяет заключить о существовании сложной системы религиозных представлений, связанных с верой в загробный мир.

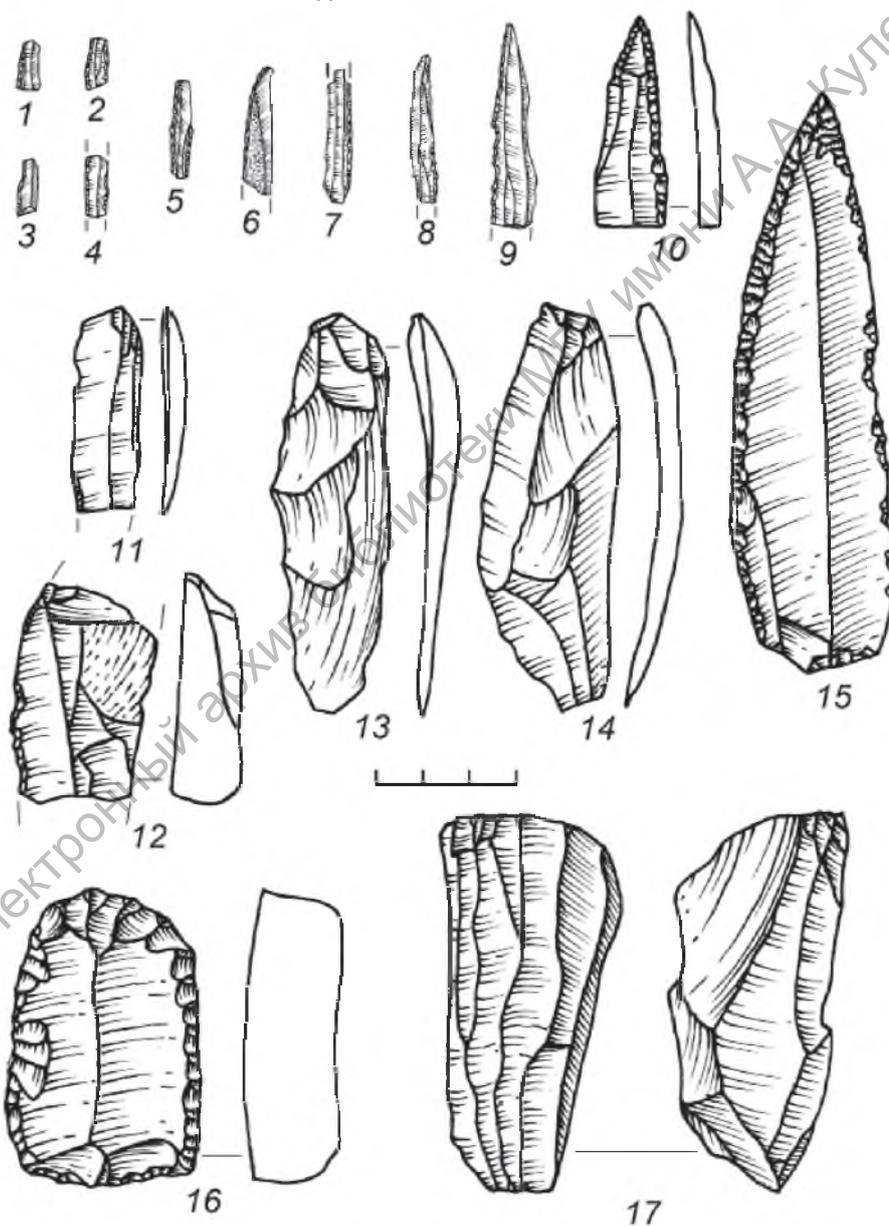
Памятники позднего палеолита на территории Беларуси. На территории Беларуси поздний палеолит представлен материалами отдельных памятников, среди которых наибольший интерес вызывают находки Юровичского местонахождения и стоянки Бердыж (Подлужье).

Местонахождение *Юровичи* расположено на высоком мысу правого берега р. Припять в центре одноименной деревни Калинковичского района Гомельской области. Напомним, что на-

чало истории изучения этого памятника связано с находкой кости мамонта в 1928 г. местным учителем Ю.Ю. Попелем. В 1929 и 1931 гг. К.М. Поликарповичем здесь были проведены первые раскопки. В последующие годы стоянка изучалась под руководством В.Д. Будько (1959, 1960), В.П. Ксензова (1976) и Е.Г. Калечиц (2006).

Материалы раскопок позволяют утверждать о наличии одного культурного слоя на памятнике, перекрытого мощной (до 5–6,5 м) толщей отложений из песка и глины. За годы раскопок в Юровичах было обнаружено 53 артефакта, изготовленных из мелового кремня темно-серого цвета. Большая часть находок относится к продуктам расщепления – отщепам и пластинам, снятым с одно- и двух-площадочных нуклеусов. Отдельные сколы были использованы для производства орудий труда. Среди них выделяются двойной скребок, проколка, массивная пластина с ретушью, пластина со скошенным ретушью концом, микропластина с ретушированным краем.

Несомненный интерес вызывают: находка остроконечника (клинка) на массивной пластине, серия микропластин с затупленным краем и острый типа граветт¹²⁴. Обычно микропластины с затупленным краем и острия типа граветт использовались в качестве вставок в пазы лезвий метательных наконечников копий и дротиков, кинжалов. Следовательно, первобытные охотники Юровичского местонахождения были знакомы с вкладышевой техникой.

Юровичи. Кремневый инвентарь

1–7 – микропластины с затупленным ретушью краем; 8–9 – острия типа граветт; 10 – проколка; 11, 13–14 – пластины; 12 – пластина с ретушью; 15 – остроконечник; 16 – скребок; 17 – нуклеус

¹²⁴ Название дано по находкам пещерной стоянки Ла Граветт во Франции.

Примером охотничьей деятельности могут служить находки костей мамонта, лошади, быка, шерстистого носорога, северного оленя и песка. Значительная часть костных останков концентрируется в пределах скопления камней, принятых в свое время В.Д. Будько за остатки выкладки основания жилища¹²⁵, что не подтвердилось на современном этапе исследований памятника. Оказалось, что скопление валунов имеет естественное происхождение и никак не связано с остатками жилых конструкций на стоянке. Отдельные из них имеют очень крупные размеры (диаметром более 1 м и высотой до 1,5 м).

Новейшие исследования памятника позволяют рассматривать его не как стоянку, связанную с проживанием человека, а как *место забоя и разделки диких животных*¹²⁶. Вот почему на памятнике обнаружено мало находок, имеющих явно не поселенческий облик. Следовательно, перед будущим поколением исследователей открывается перспектива поиска поселения тех, кто оставил нам следы охотничьей деятельности на Юровичском местонахождении.

Геологический возраст Юровичей соответствует времени до начала последней (двинской) фазы максимального похолодания в период поозерского оледенения. Для памятника по костям мамонта получены две радиоуглеродные даты. Одна из них соответствует 26470±420 лет назад¹²⁷. Вторая дата, уточненная в 2009 г. в Гронингеме (Нидерланды), на несколько сот лет омолодила возраст памятника – 25660 +160, –150 лет назад¹²⁸. В культурном отношении находки Юровичского местонахождения связывают с традициями «восточного граветта». На территории Восточной Европы памятники этого культурного явления датируются в пределах 24–15 тыс. лет назад. Его характеризуют: высокоразвитая пластинчатая техника, техника резцового скола, использование пластин и вкладышей с притупленным краем для производства составного охотничьего оружия.

Более конкретно о культурной принадлежности памятников позднего палеолита на территории Беларуси позволяют судить материалы стоянки *Бердыж (Подлужье)*. Это древнее поселение расположено на правом берегу р. Сож, южнее д. Подлужье Чечерского района Гомельской области. Стоянку обнаружил К.М. Поликарпович в 1926 г. и им же вплоть до 1954 г. на памятнике велись раскопки. В последующие годы исследования в Бердыже проводили В.Д. Будько (1959, 1968–1970) и Е.Г. Калечиц (1970–1972) в тесном сотрудничестве с геологами и палеонтологами.

Стоянка Бердыж расположена на высоком участке береговой террасы между Северным и Южным оврагами урочища Колодежки. Культурный слой стоянки изучен в отложениях Южного оврага и залегает в хорошо заметной супеси серо-зеленого цвета, которая выделяется наличием костей животных ледниковой эпохи.

В результате раскопок собрано около 2 тыс. костей животных. Большая их часть принадлежит 50 особям мамонта (черепа, челюсти, ребра и их фрагменты, зубы, кости с пробитыми отверстиями). Остальные костные останки относятся к северному и благородному оленям, песцу, первобытному зубру, шерстистому носорогу, бобру, косуле, лошади, медведю, волку, лисице, зайцу-беляку, филину, мелким грызунам. Как видим, животный мир в окрестностях Бердыжа в последнюю ледниковую эпоху был пестрым и разнообразным. Он характеризуется сочетанием тундровой, таежной и степной фауны.

Скопления костей на отдельных участках стоянки В.Д. Будько связывались с остатками четырех жилищ и пяти хозяйственных ям. По мнению ученого, жилища имели овальную форму и были слегка углублены в материк. Их основу составляли черепа, плоские и трубчатые кости мамонта. В центре одного из жилищ мог находиться очаг¹²⁹.

Однако вопрос о наличии жилых конструкций и вообще каких-либо объектов хозяйственно-бытового назначения в Бердыже находится в области дискуссий. Культурные остатки памятника переотложены, поэтому если на стоянке и были жилища, что отрицать нельзя, то они в результате действия водно-ледниковых (солифлюкционных) потоков были просто смещены со своего первоначального места. Есть мнение (В.И. Громов), что концентрация костей мамонта – не что иное, как свидетельство многолетнего намыва туш погибших животных, снесенных рекой к месту расположения стоянки.

¹²⁵ Будько, В. Д. Юевичская верхнепалеолитическая стоянка / В. Д. Будько // Белорусские древности: докл. к конф. по археологии Белоруссии (январь – февраль 1966); под ред. В. Д. Будько [и др.]. – Минск, 1967. – С. 29–37.

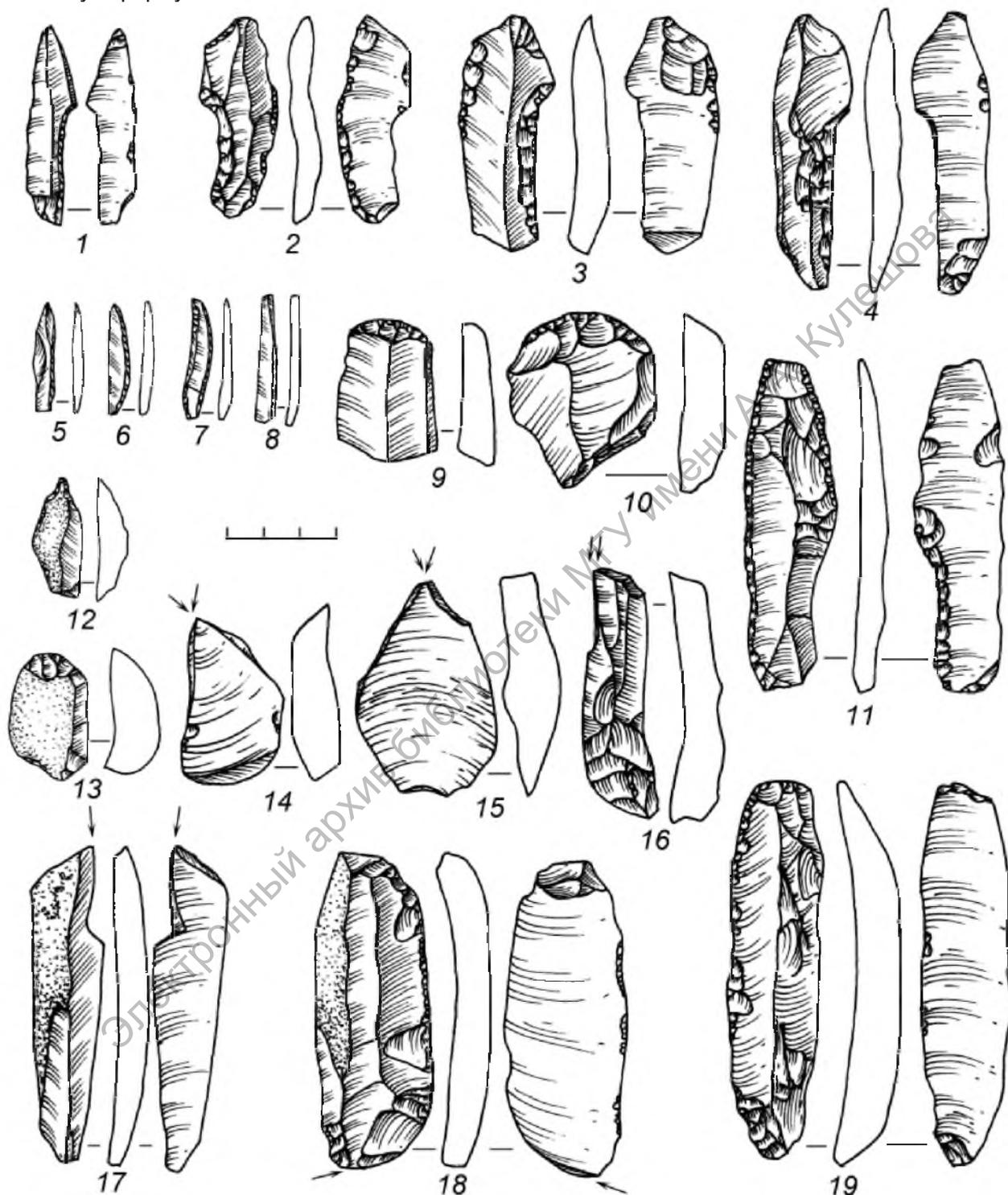
¹²⁶ Калечиц, Е. Г. Юевичская позднепалеолитическая стоянка на р. Припять в свете новых данных / Е. Г. Калечиц, А. Н. Мотузко, В. С. Обуховский // Человек, адаптация, культура; отв. ред. А. Н. Сорокин. – Москва: Гриф и К, 2008. – С. 25–39; Калечиц, А. Г. Палеолитичныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечиц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – С. 23–28.

¹²⁷ Здесь и далее, абсолютная хронология памятников каменного века Беларуси сведена в таблицу 3 (см. Приложение).

¹²⁸ Калечиц, А. Г. Палеолитичныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечиц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – С. 24.

¹²⁹ Будько, В. Д. О жилищах Бердыжской палеолитической стоянки // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1964. – Вып. 101. – С. 31 – 34; Будько, В. Д. Остатки сооружений из костей мамонта в Бердыже / В. Д. Будько, Ю. В. Ободенко // Доклады Академии наук БССР. – 1974. – Т. XVIII, №12. – С. 1135–1137.

Коллекция стоянки Бердыж дополняется находками из кремня. На этом памятнике собран представительный комплекс артефактов – почти 2 тыс. ед. Для производства орудий население Бердыжской стоянки эксплуатировало меловой кремень темно-серого цвета, встречающийся в окрестностях стоянки. Первичная обработка кремневого сырья была направлена на получение пластин и отщепов. Их скалывали с одно- и двухплощадочных нуклеусов, отдельные из которых имеют призматическую форму.

Бердыж (Подлужье). Кремневый инвентарь

1–4 – наконечники с боковой выемкой; 5–7 – острия типа граветт; 8 – микропластина с затупленным ретушью краем; 9–10 скребки; 11, 18, 19 – ножи; 12 – проколка; 13 – скребок; 14–17 – резцы

Население Бердыжской стоянки в совершенстве владело техникой резцового скола. Среди орудий труда преобладают резцы на сломе пластины. Обнаружены также острия, изделия с выемкой, проколки, массивное скребло. Находки микропластин с затупленным краем и острий типа

граветт свидетельствует об использовании составного охотничьего оружия. Своеобразие коллекции Бердыжа придают наконечники с боковой выемкой и ножи с усеченными концами. Эти предметы образуют отдельный тип находок – *костёнковский*¹³⁰ и являются определяющими для *костёнковско-авдеевской культуры* охотников на мамонта, проживавших 27 (25) – 22 тыс. лет назад на территории Восточной Европы. К этой культуре относится и стоянка Бердыж, материалы которой определяют северную периферию памятников одной из локальных групп – *среднеднепровской*.

Стратиграфические наблюдения позволили определить геологический возраст памятника, который соответствует началу последней (двинской) стадии похолодания во время поозерского оледенения. Хронология памятника определяется также тремя радиоуглеродными датами: 23790±120, 23430±180 и 15100±250 лет назад¹³¹.

Таким образом, получается, что основные материалы по позднему палеолиту Беларуси получены на юго-востоке страны. Значит ли это, что человек современного типа, охотники на мамонта осваивали пространства Беларуси и, в частности, Верхнего Поднепровья с юга или юго-востока? Были ли другие возможные пути заселения человеком территории нашей страны? Ответ на этот вопрос лежит в сравнительно недавнем открытии некоторых позднепалеолитических местонахождений в Западной Беларуси.

Особое внимание привлекают материалы стоянки *Ковальцы-4*, а, вернее, находки, полученные в итоге изучения нижнего культурного горизонта памятника¹³². Древнее поселение расположено на мысу высокой террасы (до 18,5 м) левого берега р. Неман, недалеко от места впадения в него р. Горница. На протяжении 1999, 2000, 2004–2007 гг. под руководством В.С. Обуховского здесь велись раскопки. Основная часть материала залегает до глубины 0,50 м и датируется финальным палеолитом – мезолитом. Однако в 2004 г. во время контрольного изучения дна раскопа на глубине 0,80–2,60 м был обнаружен новый горизонт находок.

Нижний культурный слой залегал на уровне погребенной почвы и был переотложен. В результате раскопок была собрана коллекция артефактов из кремня (1950 ед.) и несколько костей молодого мамонта, лошади и суслика¹³³. Среди находок из кремня выделяются одноплощадочные нуклеусы, отщепы, чешуйки кремня, пластины. Для производства орудий были использованы преимущественно пластинчатые заготовки. Среди орудий можно назвать: концевые скребки, угловые и ретушные резцы, пластины и отщепы с ретушированным дистальным концом, грубые проколки, черешковые наконечники стрел.

Увы, решение вопроса о культурной принадлежности и возрасте находок нижнего горизонта стоянки Ковальцы-4 пока далеко от реальности. Предполагают два возможных варианта заселения территории памятника: либо до последней фазы максимального похолодания (около 18 тыс. лет назад), либо после ее окончания в промежутке от 15 до 11,5 тыс. лет назад. Для стоянки получена радиоуглеродная дата – 12420±50 лет назад¹³⁴.

Находки позднепалеолитического облика имеются в коллекции местонахождения *Логишин* Пинского района Брестской области¹³⁵. Здесь еще в межвоенный период польскими археологами Ирэной и Людвиком Савицкими были собраны разновременные материалы. Среди них были встречены и артефакты позднего палеолита (по определению В.С. Обуховского): одноплощадочный нуклеус, отщепы, пластины, два скребка, резец на сломе пластины – всего 13 артефактов. О древности находок свидетельствует наличие плотной патины белого цвета и сглаженность краев.

Следовательно, материалы стоянок Ковальцы-4 и Логишин дают возможность обосновать западный путь заселения территории Беларуси в позднепалеолитическое время.

¹³⁰ По названию стоянки Костёнки-1 под Воронежем.

¹³¹ *Калечыц, А. Г.* Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – С. 24, 33.

¹³² Более подробно с результатами изучения памятника см.: *Обуховский, В. С.* Исследования стоянки Ковальцы 4 Гродненского района (2004 – 2007) / В. С. Обуховский, Т. Остраускас, В. М. Сидарович // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2009. – Вып. 17. – С. 112–118.

¹³³ Палеонтологический материал, полученный из нижнего культурного слоя стоянки Ковальцы IV, описан в статье: *Мотузко, А. Н.* Остатки фауны млекопитающих из археологической стоянки Ковальцы-4 / А. Н. Мотузко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2009. – Вып. 17. – С. 119–120.

¹³⁴ *Калечыц, А. Г.* Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – С. 24, 35.

¹³⁵ См.: *Obuchowski, W.* Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / W. Obuchowski. – Warszawa, 2003. – S. 32, 77, 91, mapa 1, rys. 25:1–7. (*Абухоўскі, В.* Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве / В. Абухоўскі. – Варшава, 2003. – С. 32, 77, 91, карта 1, мал. 25:1–7.)

Тема 2.3

Финальный палеолит

Около 14 тыс. лет назад началось отступление последнего ледника. На фоне начавшихся глобальных изменений климата происходит трансформация культуры позднеледниковых охотников, образа их жизни. Эти изменения закономерно были связаны с исчезновением мамонтового фаунистического комплекса и распространением популяции северного оленя, что стало причиной сезонных миграций древнего населения, стимулировало появление новых способов добычи, основанных на использовании лука и стрел. В геологической истории Беларуси период отступления ледника приходится на *позднеледниковое (нарочанское) время* – 14000–10200 лет назад. В археологии этот период соответствует *финальному палеолиту*.

Понятие «финальный палеолит». Природа и климат позднеледникового времени на территории Беларуси. В конце последнего оледенения исчезло более 30 видов млекопитающих, приспособленных к сухому холодному климату и малоснежью – мамонт, шерстистый носорог, пещерный медведь и др. Некоторые животные (например, северный олень и овцебык) адаптировались к кардинальной перестройке природы и климата и продолжают обитать сегодня в прохладных северных широтах или предгорьях.

Изучение фаунистических остатков на территории Беларуси позволяет предполагать, что в позднеледниковое время и в начале голоцена здесь обитала популяция тундровых северных оленей. Эти животные обладают большой подвижностью и живут по так называемой «пространственно-временной системе», осуществляя постоянные сезонные миграции. Они и теперь осенью откочевывают в лесотундру, где можно добыть корм, а весной и летом, спасаясь от гнуса – в тундру. Протяженность кочевков северных оленей составляет от 200 до 700 км.

Исчезновение крупных стадных животных (мамонт, шерстистый носорог), распространение фауны северного оленя, наложили свой отпечаток на образ жизни человека, его материальную культуру, восприятие окружающего мира в целом. Охота на северного оленя определила высокую мобильность первобытных коллективов, способствовала освоению новых пространств, наложила свой отпечаток на характер расселения человека. Насколько далеко человек в финальном палеолите уходил вслед за своим объектом добычи, об этом можно судить по названию некоторых культур, материалы которых известны на территории Беларуси, но эталонные и эпонимные памятники удалены от ее территории на значительное расстояние, о чем будет сказано далее.

Охота на северного оленя стимулировала широкое распространение соответствующих форм и способов его добычи. Использование копья и загонных способов охоты против животных, которые хорошо ориентировались на открытой местности и перемещались быстрее, чем человек, оказались неэффективными. С этого времени актуальное значение приобретают дистанционные виды оружия – *лук и стрелы*, позволявшие увеличить дистанцию между охотником и его добычей на несколько десятков метров. Продолжали использовать метательное оружие, особенно при совершении массового покола животных на переправах рек, когда скорость движения добычи в воде была ограничена.

Миграции северного оленя наложили свой отпечаток на характер и условия проживания человека. Это были кратковременные места обитания, располагавшиеся у воды на возвышенных участках рельефа местности (береговых террасах и их останцах, высоких дюнах, холмах и т.д.). Такая стратегия расселения была не случайной. Выбирались сухие, не подтапливаемые во время весеннего половодья участки, дававшие хороший обзор местности. Часто стоянки устраивались недалеко от мест переправы диких животных, где совершался массовый покол животных. Наблюдается приуроченность поселений к местам выхода кремневого сырья, использовавшегося для производства орудий.

Таким образом, изменение образа жизни палеолитического человека в момент отступления ледника, распространение фауны северного оленя, ставшего объектом добычи и определившего высокую подвижность первобытных коллективов, появление и использование лука и стрел являются важными критериями в выделении финального палеолита как отдельной исторической эпохи. Ее еще иначе называют *«веком северного оленя»*. Формирование культуры охотников на северного оленя археологически фиксируется 14000 (12000) лет назад и подтверждается находками орудий, в первую очередь – наконечников стрел. В литературе даже закрепилось общее название для культур финального палеолита Европы – *«культуры черешковых наконечников стрел»*.

По данным белорусских исследователей¹³⁶, в позднеледниковье выделяется три холодных *дриасовых* периода, разделенных двумя теплыми межстадиалами – *бёллинг*¹³⁷ и *аллерёд*¹³⁸. На протяжении каждого из этих периодов границы ледника постепенно сдвигались в северном направлении, а вместе с ними и границы видовых ареалов растений и животных. Холодные периоды сопровождались распространением безлесных тундростепных ландшафтов. (Поэтому не случайно фазы похолодания получили соответствующее название «дриас» – по названию холодостойкого цветка¹³⁹, пыльца которого встречена в отложениях этих периодов и служит своего рода индикатором климата.) Циклы потеплений отмечаются постепенным формированием лесных ландшафтов.

Хронология позднеледниковья Беларуси выглядит следующим образом (см. Приложение, таблица 2). Начало периода связывают с *ранним дриасом*, или *дриасом-1* (14000–12800 лет назад). В это время большая часть территории Беларуси была занята редколесьем северо-таежного типа с елью и березовыми колками, преобладала травянистая растительность. Первое потепление климата отмечается в *бёллинге* (12800–12100 лет назад). Произошло частичное оттаивание грунтов и распространение разреженных березовых и сосново-березовых лесов с подлесками из ольхи и ивы. Температура июля была ниже современной на 0,5–1°, января – на 1,5°, года – на 1°. Однако это потепление, длившееся 700 лет, сменилось новым похолоданием *среднего дриаса*, или *дриас-2* (12100–11800 лет назад), которое вновь привело к сокращению лесов и распространению лесотундровых ландшафтов.

Вспышка тепла в общепланетарном масштабе происходит в *аллерёде* (11800–10900 лет назад), что вызвало серьезные изменения в природе. Оно выразилось в сокращении кустарников и трав, распространении лесной растительности. Территория Беларуси была покрыта сомкнутыми лесами таежного типа, еловыми и сосново-березовыми лесами с небольшими подлесками из ольхи, ивы, можжевельника и калины. Сократились площади многолетней мерзлоты, начали формироваться дерново-подзолистые почвы. Температура июля была близка к современной.

Однако и это потепление было прервано почти на 700 лет новым похолоданием *позднего дриаса*, или *дриас-3* (10900–10200 лет назад), когда на территории Беларуси были распространены тундро-степные ландшафты с редкостойными березовыми лесами. Мерзлые грунты вновь восстановились. Климат стал резко континентальным: температура июля была ниже современной на 1–3°, января – на 5–7°, годовая – на 5–7°. С окончанием позднего дриаса наступил новый послеледниковый этап в развитии окружающей среды – голоцен, с которым связывают начало следующей эпохи – мезолита.

Сложившиеся природные условия в позднеледниковое время, развитая речная сеть открывали человеку новые возможности в освоении территории Беларуси. Продвижение охотников на северного оленя проходило преимущественно по крупным водным артериям – Днепру, Припяти и Неману. Бассейны этих рек были связующим звеном между удаленными друг от друга регионами. Например, от Днепра по Припяти шел путь на запад в сторону Понеманья и Западного Побужья и далее в бассейн р. Висла. Восточное направление определяли бассейны Сожа и Десны, а затем – на северо-восток – путь человека лежал в междуречье Волги и Оки.

Заселение территории Беларуси в финальном палеолите. Вопрос о времени и путях заселения территории Беларуси во время отступления последнего ледника является не менее важным, чем сама проблема первоначального заселения нашей страны в эпоху палеолита. Решение этого вопроса наталкивается на отсутствие надежной источниковедческой базы, обеспеченной данными естественных наук, как это, например, мы наблюдали в случае с памятниками позднего палеолита.

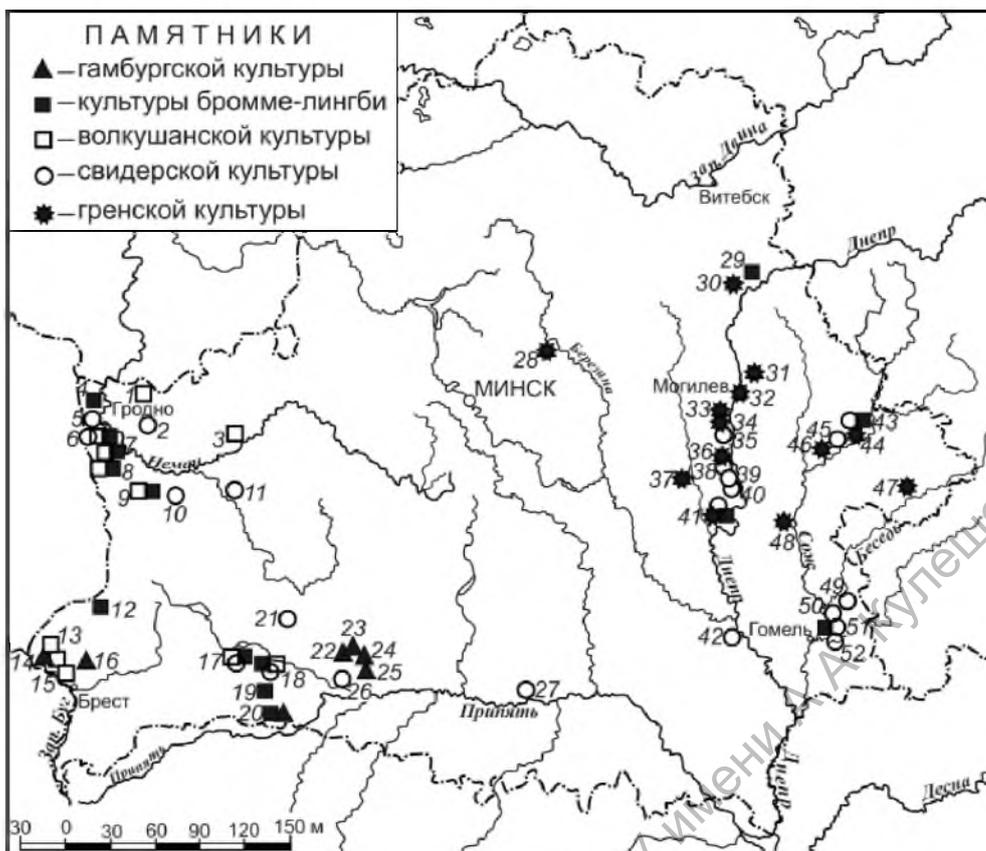
Исследователи отмечают возможность появления первых охотников на северного оленя в начале позднеледниковья. В частности, в Западной Беларуси в последнее время обнаружены единичные находки одной из ранних культур финального палеолита – *гамбургской*. Свое название эта древняя культура получила по находкам стоянки Мейендорф близ Гамбурга (Германия), изученной в 1930-е гг. немецкими археологами Г. Швантесом и А. Рустом.

¹³⁶ См.: Еловичева, Я. К. Основные этапы развития археологических культур Беларуси и их соотношение с хронологией позднего плейстоцена – голоцена (позднеледниковье – финальный палеолит) / Я. К. Еловичева, Е. Г. Калечиц // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2000. – № 15. – С. 5–15; Калечиц, А. Г. Аб выкарыстанні ў археалогіі новых стратыграфічных схем чацвярцічных адкладаў Беларусі / А. Г. Калечиц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2015. – Вып. 26. – С. 44–49.

¹³⁷ Название периода дано по отложениям озера Бёллинг (Bølling), расположенного в центральной части Ютландии, недалеко от г. Силькеборг в Дании.

¹³⁸ По названию местности (Allerød) близ Копенгагена, где были обнаружены отложения соответствующего периода.

¹³⁹ Этот цветок и сегодня произрастает в высокогорных районах. Его еще иначе называют «дриадой» или «куропаточьей травой».

Карта основных памятников финального палеолита на территории Беларуси

Гамбургская культура: 14 – Величковичи-2; 16 – Скорбичи (Дружба); 20 – Одрижин-2; 22 – Ботово; 23 – Погост-Загородский-5; 24 – Вяз-1 (Дубы); 25 – Бокиничи-1.

Культура бромме-лингби: 4 – Баля Сольная-2; 6 – Жиличи-1 и 3; 7 – Ковальцы-1, 2 и 4 (верхний слой); 8 – Жукевичи-2; 9 – Красносельский-5 и 6; 12 – Каменюки-2 и 9; 17 – Ополь-2; 18 – Мотоль-1 и 5; 19 – Глинна-1 и 2; 20 – Одрижин-1 и 2; 29 – Берестеново; 41 – Коромка; 43 – Первокривчевский-3; 51 – Клёнки-3 и 5.

Волкушанская культура: 1 – Лихачи; 3 – Збляны-2; 6 – Жиличи-1-3; 7 – Ковальцы-1 и 4 (верхний слой); 8 – Жукевичи-1 и 2; 9 – Красносельский-6; 13 – Галачёво-1 и 2; 14 – Величковичи-1-5; 15 – Колодно-1-3; 17 – Ополь-5; 18 – Мотоль-1, 5, 17 и 24.

Свидерская культура: 2 – Озеры-1 и 2; 5 – Пышки-5; 6 – Жиличи-1 (пункты а и в), Жиличи-2а и 3а; 10 – Пески-5; 11 – Черлёнка; 17 – Ополь-1-5, 7-9; 18 – Мотоль-1, 2, 4, 5, 7, 11-14, 17-21; 21 – Бобровичи-1 и 2; 26 – Заозерье; 27 – Дорошевичи; 35 – Барколабово; 38 – Нераж (Рдица); 39 – Яново; 40 – Новый Быхов; 41 – Коромка; 42 – Береговая Слобода; 43 – Первокривчевский-3; 45 – Горки; 49 – Бартоломеевка-2 и 3; 50 – Рудня Споницкая-1 (Латки); 51 – Клёнки-1, 3-5; 52 – Романовичи.

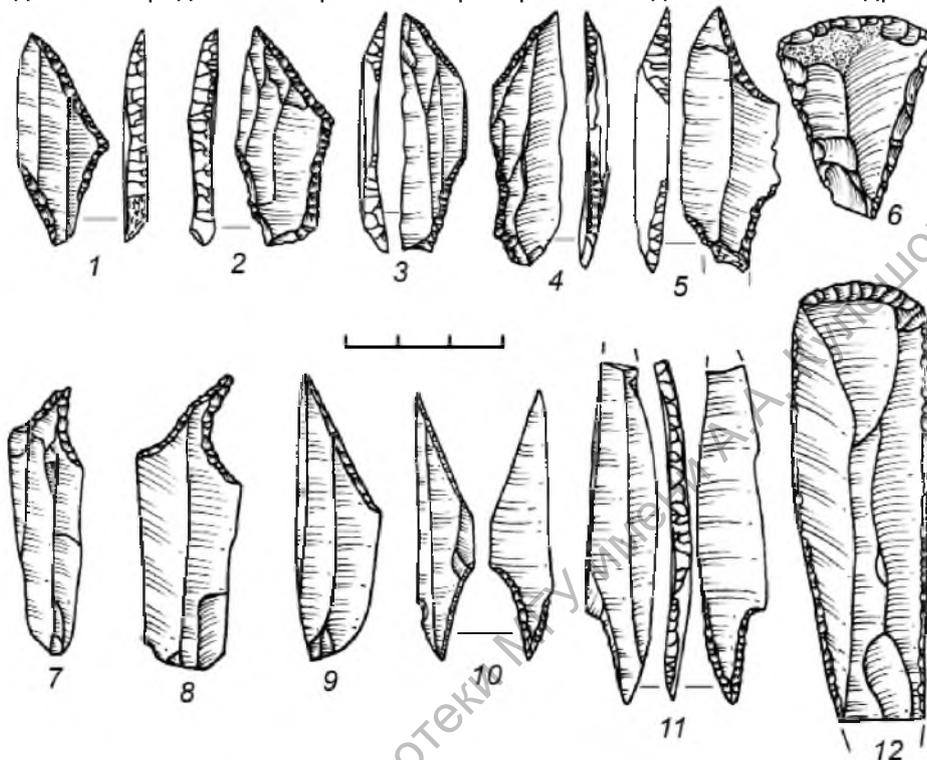
Гренская культура: 28 – Гута-1; 30 – Орша-1; 31 – Хвойная; 32 – Могилевская; 33 – Боровка; 34 – Дальнее Лядо; 36 – Лудчицы; 37 – Чигиринка; 41 – Коромка; 44 – Поклады-2; 46 – Журавель; 47 – Печенеж; 48 – Гренск.

Считают, что гамбургская культура появилась в результате миграций мадленских охотников на северного оленя из Северной Франции. Культура развивалась на протяжении 13000–11700 лет назад. Она возникла в теплый период бёллинга, сумела пережить холодный климат среднего дриаса и дожила до начала потепления в аллерёде. Этому способствовал весьма подвижный образ жизни охотников гамбургской культуры. Вслед за северным оленем они совершали сезонные миграции и смогли практически полностью освоить пространства Среднеевропейской низменности, покрытые тогда тундрой, и достичь территории Восточной Польши, Литвы, Украины и Западной Беларуси.

О мобильном характере быта охотников гамбургской культуры свидетельствуют остатки кратковременных стоянок, которые фиксируются по слабо насыщенным локализациям находок. На отдельных поселениях сохранились остатки жилищ – небольшие по размеру и легкие наземные конструкции округлой или овальной формы. Кровля отдельных жилищ поддерживалась камнями, обложенными по периметру постройки.

Инвентарь гамбургской культуры крайне беден и определяется находками нескольких типов орудий труда, сделанных из камня (кремня), кости и рога. В качестве заготовки для орудий использовали крупные пластины и отщепы, снятые в технике «твердого» (каменного) и «мягкого» (рогового) отбойников с нуклеусов одно- и двухплощадочной формы. Орудия труда представлены концевыми скребками

с ретушированными краями и скребками с выделенным черешком (тип велен), ретушными, двугранными и на сломе заготовки резцами, массивными остриями со скошенным ретушью концом, проколами с выделенным жальцем в виде клюва (тип цинкен¹⁴⁰); единичны острия типа граветт. Специфику культуры определяют находки наконечников стрел и дротиков, которые представлены двумя основными типами. Один из них характеризуется ассиметричными наконечниками с выделенным «плечом», второй – черешковыми наконечниками из узких длинных пластин (тип гальвете). В материалах культуры известны находки из кости и рога северного оленя – однорядные гарпуны, наконечники копий, рукоятки. На отдельных предметах сохранилась гравировка в виде линий и меандров.

Гамбургская культура. Кремневый инвентарь

- 1–5 – наконечники с выделенным «плечом» (найлены на территории Беларуси);
 6, 12 – скребки (6 – тип велен); 7–8 – клювовидные проколки (тип цинкен);
 9 – острие со скошенным ретушью концом; 10–11 – наконечники типа гальвете

На территории Беларуси свидетельством присутствия охотников гамбургской культуры являются находки наконечников из кремня. Они обнаружены в материалах разновременных коллекций, собранных в Западном Полесье: *Бокиниччи-1, Ботово, Величковиччи-2, Вяз-1 (Дубы), Одрижин-2, Погост-Загородский-5, Скорбичи (Дружба)*¹⁴¹. Изделия имеют массивный вид, изготовлены из широких и толстых пластинчатых заготовок длиной до 5–7 см. Наконечники характеризует ассиметричная форма за счет скошенного ретушью пера и выделенной в черешковой части выемкой. В отдельных случаях перо и черешковая часть с одной стороны наконечника образуют характерный выступ – так называемое «плечо». Таким образом, на территории Беларуси обнаружены гамбургские наконечники первого типа.

Если говорить в целом о гамбургской культуре, то находки наконечников с выделенным «плечом», проколоч с клювовидным жалом, скребков с ретушированными краями встречаются в наиболее ранних комплексах, соответствующих потеплению бёллинг. На позднем этапе (средний дриас – начало аллерёдского потепления) возрастает количество орудий из пластин. Кроме «плечиковых» наконечников широко распространяются наконечники черешковой формы (тип гальвете), концевые скребки с выделенным черешком (тип велен). К сожалению, фрагментарность сведений (единичные находки наконечников) не позволяет пока говорить более конкретно о времени появления гамбургской культуры на территории Беларуси. Однако вне всяких сомнений остается тот факт, что

¹⁴⁰ В переводе с немецкого «zinken» означает «резчик».

¹⁴¹ Сведения о находках гамбургской культуры на территории Западной Беларуси систематизированы в работах В.С. Обуховского. См.: *Obuchowski, W. Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / W. Obuchowski. – Warszawa, 2003. – 207 s. (Абухоўскі, В. Знаходкі крэмняных і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве / В. Абухоўскі. – Варшава, 2003. – 207 с.); *Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi / W. Obuchowski // Swiatowit. – Warszawa : IAU Warszawski, 2009. – Vol. XVI. – 296 s. (Обуховский, В. Палеолитические и мезолитические материалы из западной Беларуси / В. Обуховский // Святovit. – Варшава : Ин-т археологии, Варшавский ун-т, 2009. – Вып. XVI. – 296 с.)**

гамбургские охотники были одними из первых, кто в результате миграций с запада начал осваивать территорию нашей страны.

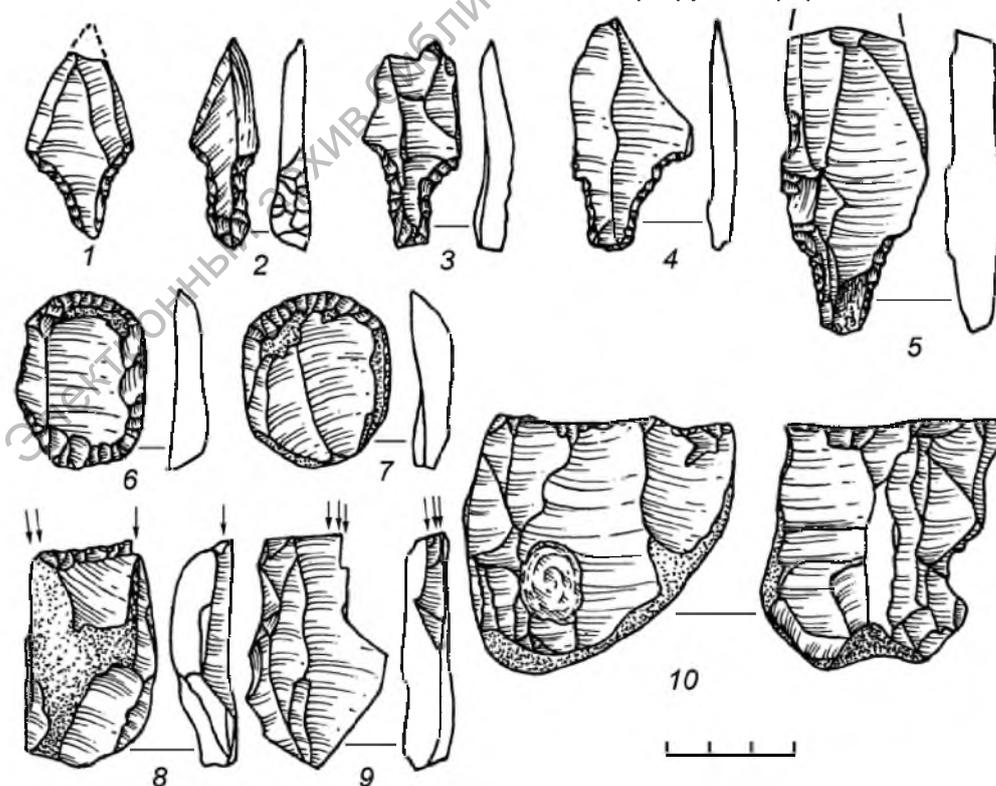
Кроме гамбургской культуры на территории Беларуси известны материалы еще четырех культур: *бромме-лингби* и *волкушанской*, памятники которых концентрируются преимущественно в бассейнах Немана и верхней Припяти, *свидерской* (от Понеманья на западе до Верхнего Поднепровья на востоке) и *грэнской* (верховья Днепра и его притоков). Дадим краткую характеристику каждому культурному явлению.

Культура бромме-лингби. Эта культура была выделена в 1936 г. английским археологом Г. Кларком на основе материалов стоянки Нёрре-Лингби, расположенной на севере Ютландии в Дании. Первоначально культура получила название «лингби», однако после открытия на острове Зеландия в Дании еще одной стоянки – Бромме, давшей наиболее ранние находки, культуру стали именовать «бромме-лингби», или просто «бромме».

Памятники культуры бромме-лингби распространены на достаточно обширной территории: от Великобритании на западе до верховьев Волги на востоке. Основной ареал культуры охватывает территорию Дании, Северную Германию и Южную Швецию. Именно там обнаружены наиболее выразительные находки по культуре бромме-лингби, и именно оттуда шли миграции этого древнего населения.

Развитие культуры бромме-лингби приходится на время аллерёдского потепления и начала похолодания в позднем дриасе, т.е. на период 11500–10700 лет назад. Охотники обитали в условиях тундро-степных и лесных ландшафтов, совершая постоянные сезонные миграции вслед за северным оленем. Известны примеры добычи и некоторых видов лесных животных – лося, гигантского оленя, косули, бобра и росوماхи.

Памятники культуры бромме-лингби представлены поселениями, расположенными на высоких берегах рядом с источниками воды и запасами кремневого сырья. В зависимости от условий и характера обитания охотников, в культуре бромме-лингби выделяют несколько групп стоянок: крупные базовые поселения, кратковременные охотничьи стойбища, стоянки-мастерские и места забоя диких животных. Каждая из этих групп памятников определяется особенностями топографического положения и характеризуется своим набором орудий труда. Например, стоянки-мастерские культуры бромме-лингби приурочены к местам выхода кремневого сырья. Здесь присутствует большой процент продуктов расщепления кремня при мизерном количестве орудий. А вот места забоя и разделки охотничьей добычи располагались на высоких холмах и выделяются преимущественно по находкам наконечников стрел. На отдельных поселениях найдены остатки наземных жилищ округлой формы с очагом внутри.

Культура бромме-лингби. Кремневый инвентарь
1–5 – наконечники стрел; 6–7 – скребки; 8–9 – резцы; 10 – нуклеус

Кремневый инвентарь культуры бромме-лингби проявляет типологическое однообразие. Он представлен всего тремя основными группами орудий: наконечники стрел, скребки и резцы. Для кремневой индустрии культуры характерны массивные одно- и двухплощадочные нуклеусы, с которых каменным (кремневым) отбойником скалывали широкие и толстые пластины и пластинчатые отщепы.

Облик культуры бромме-лингби определяют наконечники стрел с четко выделенным черешком. Перо наконечников сохраняет естественные очертания пластинчатой заготовки, в отдельных случаях оно подправлено (скошено) ретушью. В черешковой части наконечника, с обратной стороны изделия, сохраняется выступающий над поверхностью ударный бугорок. В материалах культуры бромме-лингби встречаются также «мотыги типа Лингби», сделанные из длинного участка рога северного оленя.

На территории Беларуси первые стоянки культуры бромме-лингби были открыты еще в 1920-е гг. В послевоенный период и на современном этапе сбор материалов по культуре осуществлялся В.Ф. Исаенко, М.М. Чернявским, Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытиным, В.П. Ксензовым, В.Е. Кудряшовым, О.Л. Липницкой, В.С. Обуховским и др. В настоящее время обнаружено более 20 местонахождений культуры. Значительная их часть локализуется на западе Беларуси в верховьях Припяти (стоянки *Ботово-1*, *Глинна-1 и 2*, *Одрижин-1 и 2*, *Ополь-2*, *Мотоль-1 и 5*), бассейнах Немана (*Баля Сольная-2*, *Жиличи-1в*, *Жукевичи-2*, *Ковальцы-1, 2 и 4 (верхний слой)*, *Красносельский-5 и 6*) и Западного Буга (*Каменюки-2 и 9*). Есть стоянки и на востоке Беларуси – *Берестеново*, *Коромка* (на Днепре), *Клёнки-3 и 5*, *Первокривчевский-3* (Посожье). Отдельные памятники относятся к числу стоянок-мастерских – *Ковальцы-1, 2 и 4 (верхний слой)*, *Красносельский-5 и 6* и др.

В качестве предка культуры бромме-лингби исследователи рассматривают мадленские культуры Западной и Центральной Европы, оставленные сообществами охотников на мамонта и северного оленя. При этом высказываются разные предположения относительно роли той или иной культуры позднего палеолита в генезисе бромме-лингбийских традиций. По версии одних авторов это могли быть индустрии типа Фон Робер и/или типа Тейет, распространенные во Франции и предшествовавшие культуре бромме-лингби. По мнению других исследователей, не исключается возможность участия лесных охотников культуры федермессер, существовавшей во время аллерёдского потепления на севере Европы, в формировании культурного облика бромме-лингби. Но как бы там ни было, культура бромме-лингби в начале похолодания позднего дриаса нашла свое логическое продолжение в аренсбургской культуре. На территории Восточной Польши, Литвы, Беларуси и прилегающих районах Украинского Полесья традиции этого культурного явления имеют свою специфику, что отражено даже в соответствующих названиях – «балтийский мадлен» (Р.К. Римантене), «группа Вильнюс» (Я. и С. Козловские), «памятники типа Вильнюс» (С. Сульгостовска), «красносельская культура» (Л.Л. Зализняк), «волкушанская культура» (К. Шимчак) и т.д. Для характеристики памятников Западной Беларуси принято последнее название.

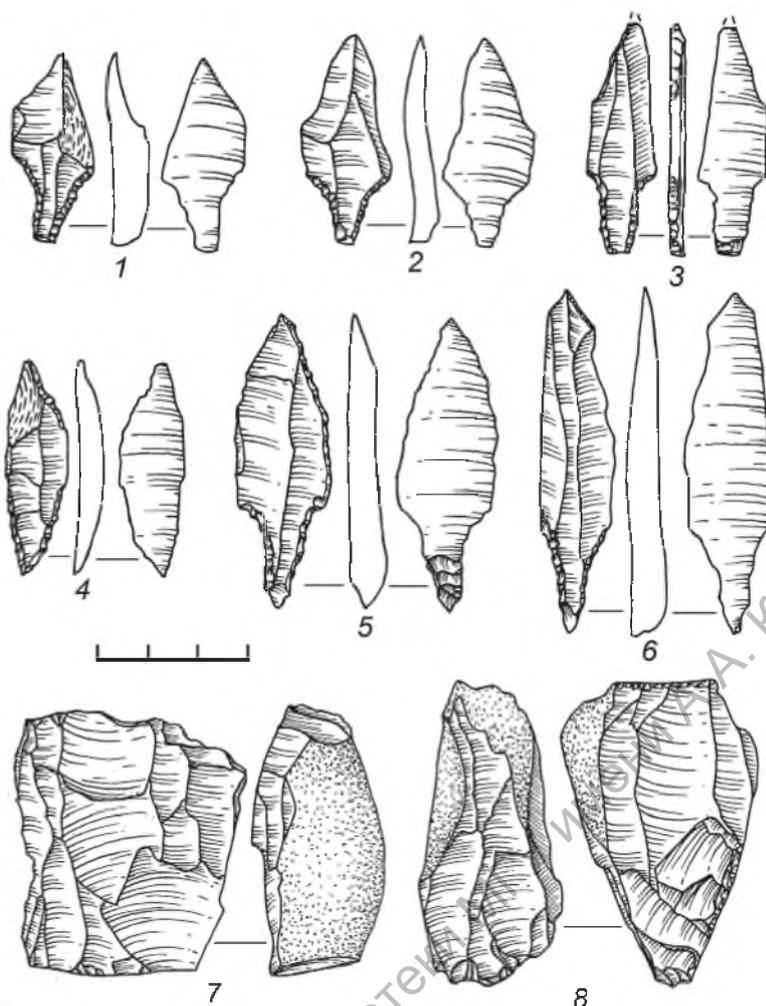
Волкушанская культура. Культура выделена в 1990-е гг. польским исследователем К. Шимчаком. Свое название она получила по эпонимным стоянкам *Волкуш-3* и *Волкуш-5*, расположенным на р. Волкуш (бассейн р. Висла в Польше). На территории Беларуси сведения о памятниках волкушанской культуры систематизированы в работах В.С. Обуховского¹⁴².

В настоящее время волкушанская культура на территории Беларуси представлена в материалах стоянок *Збляны-2*, *Жиличи-1–3*, *Жукевичи-1–2*, *Ковальцы-1 и 4 (верхний слой)*, *Красносельский-6*, *Лихачи* (Понеманье), *Величковичи-1–5, 7–8*, *Галачёво-1 и 2*, *Колодно-1–3* (Западный Буг) и *Мотоль-1, 5, 17, 24*, *Ополь-5* (верховья Припяти) и др.

При расщеплении кремня волкушанскими мастерами использовался удар с помощью каменного отбойника. Основной тип заготовки для орудий – пластины, или пластинчатые отщепы, снятые с одно- и двухплощадочных нуклеусов. Среди орудий труда преобладают ретушные и нуклевидные резцы, концевые и двойные скребки из пластин, пластины со скошенным ретушью концом. Наконечники стрел волкушанской культуры представлены изделиями с коротким черешком, выделенным полукрутой ретушью со стороны спинки¹⁴³. Перо наконечников сохраняет естественные очертания заготовки, или подправлено ретушью. В отдельных случаях на черешке наконечника сохраняется плоская ретушь.

¹⁴² См., например: *Obuchowski, W. Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / W. Obuchowski. – Warszawa, 2003. – 207 s. (Абухоўскі, В. Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве / В. Абухоўскі. – Варшава, 2003. – 207 с.); *Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi / W. Obuchowski // Swiatowit. – Warszawa : IAU Warszawski, 2009. – Vol. XVI. – 296 s. (Обуховский, В. Палеолитические и мезолитические материалы из западной Беларуси / В. Обуховский // Святovit. – Варшава : Ин-т археологии, Варшавский ун-т, 2009. – Вып. XVI. – 296 с.)**

¹⁴³ «Спинкой» археологи-каменщики называют внешнюю сторону изделий. На ней обычно присутствуют негативы предыдущих сколов, желвачная корка кремневой конкреции. Есть и научное название внешней поверхности (спинки) артефакта – дорсальная сторона (фас, поверхность, плоскость). Противоположная (внутренняя) спинке сторона изделия именуется «брюшком», или вентральной плоскостью (фасом, поверхностью). Это гладкая поверхность скола, на которой сохраняются ударная площадка, ударный бугорок и ударная волна.

Волкушанская культура. Кремневый инвентарь

1–6 – наконечники стрел; 7–8 – нуклеусы

Таким образом, кремневый инвентарь волкушанской культуры имеет много общих черт с культурами черешковых наконечников стрел особенно таких, как бромме-лингби, аренсбургская и гренская культуры (см. далее). Сама волкушанская культура существовала в период последнего дриасового похолодания – 10800–10200 лет назад. Вместе с ней на территории Беларуси появились группы охотников на северного оленя еще одной культуры финального палеолита – свидерской.

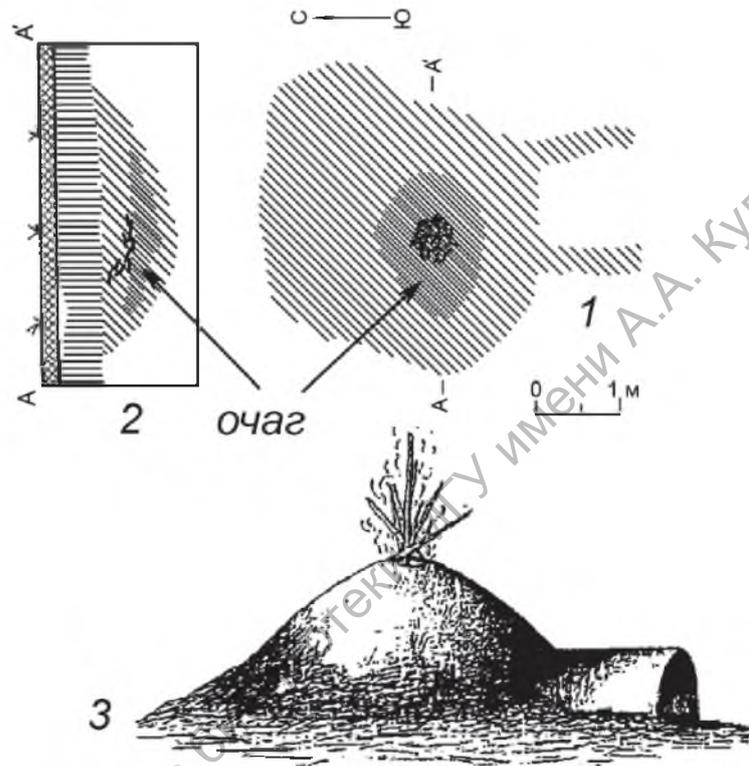
Свидерская культура. Культура получила название по находкам стоянки Свидры Вельке-1, расположенной в бассейне р. Висла недалеко от г. Варшава (Польша). Термин «свидерская культура» был употреблен Г. Кларком в 1936 г. На территории Беларуси первые сведения о памятниках свидерской культуры относятся к концу XIX – началу XX вв. (работы З. Глогера и Ю. Ядковского в Понеманье, Е.Р. Романова в Полесье). В межвоенное и послевоенное время описание памятников свидерской культуры встречаются в работах К.М. Поликарповича, В. Антоневича, Л. Савицкого, Н.Н. Гуриной, М.М. Чернявского, В.В. Исаенко, Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытина, В.П. Ксензова, В.П. Кудряшова, В.С. Обуховского, А.В. Колосова и др.

Свидерская культура оставлена охотниками, существовавшими за счет добычи северного оленя. С учетом радиоуглеродных датировок время обитания свидерского населения укладывается в достаточно узкий хронологический диапазон – от 10800 до 9700 лет назад. Следовательно, свидерская культура развивалась в условиях прохладного климата последнего дриасового периода и отчасти приходится на начало потепления нашей современной геологической эпохи – голоцена.

География обитания свидерских охотников, с учетом подвижного образа их жизни, определяется достаточно обширными территориальными рамками. Основная часть памятников культуры сконцентрирована в бассейнах Вислы, Немана, Припяти, верховьях Днепра. За пределом этого ареала свидерские стоянки известны на территории Латвии (стоянка *Саласпилс-Лаускола* возле Риги), России (*Иванцов Бор* под Псковом, *Лукашенки* на Западной Двине, *Марьино-4* на р. Шексна), Словакии (*Большой Славков* в Татрах), Румынии (*Скауна* в Южных Карпатах) и Украины (*Игерень-8* в Надпо-

рожье, *Врублевцы* и *Делятин* на Днестре). Крайние южные пункты ареала свидерской культуры находятся на Крымском полуострове (*Сюрень-2*, *Буран Кая*, *Фатьма Коба*).

На территории Беларуси известно более 250 стоянок свидерской культуры¹⁴⁴. Локализация памятников отчетливо наблюдается как на западе страны – в бассейнах Немана, Западной Двины и верховьях Припяти, так и на востоке – в Верхнем Поднепровье. Наиболее выразительные материалы получены на стоянках *Гожа-1*, *Жиличи-1* (пункты а и в), *Жиличи-2а* и *3а*, *Озёры-1* и *2*, *Пески-5*, *Пышки*, *Черлётка* и др. (Понеманье), *Глинна-1* и *2*, *Бобровици-1* и *2*, *Заозерье*, *Мотоль-1*, *2*, *4*, *5*, *7*, *11–14*, *17–21*, *Ополь-1–5*, *7–9* и др. (верховья Припяти). На территории Восточной Беларуси свидерская культура представлена на стоянках *Барколабово*, *Береговая Слобода*, *Коромка*, *Нераж (Рдица)*, *Новый Быхов*, *Яново* (на Днепре), *Бартоломеевка 2* и *3*, *Горки*, *Клётки-1*, *3*, *4*, *5*, *Первокривичский-3*, *Романовичи*, *Рудня Споницкая-1 (Латки)* в Посожье.

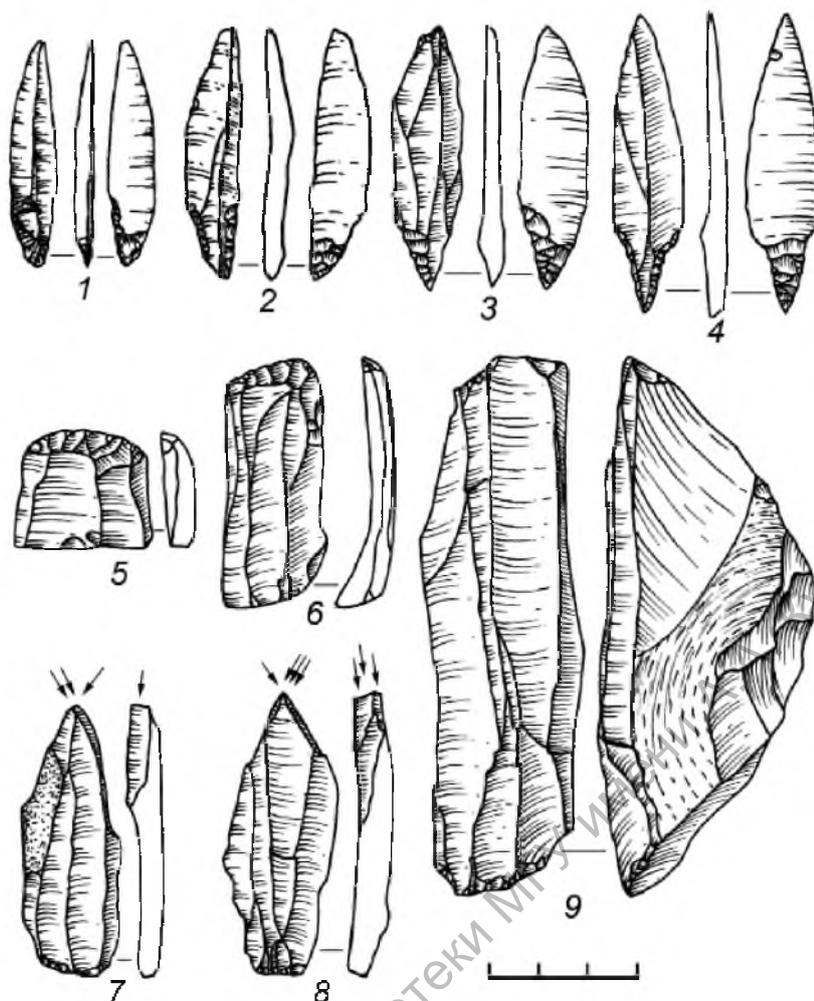
План (1), профиль (2) и реконструкция (3) жилища с очагом свидерской культуры в Рыдно 4/57 (по Р. Шильду)

Стоянки свидерской культуры обычно расположены на возвышенных участках рельефа местности: на краю береговых террас, или дюнах, возле воды. Следы поселения свидерских охотников устанавливаются по скоплению находок, группирующихся иногда возле очага. Известны также остатки небольших по площади жилищ. На стоянках они выделяются в виде небольших пятен овальной формы, заполненных темным песком с вкраплениями мелких угольков. Считают, что это следы от наземных жилищ конической формы площадью от 2 до 12 кв. м. Отдельные постройки, вероятно, были углублены в грунт. Вход жилища мог дополнительно оборудоваться коридором (стоянка Рыдно 4/57).

Специфику свидерской культуры определяют техника расщепления кремня, орудия труда и находки наконечников стрел из пластин. Свидерская индустрия была основана на использовании высококачественного кремня, или, там где его не было, местных пород кремня (пример – Посожье). Первичное расщепление кремня базировалось на скалывании длинных и узких пластин правильной огранки. Снятие заготовок велось на одной стороне нуклеуса с использованием «мягкого» отбойника. Пластины скалывались последовательно с двух площадок, скошенных к тыльной стороне (контрфронт) нуклеуса, что придавало ему классическую для свидерской культуры челновидную форму.

Совершенство пластинчатых заготовок сводило к минимуму затраты на создание орудий труда, среди которых для свидерской культуры наиболее типичны двугранные, ретушные и угловые резцы (доминируют), концевые и двойные скребки, проколки, острия, изделия с выемкой, топоры овальной формы и топоры с перехватом.

¹⁴⁴ Всего к культуре относят около 1000 местонахождений.

Свидерская культура. Кремневый инвентарь

1–4 – наконечники стрел; 5–6 – скребки; 7–8 – резцы; 9 – нуклеус

Облик свидерской культуры определяют наконечники стрел. Для их производства использовали длинные и узкие пластины. Выделяются два основных типа наконечников. Первый тип образуют наконечники с четко выделенным черешком, второй – наконечники, которые повторяют контуры пластинчатой заготовки, похожей на ивовый лист. Главная особенность свидерских наконечников, что отличает эти предметы вооружения от других культур – наличие дополнительной подправки черешка фасетками плоской ретуши со стороны брюшка. Ретушью удаляли выступающий ударный бугорок и утончали насад наконечника. Перо изделий сохраняет естественные очертания заготовки, в некоторых случаях оно подправлено полукруглой ретушью со стороны спинки или брюшка, или плоской ретушью со стороны брюшка.

В происхождении свидерской культуры и дальнейших судьбах ее населения остается масса вопросов и, несмотря на многолетнее изучение памятников этого культурного явления, позволивших собрать большое количество материалов, решение их является делом дальнейших исследований. Большинство ученых предком свидерской культуры считает предшествовавшее ей население культуры бромме-лингби.

Исторические судьбы свидерской культуры остаются до конца неясными. Просуществовав всего 1000 лет, традиции свидерской культуры, как считает основная часть исследователей, дожили до раннего голоцена и стали основой в формировании целого ряда мезолитических (постсвидерских) культур, в том числе кундской и бутовской (задне-пилевской) культур, материалы которых известны на территории Беларуси.

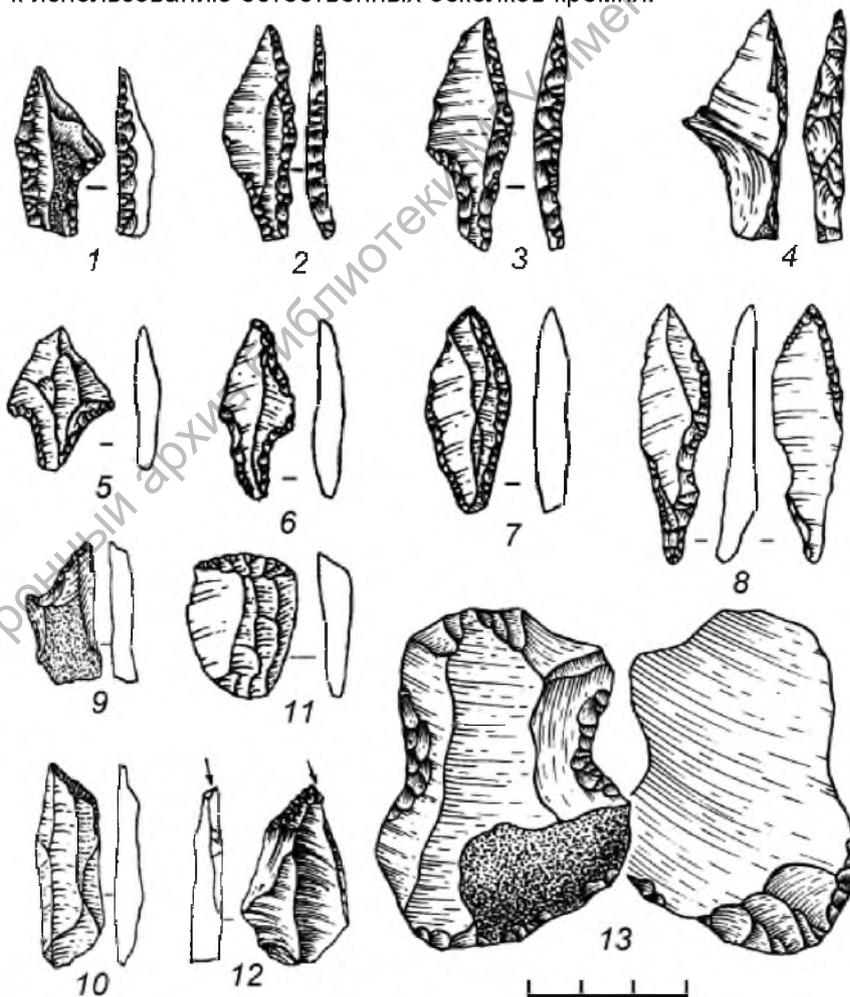
Гренская культура: проблема происхождения и хронологии. В финальном палеолите верхнее течение Днепра, бассейны Сожа и Березины занимала гренская культура. Памятники этой культуры располжены на краях речных террас или их останцах – Боровка, Дальнее Лядо, Коромка, Могилевская стоянка, Лудчицы, Орша-1, Хвойна и Чигиринка (на Днепре), Гута-1 на р. Березина и стоянки Гренск, Журавель, Печенеж, Поклады-2 в Посожье. Отдельные находки наконечников гренского

типа обнаружены на стоянках в междуречье Немана (Збляны-2, Ковальцы-4, Морино-2, Красносельский-6), Припяти (Борки) и Западного Буга (Галачёво-2). Есть памятники гренской культуры и на севере Беларуси – стоянка Песчаница на озере Лепельском.

Данное культурное явление получило название по стоянке, расположенной на правом берегу р. Сож в урочище Гренск, недалеко от д. Ворновка Кормянского района Гомельской области. Культура выделена В.Д. Будько в 1960-е гг. В публикациях первоначально именовалась «свидерско-гренской культурой». С момента открытия культуры, идентификация ее материалов, генезис и хронология памятников находятся в области научных дискуссий, что сказывается на решении проблемы, связанной с определением путей и времени освоения человеком северо-запада Восточной Европы в позднеледниковое время.

В основе представлений о гренской культуре лежат данные, полученные в итоге изучения кремневого инвентаря ее памятников. Это пока единственный источник информации, который позволяет говорить о специфике гренских древностей на фоне других культурных явлений финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья.

Кремневая индустрия гренской культуры базировалась на использовании местных месторождений сырья – мелового кремня серого цвета. Россыпи такого кремня встречаются в меловых отложениях, залегают не глубоко и очень часто выходят на поверхность, что особенно наблюдается в Посожье¹⁴⁵. Фактор доступности кремня наложил свой отпечаток на технику первичной и вторичной обработки сырья, которого здесь явно не экономили. Кремневый инвентарь гренских стоянок, особенно расположенных на «сырье», характеризуется большим количеством отходов производства (до 80%), наличием большого числа кремневых конкреций, на поверхности которых сохраняются негативы от двух-трех бессистемно нанесенных сколов. В орудийной деятельности также наблюдается стремление к использованию естественных осколков кремня.

Гренская культура. Кремневый инвентарь

1–8 – наконечники стрел; 9 – проколка; 10 – пластина со скошенным ретушью концом;
11 – скребок; 12 – резец; 13 – топорик с перехватом

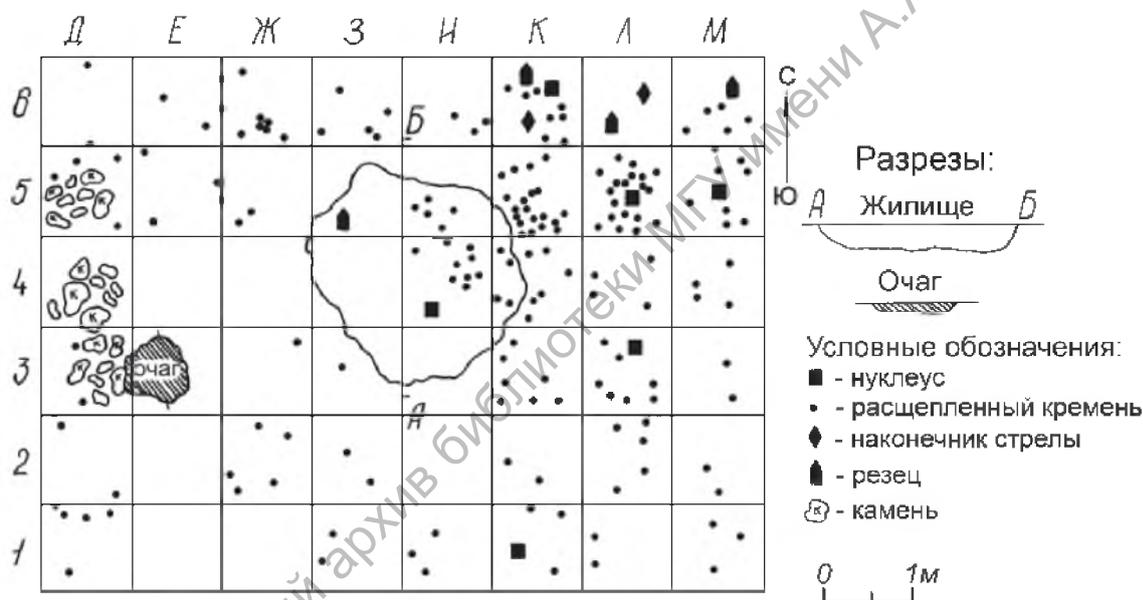
¹⁴⁵ Поэтому не случайно в литературе этот кремень называется «сожским».

Основным типом заготовки для орудий труда являлся, прежде всего, отщеп, редко использовали пластинчатые отщепы и пластины. Заготовки скалывались с помощью твердого (каменного) отбойника с одно- и двухплощадочных нуклеусов. При этом первый тип нуклеусов, имевших одну ударную площадку, преобладает. Среди орудий широкое распространение получили концевые, двойные и с «шипом» скребки. Владели «гренцы» и техникой резцового скола, о чем свидетельствуют находки многочисленных резцов – ретушных, двугранных, на сломе заготовки. В ассортименте орудий присутствуют также различные острия, проколки, изделия с выемкой, топорики с перехватом.

Характерным и отличительным признаком культуры являются наконечники стрел, выделенные в отдельный тип – гренский. Это изделия ассиметричной формы, один край которых полностью притуплен крутой ретушью. С противоположенной стороны он подчеркивается боковой выемкой, нанесенной в черешковой части. Известны также и черешковые наконечники стрел с естественным, или скошенным ретушью пером, иногда подправленным резцовыми сколами.

Отсутствие фауны в материалах гренской культуры оставляет открытым вопрос об основных объектах охотничьей добычи. Кроме северного оленя, вполне возможно, гренским охотникам могли быть доступны и лесные виды животных, особенно в теплый алерредский период, когда на территории Верхнего Поднепровья стали распространяться леса.

На стоянках гренской культуры обнаружены остатки жилищ и очагов – Лудчицы и Поклады-2. Гренские жилища были углублены в материк, имели округлую форму и небольшие размеры (до 10 кв. м). Рядом с ними располагался очаг. На стоянке Лудчицы возле очага обнаружено скопление камней, видимо, использовавшихся в качестве ветрового заслона.

План остатков жилища и очага на стоянке гренской культуры Лудчицы
(по материалам раскопок В.Ф. Копытина)

Происхождение гренской культуры остается не решенным. Отдельные исследователи (Л.Л. Зализняк, В.П. Ксензов) генезис культуры связывают с появлением на территории Верхнего Поднепровья охотников культуры бромме-лингби, или так называемого «восточного Лингби». На это, по мнению ученых, указывают общие черты в технике обработки кремня и распространение черешковых наконечников стрел, похожих на предметы вооружения культуры бромме-лингби.

Вместе с тем остается неясным: куда делось позднепалеолитическое население, которое до этого обитало на землях Среднерусской возвышенности? Эту проблему попытался решить В.Ф. Копытин, предложивший вторую модель развития гренских традиций (сторонниками его взглядов являются Е.Г. Калечиц и Г.В. Сеницына). По мнению В.Ф. Копытина, население гренской культуры является потомком охотников на мамонтов мезинской культурной общности, проживавшей на Средней Десне 18000–15000 лет назад. Именно это население вслед за северным оленем во время алерредского потепления начало осваивать Верхнее Поднепровье. Миграции первобытных охотников шли с юго-востока вверх по течению Днепра и его притокам.

Сравнительный анализ кремневого инвентаря позднепалеолитических стоянок Мезин и Добраничевка со стоянками гренской культуры Боровка и Коромка позволил В.Ф. Копытину обнаружить «поразительное сходство» в технике расщепления кремня и в формах орудий труда древних куль-

тур¹⁴⁶. Появление в гренской культуре черешковых наконечников стрел, столь похожих на предметы вооружения культуры бромме-лингби, не являлось, по мнению исследователя, доказательством их прямого генетического родства. «*Кажущееся сходство этих культур, – писал В.Ф. Копытин, – можно объяснить сходной организацией жизни охотников на северного оленя в сходных природных условиях, которые занимались сходными видами хозяйственной деятельности, что предполагает сходное решение определенных технических задач в создании охотничьего вооружения... на обширной территории*»¹⁴⁷.

Идеи автохтонного происхождения и развития гренских древностей придерживается российская исследовательница Г.В. Сеницына. Гренская культура, по ее мнению, является ярким отражением местных традиций единого позднемадленского культурного пространства, которое сложилось на территории Верхнего Поднепровья на рубеже плейстоцена – голоцена. Этот факт подкрепляется не только спецификой кремневого инвентаря гренской культуры, который, по мнению Г.В. Сеницыной, заметно отличается от культуры бромме-лингби, но и геомагнитными датами, полученными исследовательницей для памятников с гренскими наконечниками на Валдайской возвышенности. Они соответствуют времени потепления в бёллинге и аллерёде, т.е. 12700–11800 лет назад¹⁴⁸.

Однако вопрос о временных рамках гренской культуры остается открытым. Еще в 1960-е гг. В.Д. Будько было выделено три хронологических этапа в развитии «свидерско-гренской культуры». Памятники первого этапа им датировались ранним дриасом. Второй этап определялся временем не позднее бёллингского потепления, третий приходился на аллерёд – поздний дриас. Однако последующее изучение гренских стоянок обнаружило ошибочность взглядов В.Д. Будько на проблему развития культуры и показало невозможность их применения для хронологических построений.

По данным В.Ф. Копытина, в гренской культуре можно выделить два этапа, разница между которыми заключается в развитии форм орудий. Первый этап датировался В.Ф. Копытиным финальным палеолитом (12000–10000 лет назад). Его характеризовали материалы стоянок Боровка, Коромка, Лудчицы, Хвойна. Вторым этапом (Гренск, Дальнее Лядо, Речица-2) относился к раннему мезолиту (10000–8000 лет назад). Е.Г. Калечиц предлагает удревнить возраст гренской культуры на два-три тысячелетия, поскольку «*территория Восточной Беларуси южнее Орши могла быть обжита практически весь период позднеледниковья, даже с 15 тысячелетия, когда ледник окончательно покинул границы Беларуси*»¹⁴⁹ Такого же мнения придерживается и брянский археолог А.А. Чубур, который определил возраст гренских памятников «*между 11000–13000 л.н.*»¹⁵⁰.

В.П. Ксензов, в отличие от предыдущих исследователей, развитие гренской культуры видел на протяжении трех этапов: два из них приходились на ранний мезолит (10000–8000 лет назад) и один на поздний (8000–7000 лет назад). Критериями для такой хронологии служили изменения в орудийной деятельности, развитие форм наконечников стрел, появление вкладышевых орудий. Например, если на ранних этапах развития гренской культуры среди орудий доминируют резцы, то в позднем мезолите, как полагал В.П. Ксензов, преобладающими становятся скребки. Гранью между ранним и поздним мезолитом у В.П. Ксензова было появление геометрических микролитов – трапеций.

Неясной до сих пор остается судьба гренского населения. Не исключено, что в раннем мезолите часть гренских охотников вслед за северным оленем мигрировала в Волго-Окское междуречье и дала начало там *иеневской культуре*, другая часть оказалась в бассейне средней Десны и трансформировалась в *песочноровскую культуру*. В позднем мезолите (8000–6000 лет назад), как считал В.Ф. Копытин, гренское население приняло участие в формировании локальной сожской культуры, о чем будет сказано далее.

Основные выводы по темам главы «Палеолит Беларуси». Процесс освоения территории Беларуси зависел от той природно-климатической обстановки, на которую свое влияние оказывали ледники, покрывавшие территорию Беларуси в древности. Они сдерживали, в определенной мере, процесс освоения северных широт Европы. Потепление климата, отмечавшееся в период межлед-

¹⁴⁶ Рекомендую обратить внимание на монографию В.Ф. Копытина «У истоков гренской культуры. Боровка» (Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2000. – 143 с.).

¹⁴⁷ Копытин, В. Ф. У истоков гренской культуры. Боровка / В. Ф. Копытин. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2000. – С. 135.

¹⁴⁸ По этому поводу предлагаю обратить внимание на статью: Сеницына, Г. В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена – голоцена / Г. В. Сеницына // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: материалы международной конференции / Редкол.: А. А. Величко (отв. ред.), С. А. Васильев (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Ин-т географии РАН, 2008. – С. 161–172.

¹⁴⁹ Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск : Экоперспектива, 2003. – С. 53.

¹⁵⁰ Чубур, А. А. От Хотылева до Гренска: взгляд на древнейшую историю центра Русской равнины / А. А. Чубур // Деснинские древности-III: сб. материалов межгос. науч. конф., посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск : Изд-во Клиновской городской типографии, 2004. – С. 49.

никовий, на время создавала благоприятные условия для расселения первобытных коллективов, но следы их раннего обитания на территории Беларуси могли быть полностью уничтожены покровными ледниками.

Находки отдельных орудий труда свидетельствуют о появлении человека на территории Беларуси в эпоху мустье – 100–35 тыс. лет назад, в начале теплого муравинского межледниковья. Вполне возможно, этот эпизод заселения следует связывать с культурой человека неандертальского типа – *Homo neanderthalensis*.

Следующий этап заселения территории Беларуси приходится на поздний палеолит, что подтверждается материалами нескольких местонахождений, оставленных человеком современного физического типа (*Homo sapiens*) – Юровичи на Припяти, Бердыж (Подлужье) на Соже, возможно, Ковальцы-4 (нижний слой) на Немане и Логишин в Западном Полесье. Находки орудий труда и костных останков животных (мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, лошади и др.), возрастом 26–23 тыс. лет назад, свидетельствуют о сложной и многогранной жизни первобытного человека в конце последней и достаточно холодной поозерской (вюрмской) ледниковой эпохи.

Отступление ледника и исчезновение крупных животных (мамонта, шерстистого носорога) в корне изменили образ жизни человека, ознаменовав начало финального палеолита (14 (12) – 10 тыс. лет назад). Охота на северного оленя, который стал теперь основным объектом охоты, определила подвижный образ жизни первобытных людей и стимулировала появление новых видов охотничьего вооружения – лука и стрел.

На территории Беларуси доказательством существования охотников на северного оленя являются материалы стоянок отдельных культур финального палеолита – гамбургской, бромме-лингби, волкушанской, свидерской и гренской. Однако, несмотря на все успехи в изучении памятников этих культур, проблема их происхождения, определение времени и условий обитания охотников на северного оленя остается открытой. С одной стороны, мы отмечаем миграции древнего населения на территорию Беларуси с запада, примером чему служат материалы гамбургской и волкушанской культур, культуры бромме-лингби. С другой – нельзя исключать возможность автохтонного пути развития традиций позднепалеолитических культур, население которых с началом отступления ледника адаптировалась к новым условиям жизни. Примером последнего могут служить материалы гренской культуры Верхнего Поднепровья.

ГЛАВА 3

МЕЗОЛИТ БЕЛАРУСИ

Термин «мезолит» (средний каменный век) был предложен шведским геологом *М. Тореллем* в 1874 г. после открытия и описания целого ряда местонахождений с геометрическими микролитами на территории Европы. Открытие во Франции культурных горизонтов с микролитами на стоянках *Ле-Фер-ан-Таренуаз* (1885) и *Мас-д'Азиль* (1887) позволило выделить культурное своеобразие эпохи (*А. Броун*) и предложить периодизацию мезолитических памятников. Понятие о мезолите окончательно утвердилось после выхода в свет работы английского ученого *Г. Чайлда* «Мезолитические поселения Северной Европы» (1936). С этого времени мезолит стали рассматривать как средний этап каменного века, предшествующий по времени возникновению производящего хозяйства.

Несмотря на открытие первых мезолитических стоянок во второй половине XIX в., эпоха мезолита у нас получила признание только в 1960-е гг. после публикации работ советского ученого *М.В. Воеводского*. До этого практически около века, особенно в межвоенный период, мезолитические памятники относили к особой стадии каменного века – *эпипалеолиту*. Господствовало мнение о поступательном развитии материальной культуры общества в этот переходной от палеолита к неолиту период.

Накопление археологического материала, использование данных естественных наук, привлечение антропологического и этнографического материала позволили на современном этапе конкретизировать понятие «мезолит» и расширить наши представления о характере сложения и развития культуры мезолитического человека в отдельных регионах Европы, в том числе и на территории Беларуси.

Тема 3.1

Природа и климат раннего голоцена

В начале нашей современной геологической эпохи, получившей название *голоцен*, вместо однородных и безлесных пространств ледниковой эпохи сформировалось ландшафтное многообразие с богатой флорой и фауной. Основу этих ландшафтов, начиная с 50 параллели северной широты и выше, составляли широколиственные, смешанные и хвойные леса. Однако после окончания ледниковой эпохи оптимальная для жизни среда сформировалась не сразу. Цикл потепления и увлажнения климата растянулся на 2,5–3 тысячелетия. Кроме этого, голоцен – эпоха цикличная и характеризующаяся сменами потеплений и похолоданий (вспомним, например, о недавнем «малом ледниковом периоде» XVII–XVIII вв.).

Теперь обратим внимание на еще один важный момент. Территория Беларуси находится в западной части Восточно-Европейской равнины, в зоне лесов смешанного типа. Лес – особая экологическая система, определявшая облик культуры человека, его образ жизни в древности. На основании данных этнографии, палеогеографии, ландшафтоведения, этологии (науки о поведении) лесной фауны, для реконструкции мезолитической культуры запада Восточной Европы используется модель адаптации лесных охотников, для которой характерен свой «лесной» культурно-хозяйственный тип (КХТ). Ближайшая для мезолита нашей территории модель или КХТ предложена украинским археологом *Л.Л. Зализняком*, который знаменит своими этноархеологическими реконструкциями для финального палеолита и мезолита Украинского Полесья¹⁵¹.

КХТ – определенная система, которая определяет характер отношений, взаимосвязи и взаимодействия общества и природы. Проще говоря, природные условия определяют образ жизни человека, его уровень жизни. В свою очередь, культура человека способна адаптироваться и развиваться в конкретной экологической ситуации. Зная особенности развития окружающей среды той или иной территории в определенное время, можно понять сущность природы самой человеческой культуры, характер хозяйственного освоения, образа жизни и т.д. Для нас же сейчас будет очевидно два момента. Во-первых, необходимо понять: каким образом с окончанием ледниковой эпохи на территории Беларуси менялись ландшафты, связанные в первую очередь с формированием лесов? А во-вторых – какие причины кроются за этим?

В свете современных исследований признается, что лесные ландшафты на западе Восточной Европы начали формироваться не после окончания ледниковой эпохи, а еще накануне – в поздне-

¹⁵¹ Рекомендую обратить внимание на следующие издания: *Зализняк, Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / *Л. Л. Зализняк.* – Киев : Наукова думка, 1989. – 173 с.; *Зализняк, Л. Л.* Население Полесья в мезолите / *Л. Л. Зализняк.* – Киев : Наукова думка, 1991. – 160 с.; *Зализняк, Л. Л.* Передісторія України X – V тис. до н.е. / *Л. Л. Зализняк.* – Київ : Бібліотека українця, 1998. – 305 с.

ледниковое время (14000–10200 лет назад). Вспомним, что этот период начинается с отступления поозерского (вюрмского, валдайского) ледника, которое протекало неравномерно: то с циклами потепления (бёллинг и аллерёд), то похолодания (дриас-1, дриас-2, дриас-3).

Первые лесные ассоциации начинают проявляться еще в бёллингское потепление (12800–12100 лет назад). Незначительное отступление ледника привело к повышению влажности и температуры, правда, ниже современной на 1°. Это способствовало частичному оттаиванию грунтов и распространению разреженных березовых и сосново-березовых лесов с подлесками из ольхи и ивы. После нескольких столетий крайне сурового арктического климата это были первые, хоть и едва заметные, лесные ландшафты, на которых обитали мамонт, северный олень, лошадь, появились первые охотники гамбургской и, видимо, гренской культур.

Следующий и наиболее выразительный этап развития лесных ландшафтов приходится на аллерёдское потепление (11800–10900 лет назад). Появляются дерново-подзолистые почвы, а вместе с ними широкое распространение получают березово-сосновые леса с примесью ели. Нетрудно заметить, что в аллерёде культурная ситуация становится гораздо разнообразнее. С этим периодом связывают культуру бромме-лингби и гренскую культуру, в конце аллерёда сюда добавляются еще волкушанская и свидерская культуры.

Накануне голоцена произошел очередной цикл кратковременного похолодания – дриас-3 (10900–10200 лет назад). Климат стал резко континентальным (годовая температура была ниже на 5–7° современной), ландшафты напоминали тундростепь с редкостойными березовыми лесами. Однако это не стало препятствием для исчезновения культуры человека на территории Беларуси. Наоборот, в это время здесь продолжали обитать кочевые группы охотников на северного оленя гренской, волкушанской и свидерской культур.

Считают (и этого мнения придерживается большинство исследователей), что начало голоцена было положено событием, известное в литературе как «Биллингенская катастрофа». Свое название она получила по месту изучения ленточных глин у горы Биллинген в Южной Швеции. Было установлено, что 8213 г. до н.э. воды Балтийского приледникового озера прорвали здесь ледяную перемычку. В воды Атлантического океана устремился мощный поток талой воды. За короткое время уровень гигантского ледникового водоема упал на 30 м и сравнялся с водами мирового океана. На месте озера появилось слабосоленое море, которое в научной литературе получило название «Иольдиевого»¹⁵². Севернее его, в пределах Скандинавского полуострова, еще находился ледник. В результате исчезновения холодного Балтийского озера был открыт доступ теплым течениям из Атлантики. Они несли с собой теплые и влажные ветры и, в конечном итоге, способствовали распространению в Европе комфортного климата.

Однако в настоящее время считают, что Биллингенская катастрофа могла произойти гораздо ранее – почти на 1,5 тыс. лет. Если это так, то вспышка тепла в аллерёде 11800–10900 лет назад становится вполне очевидной. Правда, существует мнение, что потепление в аллерёде могло быть связано не с Биллингенской катастрофой, а глобальными изменениями природы, вызванными закономерным развитием орбиты нашей планеты, циклическим характером отступления ледника, изменением направления Гольфстрима и даже вулканической активностью на севере Европы. Биллингенская катастрофа – только результат этих изменений.

Для характеристики природы и климата голоцена нашей страны используются разработки отечественных геологов и палеогеографов – В.П. Зерницкой, Н.А. Махнач, А.В. Матвеева, Я.К. Еловичевой и др.¹⁵³ В основе стратиграфического деления эпохи лежат климатические схемы А. Блитта и Р. Сернандера, М.И. Нейштадта¹⁵⁴, Н.А. Хотинского¹⁵⁵. В голоцене выделяют три периода: ранний, средний, поздний (см. Приложение, таблица 2). В позднем голоцене проживаем мы, а вот ранний этап нашей современной геологической эпохи соответствует мезолитическому времени и началу эпохи неолита. Сам ранний голоцен подразделяют на три климатических периода, которые получили соответствующее название: пребореальный, бореальный¹⁵⁶ и атлантический.

¹⁵² Название дано по находке ископаемых двухстворчатых моллюсков вида иольдия – *Yoldia arctica*, известных теперь как *Portlandia arctica*.

¹⁵³ См., например: Еловичева, Я. К. Палинология позднеледниковья и голоцена Белоруссии / Я. К. Еловичева. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 94 с.; Калечыц, А. Г. Аб выкарыстанні ў археалогіі новых стратыграфічных схем чацвярцічных адкладаў Беларусі / А. Г. Калечыц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2015. – Вып. 26. – С. 44–49.

¹⁵⁴ Нейштадт, М. И. К вопросу о некоторых понятиях и разделении голоцена / Н. И. Нейштадт // Вопросы геологии и голоцена. – Ереван, 1985. – С. 20–27.

¹⁵⁵ Хотинский, Н. А. Голоцен Северной Евразии / Н. А. Хотинский. – Москва : Наука, 1977. – 200 с.

¹⁵⁶ Слово «бореальный» в переводе с латинского (*borealis*) означает «северный». В географическом отношении название «бореальный» используют для характеристики климата средних широт северного полушария со свойственным ему холодной и снежной зимой, коротким, но относительно теплым летом.

Первые подвижки климата в сторону потепления отмечаются в начале *пребореального времени* (10200–9000 лет назад). Климат в Европе формировали теплые ветра, приносимые с Атлантики. И только в Скандинавии пребореальный период оставался прохладным, что было обусловлено присутствующим здесь ледником, несшим сухие холодные ветра на полуостров и прилегающие территории.

В пребореальное время происходит окончательное оттаивание грунтов, широкое распространение заболоченных почв. Этому способствовал теплый и влажный климат, правда еще прохладный – температура на 1,5–2° была ниже современной. На территории Беларуси распространяются сосновые и сосново-березовые леса. Появляется травянистый покров. В пребореальных лесах водились лось, зубр, волк, медведь. Вплоть до конца пребореала продолжал обитать северный олень.

Следует отметить, что популяция северного оленя имеет свою особенность. По данным П.Ф. Калиновского и Е.Г. Калечиц, на территории Беларуси существовала разновидность северного оленя – тундровая. Е.Г. Калечиц не исключает появление в аллерёде еще и лесной популяции оленя¹⁵⁷. Следует обратить внимание на разное поведение тундрового и лесного оленей, которое заключается в размерах площади кормовой территории и масштабах миграций этих животных. Если тундровый олень совершает постоянные сезонные миграции на большие расстояния (до 700 км), то лесной олень держится определенной кормовой территории и мигрирует слабо, на расстояние не более 200 км. Кроме этого, тундровый северный олень образует крупные стада, лесной – небольшие группы.

Если мнение Е.Г. Калечиц верно, то присутствие лесной популяции оленей уже в позднеледниковое время не могло не отразиться на поведении человека. А это значит, что истоки «лесного» образа жизни, способов ведения присваивающего хозяйства, материальной и духовной культуры в целом, характерной для мезолита лесной полосы, формировались еще в недрах позднеледниковья, возможно, во время аллерёдского потепления.

Интересно и то, что в пребореальное время известны остатки популяции мамонта. Начало массового исчезновения этого животного приходится на вспышку тепла в аллерёде и продолжалось оно фактически до окончания ледниковой эпохи. Данных о существовании мамонта в пребореале на территории Беларуси нет. Однако сведения о том, что мамонт продолжал обитать еще в начале голоцена (10000–9000 лет назад), содержатся в материалах отдельных местонахождений Восточной Европы¹⁵⁸.

В последние столетия пребореала несколько похолодало (в Скандинавии все еще существовали остатки ледника). Началось понижение уровня воды в мировом океане. На месте современного Балтийского моря, а до этого пребореального «Иольдиевого моря», образовалось пресноводное озеро, получившее название «Анцилового»¹⁵⁹. Вслед за регрессией вод в Анциловом озере понизился и уровень грунтовых вод. Это привело к появлению сосновых и березовых лесов с примесью ели и ознаменовало начало следующего климатического периода – *бореального* (9000–7800 лет назад). Этот период вначале был прохладным и сухим, но, правда, более теплым, чем предшествующее пребореальное время.

По сравнению с современным климатом температура воздуха бореала на 0,5–1° была ниже, но и такой климат привел к тому, что северный олень с началом периода мигрирует в северные широты. С этого времени повсеместно распространяется лесная фауна, где господствующее положение занимают лось, лесной олень, медведь, заяц, волк, лиса. В конце бореального периода начинается постепенное потепление. Кроме сосново-березовых лесов начинают появляться подлески из широколиственных пород.

Ситуация резко изменилась с началом следующего климатического периода – *атлантического* (7800–5000 лет назад). К этому времени скандинавский ледник полностью растаял, что создало благоприятные условия для распространения теплых воздушных масс. Начинается новая трансгрессия вод мирового океана и морей. Площадь прежнего бореального Анцилового озера растет и на его месте вновь образуется море, названное «Литориновым»¹⁶⁰.

Окончание эпохи мезолита на территории Беларуси приходится на начало атлантического периода или атлантик-1 (7800–6600 лет назад). Это время так называемого климатического (атлантического) оптимума, когда произошло глобальное потепление климата, сопровождавшееся резким уве-

¹⁵⁷ См.: Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск : Экоперспектива, 2003. – С. 50–51.

¹⁵⁸ Самые поздние находки мамонтов обнаружены на о. Врангеля в Заполярном круге и в Гренландии. Возраст их составляет около 4400–4000 лет назад.

¹⁵⁹ По названию брюхоногого моллюска (улитке) или гастроподы семейства анцилус – *Ancylus fluviatilis*, обнаруженной в придонных отложениях этого древнего озера.

¹⁶⁰ По названию ископаемой гастроподы семейства литторин (*Littorina littorea*).

личением температуры воздуха, иногда на 1,5–2° выше современной (средняя температура июля тогда составляла +20°, января –2°).

В этот период территория Беларуси была сплошь покрыта широколиственными лесами. В составе этих лесов были дуб, липа, вяз, орешник, а на юге страны господствовали грабовые и дубовые рощи. Руслу рек окончательно приобрели современный облик. Озера и прежние ледниковые водоемы начали активно заболачиваться и зарастать. Естественно, это наложило свой отпечаток на развитие фауны, где особую роль, кроме лесных млекопитающих (а среди них широко распространяется фауна благородного оленя, дикого кабана), стали играть пернатые.

Данные об изменениях природы и климата в начале голоцена Беларуси с использованием археологических источников являются основой для хронологических построений, отражают характер развития хозяйства мезолитического человека, специфику выделенных археологических культур.

Тема 3.2

Мезолит как историческая эпоха

Итак, после таяния ледника около 10 тыс. лет назад на территории Европы происходит постепенное потепление и увлажнение климата, а вместе с ним складываются природно-климатические зоны со своеобразными ландшафтами, флорой и фауной. Потепление климата способствовало быстрому освоению территорий, в том числе и тех, которые ранее были заняты ледником. И, несмотря на небольшое число проживавших тогда охотников и собирателей¹⁶¹, им все же удалось окончательно освоить практически всю ойкумену на севере постледниковой Европы – Северо-Восточную Прибалтику, Карелию, Кольский полуостров, Шотландию и др.

Изменение климата способствовало дальнейшему развитию присваивающих форм хозяйства. С распространением современной флоры и фауны в мезолитических сообществах наблюдается расцвет охотничьей деятельности, собирательства и рыболовства. Считается, что хозяйственный уклад эпохи мезолита формировался еще в недрах финального палеолита. О роли охоты в мезолитическое время нам говорят не только находки костей диких животных, предметов вооружения, но и организация поселений. В этот период, кроме базовых стоянок, известны кратковременные охотничьи лагеря, места забоя диких животных и разделки охотничьей добычи, направленные на создание запасов мясной пищи. В степной полосе, в условиях открытых пространств, на которых обитали стадные травоядные – бизон, тур, лошадь, в качестве мест добычи использовались глубокие, с отвесными стенками, овраги, куда мезолитический охотник гнал диких животных. На дне таких оврагов археологи находят огромное скопление костей животных и орудий, связанных с разделкой добычи. В горной местности в качестве мест обитания продолжали использовать пещеры, гроты или скальные навесы.

Известны стоянки открытого типа, на которых обнаружены остатки наземных или углубленных в грунт жилищ округлой, овальной и четырехугольной формы с очагом внутри. Каркас жилищ составляли ветви деревьев, жерди. Кровлей построек служили шкуры диких животных, куски бересты; некоторые из них могли дополнительно утепляться дерном. В отдельных случаях, чтобы попасть внутрь жилища, необходимо было пройти через специально пристроенный к нему тамбур или коридор. На севере Восточной Европы известны жилища более прочной конструкции. Например, по материалам торфяниковых стоянок культуры *Веретье* (Восточное Прионежье, Российская Федерация) обнаружен тип четырехугольных жилищ с пристроенным к ним тамбуром. Стены жилищ были сложены из деревянных бревен, обшитых досками.

Жилище эпохи мезолита. Реконструкция

¹⁶¹ Российский исследователь А.Н. Сорокин, например, считает, что на территории Европы в финальном палеолите – раннем мезолите могло проживать всего 1–1,1 тыс. человек. Есть и другие мнения относительно численности мезолитического населения. Л.Л. Зализняк для мезолита Украинского Полесья предложил такую усредненную цифру – 5,5 тыс. чел. По подсчетам Е.Г. Калечиц, на территории Восточной Беларуси в раннем мезолите могло проживать около 1,5 тыс. охотников гренокской культуры и 500 чел. представляли сожскую культуру в позднем мезолите.

Данные о размерах жилищ и поселений показывают, что в эпоху мезолита обитали небольшие по численности группы охотников-собирателей-рыболовов, объединенные в малые семьи по 5–7 человек, родовые коллективы и общины численностью до 25–30 человек. Это были постоянные и устойчивые в хозяйственном отношении коллективы, осознающие свое кровное единство по определенной линии родства.

Находки орудий труда, предметов вооружения, украшений, сведения о структуре поселений, данные по мезолитическим захоронениям свидетельствуют о четкой половозрастной организации труда. Например, в обязанности мужчины входила добыча мясной пищи во время совершения охоты, женщины – собирательство, обустройство жилищ, воспитание детей. Есть сведения, что мужчины и женщины могли жить раздельно, имели свои тайные праздники, обряды и верования.

В целом установлено, что мезолитическая община – пример коллективной собственности на промысловую территорию, площадь которой составляла до 25 кв. км и включала источники кремневого сырья, охотничьи загоны, поселения, жилища и т.д.

Примером расцвета охотничьей деятельности в эпоху мезолита являются повсеместные находки наконечников стрел, самих стрел и луков. Также как и для финального палеолита, наконечники стрел из камня (кремня), кости, рога и дерева являются хронологическим и культурным показателем для характеристики мезолита отдельных регионов Восточной Европы. Но по сравнению с предшествующим периодом, форма самих наконечников становится более разнообразной, стандартизированной.

Охота с помощью дистанционных видов оружия известна по находкам лука и стрел. Они обнаружены на ряде торфяниковых стоянок севера европейской части России (*Вис, Веретье*), Восточной Прибалтики (*Звейниэки*) и отдельных захоронениях *Оленеостровского могильника* на Онежском озере в Карелии. Длина лука, для изготовления которого использовали преимущественно сосну, достигала 0,65–1,50 м. На костях диких животных сохраняются следы от удара наконечников стрел.

В отличие от палеолитического времени охота становится индивидуальной, особенно в лесной полосе. В условиях особой этологии (поведения) лесных животных, которые обычно держатся поодиночке или образуют небольшие стада, требовалось использование своеобразных способов их добычи: выслеживание, скрадывание, устройство ловушек, западней, капканов, арканов и т.д. Примеры охотничьей деятельности мезолитического человека зафиксированы в наскальной живописи – знаменитых петроглифах Онежского озера в Карелии и Беломорья (*Старая Залавруга, Бесов нос, Бесовы следки*; изображение охоты на лося и оленя), в *Каменной могиле* на юге Украины (изображения быков и козлов), *Кобыстане* на территории Азербайджана (быки, хищники)¹⁶².

Зимняя охота на лося. Наскальный рисунок (Карелия)

Не меньшую роль в мезолите, особенно в голодное время, играло собирательство. На некоторых стоянках обнаружены лесные и водяные орехи, желуди, кости и фрагменты панциря черепах, раковины моллюсков (пример развития аквакультуры). Немаловажное место, очевидно, отводилось сбору ягод, грибов, съедобных и лекарственных растений.

В мезолитическое время начинает распространяться рыболовство. На стоянках VII–V тыс. до н.э. находят кости и чешую рыб. В лесной полосе добывали щуку, сома, леща и окуня, в степях и горных районах занимались ловом осетровых – например, лосося.

В мезолите начали осваивать и морской промысел. Занятие рыболовством не обходилось без помощи специальных устройств и снастей – плетеных вершей, сетей, берестяных поплавков, каменных грузил, рыболовных крючков, острог, остей, гарпунов. Возможно, в процессе ловли или закола рыбы использовались лодки-однодревки.

В мезолитическое время в ряде культур своего развития достигает отжимная техника, направленная на получение пластин-заготовок с ровными параллельными краями. Стремление использовать ножевидную пластину в качестве заготовки для орудий труда было не случайным. Она позволяла создать оптимальную (стандартную) форму изделия, особенно если речь шла о предметах вооружения и составных орудиях труда.

¹⁶² Петроглифы являются своего рода феноменом неутилитарной (изобразительной) деятельности мезолитического человека. Центральное место в этих процарапанных изображениях на камне занимают образы диких животных, на которых охотился человек и которые, очевидно, служили объектом поклонения. На многих изображениях запечатлен сам человек и его занятия – сцены охоты, рыбной ловли, семейно-бытовые сюжеты и даже военные столкновения.

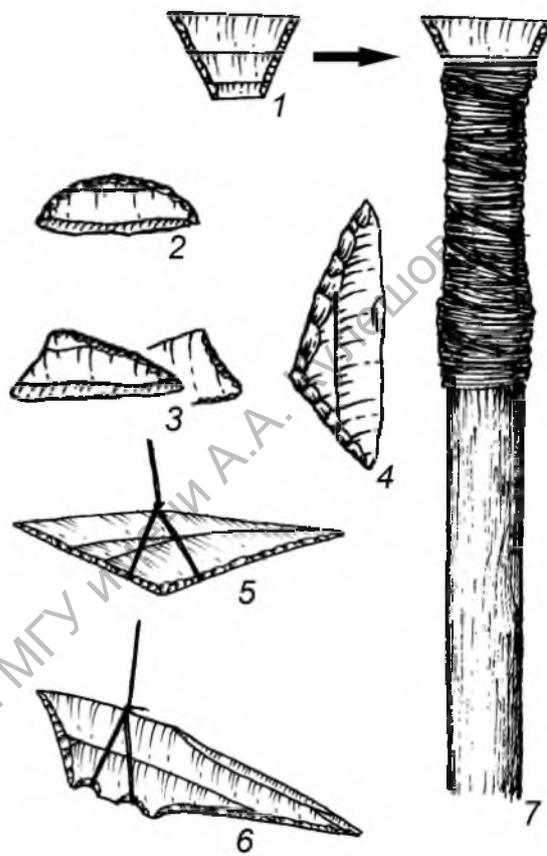
Именно в мезолите, кроме дистанционных видов оружия – лука и стрел, широкое распространение получает вкладышевая техника, основанная на использовании микролитов – орудий небольших размеров (до 1–3 см). Простейшая форма вкладыша представляет собой фрагмент (преимущественно медиальный, или средний) пластины, который с помощью клеящего вещества крепился в специально вырезанные резцом пазы деревянных, костяных или роговых орудий. В результате появлялись составные наконечники стрел, гарпуны, пилы, струги, ости. Форма отдельных вкладышей определяется четкой геометрией в виде трапеции, треугольника, сегмента, прямоугольника.

В мезолите отмечается широкое употребление техники микрорезцового скола, с помощью которой создавались колющие острия, микрорезцы и вкладыши. Для отдельных культур микрорезцовая техника определяет специфику кремневой индустрии (например, культура маглемозе, шпанская, яниславицкая, донецкая и др. культуры).

Известны примеры широкого употребления кости, рога и дерева. Эти виды сырья использовались для изготовления орудий труда (шильев, проколов, скребков, ножей и кинжалов, гарпунов и топоров), предметов вооружения (лука и стрел, наконечников стрел, дротиков, копий, кинжалов, пращей, бумерангов) и украшений. На отдельных изделиях обнаружена гравировка в виде прочерченных линий, зигзагов, елочки, сетки. Продолжала развиваться скульптурная пластика. Из кости и рога делали изображения животных и самого человека.

Большое значение для реконструкции культуры мезолитического человека имеют материалы отдельных мезолитических могильников – *Тевьек* во Франции, *Скатерхолм* в Швеции, *Оленеостровский* и *Полово* на севере Восточной Европы, *Звейнишки* в Латвии, *Волосский*, *Васильевский-1* и *3*, *Чаплинский* в Среднем Поднепровье (Украина), *Фатма-Коба* и *Мурзак-Коба* в Крыму, *Лепенски Вир* в Подунавье (Сербия).

В этих могильниках обнаружены грунтовые захоронения по обряду ингумации, с вытянутыми на спине или скорченными на боку костяками. Могилы умерших обильно посыпаны охрой и содержат разнообразный погребальный инвентарь (орудия труда, оружие, украшения). Благодаря изучению могильников получены данные, позволяющие реконструировать социальную и хозяйственную структуру мезолитического населения, демографическую ситуацию, мир духовной культуры, восстановить антропологический облик человека, обитавшего 10–6 тыс. лет назад.

Микролиты.

Способы их крепления и использования
1–4 – микролиты (1 – трапеция; 2 – сегмент; 3–4 – треугольники), 5–6 – примеры использования микролитов в качестве крючков-блесен, реконструкция; 7 – фрагмент стрелы с наконечником в виде трапеции из Эйсинга (Ютландия)

Тема 3.3

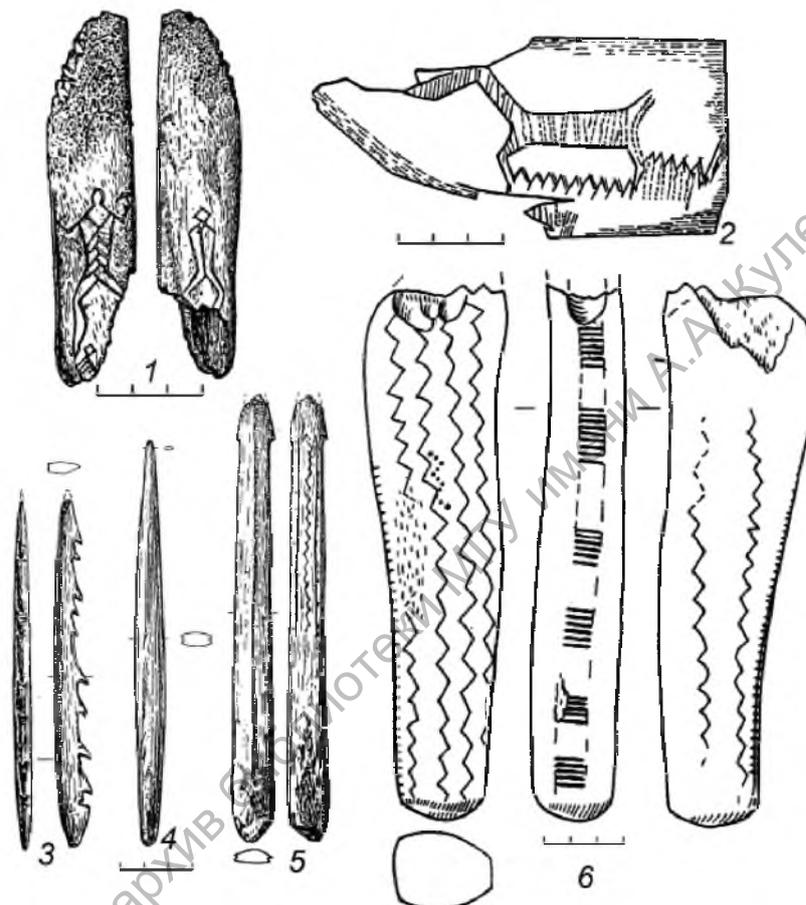
Заселение территории Беларуси в эпоху мезолита

Около 10–9 тыс. лет назад мезолитическим охотникам и собирателям на территории Беларуси удалось освоить бассейны крупных рек и их притоков. В этот период человек начинает осваивать бассейн Западной Двины с прилегающими к ней многочисленными озерами. Здесь более ранних стоянок, чем мезолитические, пока не обнаружено.

В культурном отношении мезолит Беларуси был неоднородным. Средний каменный век представлен материалами нескольких культур, отдельные из которых либо продолжали существовать и получили свое дальнейшее развитие на мезолитическом этапе, либо впервые появились здесь с началом голоценового потепления.

На территории Беларуси люди эпохи мезолита продолжали селиться у края речных террас, на их останцах и других возвышенностях в долинах рек, вблизи озер и заток. Наблюдается концентрация мезолитических памятников у выходов кремневого сырья, что определило специфику отдельных регионов. Например, в Верхнем Поднепровье, особенно в бассейне р. Сож, где месторождения кремня выходят на поверхность и в связи с этим были доступны для мезолитического человека, широко распространен такой тип памятников как стоянки-мастерские.

Отсутствие или низкое качество кремня компенсировалось использованием других видов сырья – кости и рога. На территории Беларуси артефакты из кости и рога встречаются в разных регионах. находки преимущественно носят случайный характер и не имеют какой-либо привязки к культурному слою памятников.

Мезолитические изделия из кости и рога

- 1, 2 – изделия с гравировкой; 3 – гарпун; 4 – острие с пазами для кремневых вкладышей;
5 – наконечник копья; 6 – рукоятка или «жезл шамана» (1–5 – озеро Вечера; 6 – Сморгонский карьер)

Наибольшее их число обнаружено в карьере под Сморгонью. Здесь в разные годы находили вещи из рога благородного оленя – мотыги, топоры, муфты для орудий и изделия с отверстиями для рукояток. Среди них наибольший интерес вызывает вытянутый предмет из рога оленя, орнаментированный короткими нарезками и линиями в виде зигзагов. В литературе он интерпретируется как «жезл шамана» и мог являться рукояткой от кинжала, или орудием для копания. Не исключено, что это изделие выполняло ритуальные функции. Мезолитическим временем также датируют находки вещей из кости и рога, собранных на озере Вечера в Любанском районе Минской области¹⁶³, а также случайные и единичные находки, среди которых часто упоминаются острия, гарпуны, топоры и кинжал¹⁶⁴. Поверхность отдельных изделий покрыта гравировкой.

Постоянные места обитания требовали создания жилищ. Как могли выглядеть мезолитические жилища на территории Беларуси – остается неизвестным. Не исключено, что они представляли собой конструкции, напоминавшие чум или ярангу, известные по этнографическим материалам на-

¹⁶³ Подробнее см.: Кривальцэвіч, М. М. Касцяныя і рагавыя вырабы каменнага веку з возера Вячэра / М. М. Кривальцэвіч // 3 глыбі вякоў. Наш край. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – № 1. – С. 147–168.

¹⁶⁴ По поводу случайных находок из кости, собранных на территории Беларуси рекомендуем обратить внимание, например, на статью: Вашанаў, А. М. Мезалітычныя касцяныя вастрыі ў зборах Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь / А. М. Вашанаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2014. – Вып. 25. – С. 188–193.

родов Крайнего Севера, Сибири, Северной Америки. Можно только отметить, что остатки мезолитических жилищ археологически фиксируются в виде округлых, овальных или четырехугольных пятен песка темно-серого цвета площадью от 4 до 25 кв. м (в среднем – около 10 кв. м). Внутри жилища или рядом с ним фиксируется очаг – линза темно-серого или черного песка с вкраплениями угольков. На территории Беларуси остатки жилищ зафиксированы на стоянках *Аврамов Бугор* (2 жилища), *Бабулин Бугор* (5 жилищ), *Береговая Слобода* (2 жилища); по одному жилищу найдено на стоянках *Дедня*, *Каменка-5* и *Стасевка*.

Остатки жилища на стоянке Каменка-5
(по материалам раскопок А.В. Колосова)

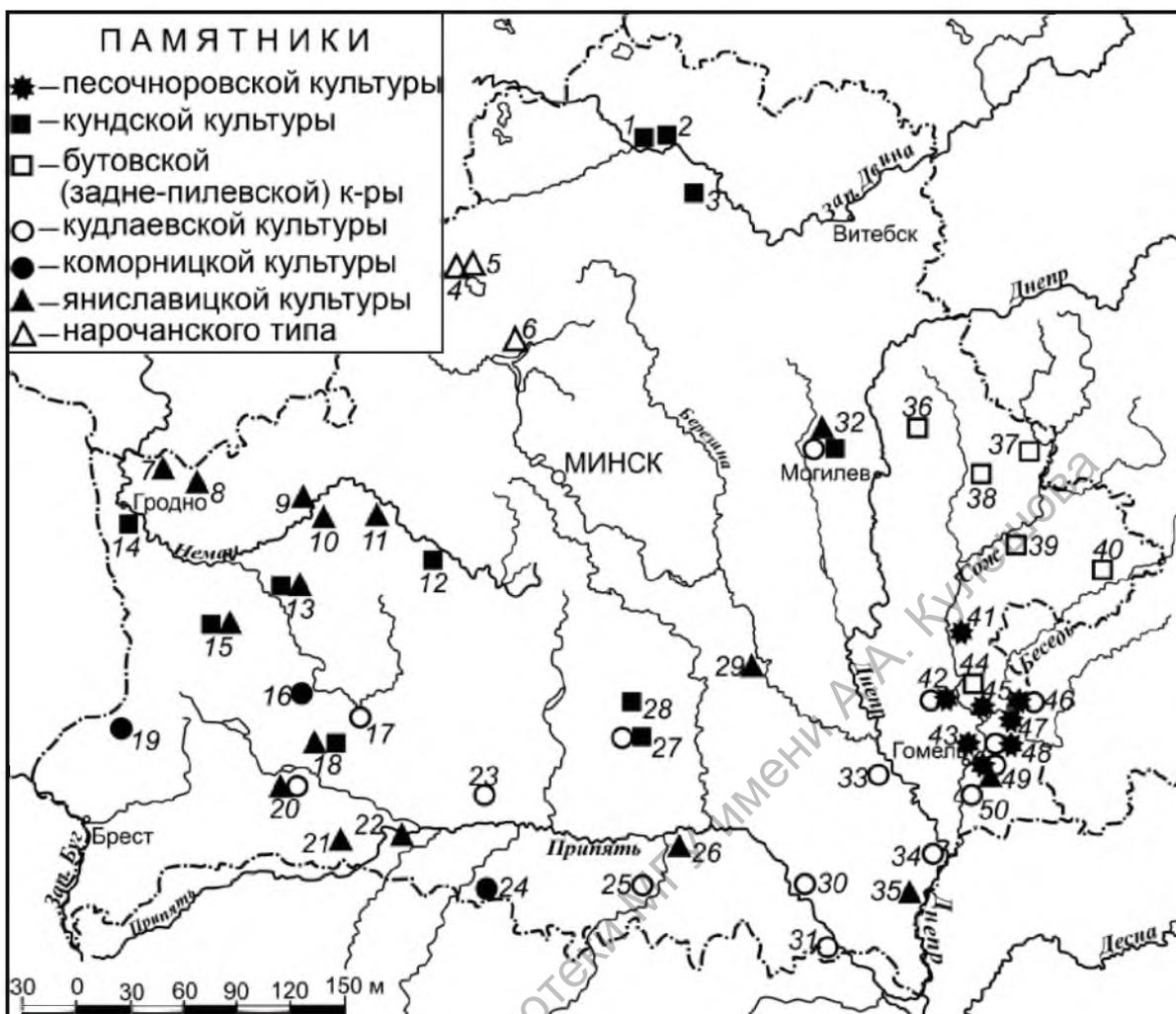
По мощности заполнения выделяются жилища наземного типа (*Береговая Слобода*, *Стасевка*), жилища-полуземлянки и землянки (*Аврамов Бугор*, *Бабулин Бугор*, *Дедня*). На стоянке *Каменка-5* обнаружены остатки жилища, углубленного в грунт на 0,95 м. Постройка имела овальную форму и небольшую пристройку у входа в виде тамбура. В центральной части структуры наблюдалось компактное скопление расщепленного кремня – *рабочее место мастера*.

В отдельную группу объектов хозяйственно-бытового назначения можно выделить остатки *жилой площадки*. В отличие от жилища жилая площадка представляет собой место, связанное с разделкой и переработкой охотничьей добычи. Она определяется по локализации орудий, охотничьего вооружения, связанных с конкретным видом деятельности. Остатки жилой площадки зафиксированы на стоянке *Дедня*. Возможно, подобного рода структура могла быть на стоянке *Каменка-5*. В культурном слое она выделялась высокой концентрацией орудий, группировавшихся вокруг очагов.

Кроме жилищ, на мезолитических стоянках обнаружены остатки кострищ, очаги, ямы хозяйственного назначения, «клады» кремневого сырья, нуклеусов, сколов-заготовок и орудий труда. На отдельных стоянках присутствуют места производственной обработки сырья.

Мезолитические культуры на территории Беларуси. В начале мезолита на территории Беларуси еще некоторое время обитали группы охотников гренской и свидерской культур, истоки которых, как мы помним, уходят в финальный палеолит. Но с потеплением климата, широким распространением лесов происходит изменение привычной среды жизни охотников на северного оленя. Миграции этого животного в северные, более прохладные районы Евразии потянули туда за собой человека с его кочевым образом жизни. Часть населения оказалась перед выбором адаптации к условиям жизни среди лесов, что постепенно вело к трансформации хозяйства и культуры древних охотников, формированию оседлости в пределах промысловой территории.

С гренской и свидерской культурами связывают появление целого ряда других культурных явлений на территории Беларуси и сопредельных с ней регионах. В частности, с гренской культурой связывают появление населения иеневской культуры в междуречье Волги и Оки и песочноровской культуры в Подесенье. Памятники последнего культурного явления известны на территории Беларуси.

Карта основных памятников мезолита на территории Беларуси

Песочноровская культура: 41 – Загорье-2 (Жавынец); 42 – Присно-4; 43 – Калинино (Чурилово); 45 – Беседь-3; 46 – Громыки-4; 47 – Бартоломеевка; 48 – Залядь-1; 49 – Романовичи.

Кундская культура: 1 – Замошье; 2 – Крумплево; 3 – Плюсы; 12 – Дрозды-12; 13 – Черлэнка; 14 – Жиличи-2; 15 – Личицы; 18 – Бобровичи-1; 27 – Озерное-3; 28 – Любань; 32 – Бельниччи-1А.

Бутовская (задне-пилевская) культура: 36 – Слободка (Коровчинская Слободка); 37 – Коробчино; 38 – Дедня; 39 – Гронов-2 (Стров); 40 – Витунь-5А; 44 – Пролетарский-1.

Кудлаевская культура: 17 – Куль-1; 20 – Мотоль; 23 – Кажан-Городок; 25 – Липляны-3; 27 – Озерное-1; 30 – Хвощёвка; 31 – Белая Сорока; 32 – Бельниччи-1А; 33 – Речица-2; 34 – Рекорд; 42 – Присно (Замостовье); 46 – Аврамов Бугор; 48 – Залядь-1-3; 49 – Романовичи; 50 – Новые Терешковичи (Крыга).

Коморницкая культура: 16 – Добрынево-1; 19 – Каменюки-1; 24 – Бухлицкий Хутор.

Яниславицкая культура: 7 – Лихачи; 8 – Бершты-2 и 6; 6 – Белица; 10 – Несиловичи-1; 11 – Черешля; 13 – Черлэнка; 15 – Личицы-2; 18 – Бобровичи; 20 – Мотоль; 21 – Кончицы; 22 – Терebenь; 26 – Мойсеевичи; 29 – Красновка-1Б; 32 – Бельниччи-1А; 35 – Старая Лутава; 49 – Романовичи.

Нарочанский тип памятников: 4 – Кусевщина; 5 – Струголапы-1; 6 – Сосенка-3.

Песочноровская культура. Свое название эта культура получила по находкам из культурного слоя эпохи мезолита, обнаруженного во время раскопок городища *Песочный Ров* на р. Десна близ с. Роговка Новгород-Северской области в Украине. Культурное своеобразие мезолита Десны было подчеркнуто еще в 1950-е гг. М.В. Воеводским, выделившим здесь деснинскую культуру. Дальнейший поиск и изучение памятников на Десне позволило А.А. Формозову, Д.Я. Телегину и Л.Л. Зализняку обосновать отдельный тип стоянок, объединенных впоследствии под названием «песочноровская культура»¹⁶⁵.

Памятники песочноровской культуры в настоящее время локализованы в бассейне средней Десны, низовьях Сожа и его притоках – Беседи и Ипути. На территории Беларуси стоянки этого

¹⁶⁵ Материалы песочноровской культуры подробно рассмотрены в работах Л.Л. Зализняка. Среди последних изданий рекомендую обратить внимание на монографию: *Зализняк, Л. Л. Мезоліт заходу Східної Європи / Л. Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ : Шлях, 2009. – Вип. 12. – С. 58–94.*

культурного явления стали известны еще в конце XIX в. (Н.Ф. Беляшевский, Е.Р. Романов). Отдельные поселения были открыты К.М. Поликарповичем в 1920–1930-е гг. В послевоенное время и на современном этапе сбор материалов вели Ф.М. Заверняев, Е.Г. Калечиц, Ю.В. Ободенко, Н.Н. Кривальцевич, А.В. Колосов и др.

На территории Беларуси находки песочноровской культуры встречены на стоянках рр. Сож (Загорье-2 (Жавынец), Калинино (Чурилово), Присно-4), Беседь (Бартоломеевка-2, Беседь-3, Новые Громыки-4), Ипать (Залядь-1, Романовичи, Якубовка-2), а также в междуречье Сожа и Днепра (Абакумы)¹⁶⁶. Большая часть песочноровских стоянок расположена в пределах Предполесья и Полесской низменности. Поселения устраивались на краю первой надпойменной террасы или их останцах рядом с водоемами. Среди стоянок, оставленных на дюнах, являются – Загорье-2 (Жавынец), Залядь-1, Романовичи и Якубовка-2.

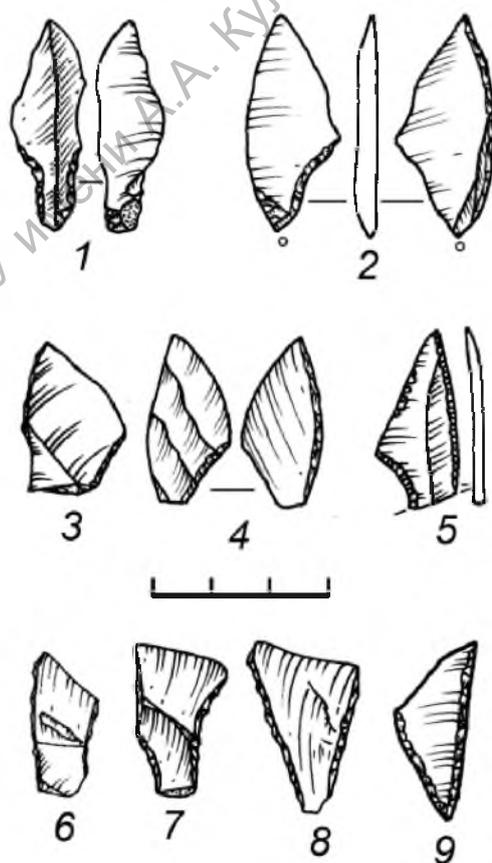
Первичное расщепление кремня в песочноровской культуре осуществлялось с помощью каменного (кремневого) отбойника. Ее характеризуют грубые одно- и двухплощадочные нуклеусы, с которых скалывали отщепы и пластинчатые отщепы, служившие заготовками для орудий труда. Среди последних численно преобладают концевые скребки, ретушные и угловые резцы. Остальные орудия образуют немногочисленные группы – крупные пластины со скошенным концом (острия), обушковые ножи с выпуклым или прямым рабочем краем, затупленным ретушью, топорики с перехватом.

Определенное своеобразие песочноровской культуре придают микролиты – симметричные и ассиметричные трапеции высоких пропорций, треугольники, ассиметричные острия, или так называемые «вкладыши алтыновского типа»¹⁶⁷. Последние по своей форме похожи на ассиметрично-черешковые наконечники с боковой выемкой (грэнский тип), но по сравнению с ними имеют меньшие размеры и правильную геометрию, основанную на равном соотношении длины и ширины. Учитывая этот момент, большинство исследователей рассматривают песочноровскую культуру как этап дальнейшего развития традиций предшествовавшей ей грэнской культуры.

На основании полученных материалов Л.Л. Зализняка удалось проследить эволюцию микролитической техники в среде песочноровской культуры. Ее начало ведут от ассиметрично-черешковых наконечников стрел с боковой выемкой. В мезолитическое время они приобретают более вытянутые формы и правильные геометрические очертания, превратившись затем в ассиметричные острия («вкладыши алтыновского типа»), высокие трапеции, треугольники.

Наличие или отсутствие в коллекциях геометрических микролитов позволило разработать периодизацию памятников песочноровской культуры. Ее развитие приходится на период VIII–V тыс. до н.э. По данным Л.Л. Зализняка, самые ранние стоянки культуры характеризуются отсутствием геометрических микролитов. Однако ситуация меняется в конце VIII – начале VII тыс. до н.э.: в кремневом инвентаре песочноровской культуры появляются «вкладыши алтыновского типа», трапеции, треугольники. Их число постоянно увеличивается и на заключительных этапах развития культуры геометрические микролиты (особенно трапеции) стали доминировать.

В позднем мезолите, соответствующем началу атлантического времени, песочноровская культура представлена памятниками типа Студенок. Размеры орудий «песочноровцев» становятся меньше. Кроме трапеций и алтыновских вкладышей, появляются черешковые наконечники стрел на пластинах, массивные сверла. Широкое распространение получают бифасиальные топоры и тесла. Присутствие основной части этих находок на стоянках раннего неолита бассейна Десны делают

Песочноровская культура.

Кремневый инвентарь

1 – наконечник стрелы; 2, 4–5 – ассиметричные острия («вкладыши алтыновского типа»); 3, 6–8 – трапеции; 9 – треугольник

¹⁶⁶ Подробнее см.: Колосов, А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с. : ил.

¹⁶⁷ По названию стоянки Алтыново, расположенной на р. Волга в Ярославской области.

очевидным для исследователей участие песчноровского населения в формировании местной неолитической культуры.

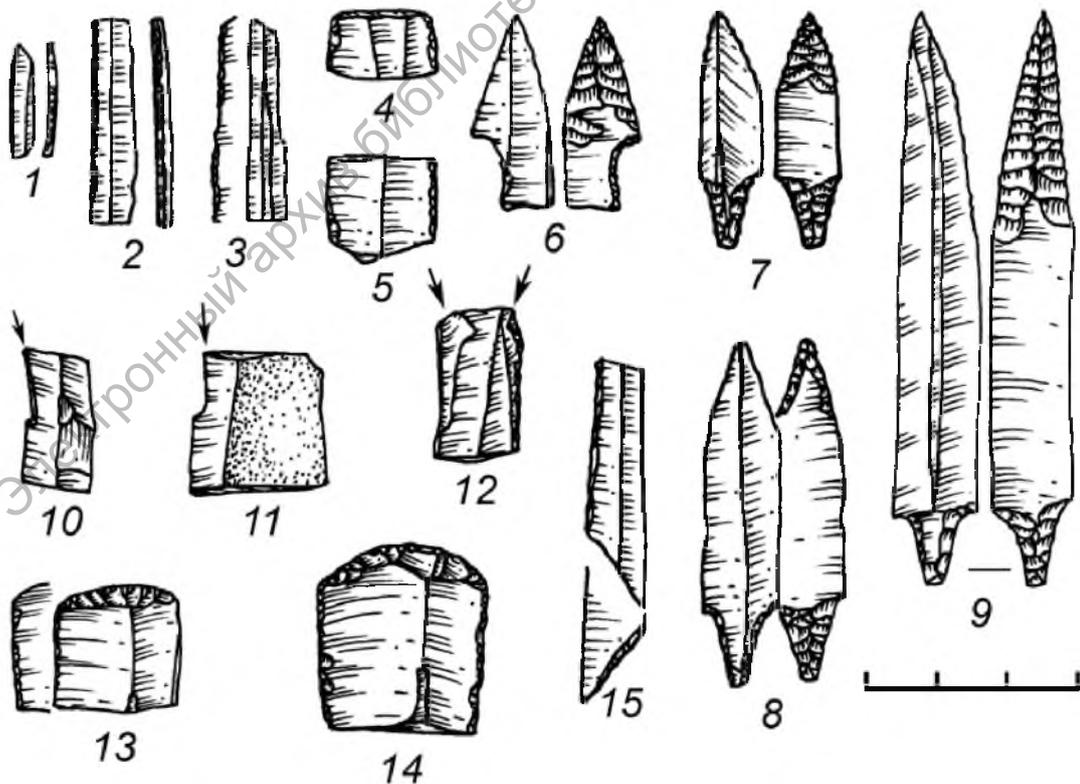
Кундская культура. В эпоху мезолита население этой культуры занимало практически всю Восточную Прибалтику, Прионежье, юг Карелии. Стоянки кундской культуры известны и на территории Беларуси. Они изучены в бассейнах Западной Двины и Немана. Отдельные находки культуры обнаружены в Припятском Полесье, что определяет крайние южные границы обитания кундского населения в древности.

Свое название культура получила по одной из стоянок, расположенных недалеко от совр. г. Кунда на севере Эстонии – *Кунда Ламмасмяги*. Научное обоснование культура получила благодаря работам эстонских исследователей Р. Индреко, Л.Ю. и К.Л. Яанитсов, латвийского археолога Ф.А. Загорскиса и др.

Поселения кундской культуры занимали береговые террасы или склоны холмов ледникового происхождения – *друмлины*¹⁶⁸. На стоянках Кунда и Нарва сохранились остатки овальных и округлых очагов. Отдельные из них обложены плитами из известняка (Нарва). Возле очагов, насколько это позволяют судить находки орудий труда, фрагменты специально расколотых костей диких животных, осуществлялась хозяйственная деятельность мезолитического человека. Основу хозяйства кундского населения составляла охота на лесных животных – лося, медведя, дикого кабана, косули, волка, зайца, росомахи, куницы и др., а также птиц – лебедя, кряквы, гаги, большого баклана. Есть находки костей северного оленя, дикой лошади и даже тюленя. Кундским охотникам была известна одомашненная собака (Кунда).

По материалам отдельных поселений получены бесспорные доказательства рыболовства – находки костяных крючков, однорядных гарпунов, остей, а также костей некоторых видов рыб – щуки, линя, окуня. На стоянке *Сийвертси* близ г. Нарва в Эстонии обнаружены фрагменты рыболовной сети и поплавки из сосновой коры.

Известны остатки захоронений. Среди них наибольшую известность получил могильник Звейниэки (Латвия), в котором обнаружены погребения, совершенные в ямах по обряду труположения. Умерших хоронили на спине, реже на боку или животе. Погребальный инвентарь представлен орудиями труда и оружием из кремня и кости, украшениями в виде подвесок из зубов диких животных. Могилы обильно посыпаны охрой.

Кундская культура. Кремневый инвентарь

1–3 – микропластины с затупленным ретушью краем; 4–5 – вкладыши из сечений пластин; 6–9 – наконечники стрел; 10–12 – резцы; 13–14 – скребки; 15 – фрагмент треугольника

¹⁶⁸ Собственно сама стоянка Кунда расположена на одном из таких холмов, называемом Ламмасмяги.

На начальных этапах развития кундской культуры для производства орудий труда использовали приносной кремьен, месторождения которого встречаются на территории Литвы и Западной Беларуси (бассейн р. Неман) в верховьях Днепра и Волги. Отсутствие сырья компенсировалось использованием других пород камня, например, кварца.

Основным типом заготовки для орудий труда были пластины. Кундская культура и особенно ранние ее памятники дают нам яркий пример высокоразвитой пластинчатой техники. Пластины получали способом отжима с одноплощадочных нуклеусов конической и призматической формы. Это были узкие, длинные, с ровными параллельными и острыми краями сколы. Они шли на производство угловых резцов, концевых и двойных скребков и многочисленных вкладышей для составных орудий и охотничьего оружия. Среди вкладышей встречаются: сечения ножевидных пластин с ретушью по краю, микропластинки с затупленным ретушью краем, пластины со скошенным ретушью концом, треугольники, микролиты с шипом. Кундским мастерам была известна техника шлифования, применявшаяся для подправки лезвий топоров и тесел, заточки костяных и роговых орудий.

Наконечники стрел представлены несколькими типами. Преимущественно это предметы с выделенным черешком, который с обратной стороны подправлен плоской встречной ретушью. Перо наконечников также обработано плоской ретушью на половину или треть длины заготовки; в черешковой части оно может подчеркиваться с двух сторон специально выделенными шипами (наконечники типа Пулли¹⁶⁹). Еще одну группу образуют наконечники с боковой выемкой, которые также имеют характерную для кундской культуры обработку пера плоской встречной ретушью.

Кундская культура представлена большой серией костяных и роговых орудий, компенсировавших недостаток кремневого сырья в отдельных районах. Это находки костяных игловидных и с выступающим зубцом наконечников стрел, дротиков и копий. Отдельные из них имеют специально прорезанные по краю пазы для крепления микролитов. Индустрии из материалов органического происхождения дополняются находками костяных кинжалов, пешней из трубчатых костей, использовавшихся для пробивания льда во время зимней ловли рыбы, роговых муфт для вставок лезвий топора или тесла и т.д. На некоторых предметах сохранилась гравировка в виде зигзагообразных и параллельных линий, нарезок, косых крестиков, заштрихованных треугольников.

В своем развитии кундская культура прошла три этапа. Ранний этап – памятники типа Пулли – соответствует пребореальному времени и датируется серединой – второй половиной VIII тыс. до н.э. Средний этап соответствует бореальному периоду (VII тыс. до н.э.), поздний – началу атлантического оптимума (VI–V тыс. до н.э.).

На территории Беларуси стоянки кундской культуры обнаружены в межвоенный период (К.М. Поликарпович). Систематическое изучение памятников связано с работами Н.Н. Гуриной, В.П. Ксензова, В.С. Обуховского и др. Наиболее представительные коллекции получены в результате раскопок стоянок *Крумплёво*, *Замошье* и *Плусы* (бассейн р. Западная Двина)¹⁷⁰. Отдельные находки кундской культуры собраны в Понеманье (*Дрозды-12*, *Жиличи-2*, *Личицы*, *Черлёнка*, *Шпиль-Городок*) и Припятском Полесье (*Бобровичи-1*, *Любань*, *Озерное-2*).

В итоге исследований установлено, что кундские стоянки на территории Беларуси относятся к раннему и среднему этапам развития культуры и датируются в диапазоне 9800–8000 лет назад. Для производства орудий труда кундское население здесь использовало разносортный кремьен. В технике его расщепления главное внимание уделялось получению ножевидных пластин правильной огранки. Большая часть пластин (70–80%) шла на производство орудий, прежде всего наконечников стрел, резцов и вкладышей.

Среди орудий доминируют скребки. Резцы представлены орудиями на сломе пластинчатых заготовок. Облик кремневого инвентаря кундской культуры определяют находки ланцетовидных острий, микропластинок с затупленным ретушью краем, треугольников, трапеций. Наконечники стрел имеют четко выделенный черешок. Со стороны брюшка черешок и перо наконечников дополнительно обработаны плоской ретушью. Отдельные экземпляры имеют шипы, выделенные с двух сторон у черешка, и, таким образом, напоминают характерные для раннего этапа кундской культуры наконечники типа Пулли. Единичны ассиметричные наконечники на пластинах с боковой выемкой, обратная сторона которых по перу обработана встречной плоской ретушью.

Генезис кундской культуры остается не ясным. Основная часть исследователей называет кундскую культуру «постсвидерской». Полагают, что в начале мезолита именно свидерские охотники вслед за северным оленем проникли на территорию Прибалтики и дали начало культуре кунда.

¹⁶⁹ По названию стоянки в Эстонии.

¹⁷⁰ См.: Ксензов, В. П. Культура кунда / В. П. Ксензов // Гістарычна-археалагічны зборнік : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – № 16. – С. 20–35;.

В качестве доказательства обычно ссылаются на сходство техники обработки кремня в обеих культурах, использование пластины в качестве заготовки для орудий труда, только с той разницей, что у свидерской культуры пластины скалывали с помощью «мягкого» отбойника, в кундской – их получали путем отжима (что является примером новаций в технологии первичной обработки камня). Очевидное сходство проявляется в формах черешковых наконечников стрел и характере их обработки (наличие плоской ретуши на черешке). По мнению Л.В. Кольцова, кундская культура представляет собой результат взаимодействия постсвидерского населения с культурой аскола, проживавшей на территории Финского залива.

Существует также версия, что кундская культура возникла в результате миграций населения с территории Волго-Окского междуречья. На роль предка кундских охотников претендует рессетинская культура. Ее население, как полагает А.Н. Сорокин, в начале голоцена вслед за северным оленем от верховьев Волги и Оки по Западной Двине и ее притокам проникло на территорию Восточной Прибалтики. Обе культуры сближают техника расщепления кремня, использование пластины в качестве заготовки и отдельные типы микролитов.

В любом случае исследователи сходятся во мнении, что кундское население, дожившее до конца эпохи мезолита, приняло участие в формировании нарвской неолитической культуры Восточной Прибалтики и Северной Беларуси.

Бутовская (задне-пилевская) культура. Понятие об этом культурном явлении сложилось в итоге многолетнего изучения мезолитических памятников междуречья Волги и Оки. Культура выделена российским археологом Л.В. Кольцовым в 1960-е гг. и названа по стоянке Бутово, расположенной в верховьях Волги на территории Тверской области Российской Федерации. Сведения об этой культуре детализированы в работах еще одного российского ученого – А.Н. Сорокина¹⁷¹.

На территории Беларуси памятники бутовской культуры были обнаружены в конце 1920-х гг. (К.М. Поликарпович), но вопрос о принадлежности их к этому культурному явлению был поставлен только в начале 1990-х гг.¹⁷² Раскопки отдельных стоянок В.Ф. Копытиным, О.Л. Липницкой, А.В. Колосовым позволили утвердить мнение о бутовском эпизоде заселения востока Беларуси в эпоху мезолита.

Значительное число бутовских стоянок обнаружено на р. Сож – *Гронов-2 (Стров), Коробчино, Пролетарский-1, Слободка (Коровчинская Слободка)* и др. Отдельные памятники исследованы путем раскопок – *Витунь-5А* (на р. Беседь), *Дедня* (на р. Кошанка, правый приток Прони) и *Криничная* (на Соже). Некоторые находки происходят из разновременных коллекций, но также получены в процессе стационарных работ (*Горки, Рудня-1, Устье-2, Чериков-2*)¹⁷³.

На территории Могилевского Посожья стоянки бутовской культуры приурочены в основном к краю первой надпойменной террасы и находятся на высоте 2–5 м над уровнем поймы. На Гомельщине следы поселений бутовской культуры часто встречаются на останцах береговой террасы, либо на песчаных пойменных всхолмлениях. Особенно это отчетливо наблюдается в низовьях Сожа и его притоках в пределах полесских ландшафтов.

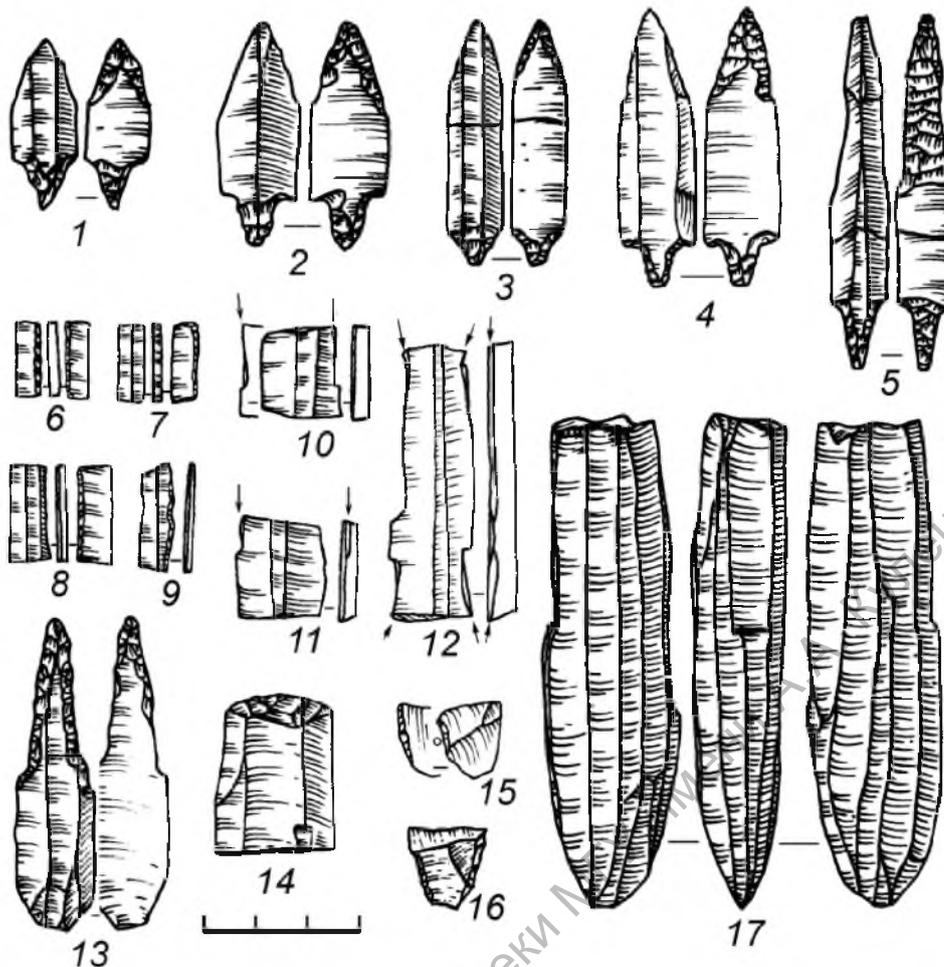
Техника расщепления кремня в бутовской культуре была направлена на получение длинных, узких и тонких пластин правильной огранки. Это был основной тип заготовки для производства орудий, прежде всего, вкладышей, наконечников стрел и резцов на сломе заготовке. В качестве сырья использовали приносной высококачественный полупрозрачный кремень серого цвета или местный меловой кремень. Среди орудий ведущее положение занимают резцы, которые представлены исключительно орудиями на сломе заготовки. Коллекции посожских стоянок включают также находки многочисленных пластин-вкладышей, микропластинок с затупленным ретушью краем, прямоугольников, использовавшихся в качестве вставок в пазы лезвий охотничьего оружия, концевые скребки, острия, проколки и сверла, изделия с выемкой, рубящие орудия.

Предметы вооружения бутовской культуры представлены наконечниками стрел с выделенным черешком. С обратной стороны черешок дополнительно обработан фасетками плоской ретуши. Имеются наконечники с четко выделенным черешком, который с двух сторон ограничен шипами (тип Пулли). Перо наконечников подправлено плоской встречной ретушью со стороны брюшка.

¹⁷¹ В настоящее время в ряде своих публикаций А.Н. Сорокин предлагает новый вариант названия культуры – задне-пилевская (по стоянке Задне-Пилево в бассейне р. Ока).

¹⁷² Вопрос о бутовской культуре в Белорусском Посожье впервые был затронут В.Е. Кудряшовым и О.Л. Липницкой в статье «К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилёвщине», опубликованной в сборнике областной краеведческой конференции «Дняпроўскі край» (Магілёў, 1993, с. 27–29).

¹⁷³ Подробнее о памятниках бутовской культуры на территории Белорусского Посожья см.: Колосов, А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – С. 33–36.

Бутовская (задне-пилевская) культура. Кремневый инвентарь

1–5 – наконечники стрел; 6–9 – микропластины с затупленным ретушью краем;
10–12 – резцы; 13 – сверло-проколка; 14 – скребок; 15–16 – трапеции; 17 – нуклеус

Кроме находок из кремня на торфяниковых стоянках бутовской культуры Волго-Окского междуречья известны орудия из кости и рога. В первую очередь это многочисленные и весьма разнообразные предметы охотничьего вооружения – наконечники стрел игловидной и листовидной формы, наконечники с коническим, ромбическим и биконическим остриями, наконечники копий, кинжалы. Отдельные орудия по краям имеют специально вырезанные пазы, в которые с помощью клеящего вещества крепились кремневые вкладыши – микропластинки с затупленным краем и/или концами. Комплекс вещей из кости и рога дополняется находками гарпунов, ножей, долотовидных орудий, ретушеров, посредников, рыболовных крючков, подвесок из зубов диких животных и др. На территории Беларуси бутовскую культуру пока характеризуют только находки из кремня.

Интересные данные получены по поселенческой структуре. Речь идет о находках наземных жилищ и жилищ-полуземлянок округлой, овальной или четырехугольной формы размером от 8 до 29 кв. м. В Белорусском Посожье остатки жилищ сохранились на стоянках Дедня и Криничная. В Дедне оно представляет собой овальное пятно (2,1×1,9 м), заполненное зольным песком. Жилище было углублено в грунт на 0,60 м. Находки, собранные в пределах пятна (серия регулярных пластин, отщепы, пластины с ретушью), позволили В.Ф. Копытину интерпретировать изученный объект как «место мастера». На стоянке Криничная остатки жилища четырехугольной формы были изучены на глубине 0,40–0,70 м. В отличие от Дедни, жилище в Криничной имело несколько большие размеры – 3,75×2,5 м.

Особое внимание привлекают остатки жилой площадки, обнаруженной на стоянке Дедня (общая площадь – 78 кв. м, мощность заполнения 0,20–0,45 м). Структура выделена по нескольким линзам темно-серого цвета, не имевшим четкой формы, но отдаленно напоминавшим овал. Планиграфические наблюдения показывают заметную концентрацию находок в пределах исследованного объекта. Визуально выделено семь скоплений и микроскоплений кремневых артефактов, включа-

ющих продукты расщепления кремня, предметы вооружения и орудия труда (наконечники стрел, резцы, скребки, проколки, вкладышевые изделия). Площадка располагалась недалеко от овального жилища и, очевидно, использовалась для разделки охотничьей добычи, принесенной на поселение.

Остатки жилой площадки на стоянке Дедня
(по материалам раскопок А.В. Колосова)

Появление бутовских стоянок в Посожье может объясняться сезонными миграциями населения этой культуры в конце пребореального времени (9600–9200 лет назад). Первоначально оно шло сюда со «своим» кремнем и впоследствии адаптировалось к использованию местных сырьевых ресурсов, что подтверждается материалами стоянок Витунь-5А, Криничная и Рудня-1. Топография этих памятников (стоянки расположены непосредственно возле источников выхода сырья) определила некоторые особенности кремневого инвентаря бутовской культуры в Посожье.

По сравнению, например, с Дедней, кремневый инвентарь стоянок Витунь-5А и Криничная выглядит более развитым и характеризуется низкой пластинчатостью. Среди орудий преобладают концевые, двойные и округлые скребки, выделяются также скробачи, скребловидные изделия, угловые, ретушные, двугранные и комбинированные резцы, пластинки с затупленным краем, черешковые наконечники стрел, рубящие орудия. Немногочисленные серии образуют находки симметричных средневысоких трапеций.

Различия между бутовскими стоянками в Посожье могут объясняться, с одной стороны, статусом и топографией поселений, а с другой – их хронологией, которая укладывается в диапазоне от 9800 (9600) до 7500 лет назад. Находки геометрических микролитов – средневысоких трапеций на стоянках Витунь-5А и Криничная, свидетельствуют о более позднем возрасте бутовских памятников в Посожье. Учитывая тот факт, что трапеции в бутовской среде появляются в начале VII тыс. до н.э., материалы стоянок Витунь-5А и Криничной могут демонстрировать бореальный этап обитания бутовского населения в бассейне р. Сож.

Кудлаевская культура. Эта культура в конце VIII – начале VI тыс. до н.э. территориально охватывала среднее течение Десны, Верхнее Поднепровье, Припятское Полесье, бассейны Немана, Западного Буга и Нарева. Культура получила название по находкам стоянки *Кудлаевка* (Черниговская область), открытой в 1925 г. украинским археологом М.Я. Рудинским во время археологических работ в бассейне р. Десна. Выделена польским ученым С. Козловским и обоснована в работах украинских (Д.Я. Телегин, Л.Л. Зализняк) и литовских (Т. Остраускас) исследователей¹⁷⁴.

На территории Беларуси памятники кудлаевской культуры стали известны в конце XIX в. (Н.В. Беляшевский, Е.Р. Романов). В 1920–1930-е гг. сведения о кудлавских местонахождениях дополняются в результате работ К.М. Поликарповича, Л. и И. Савицких, Ю. Едковского. В послевоенные годы

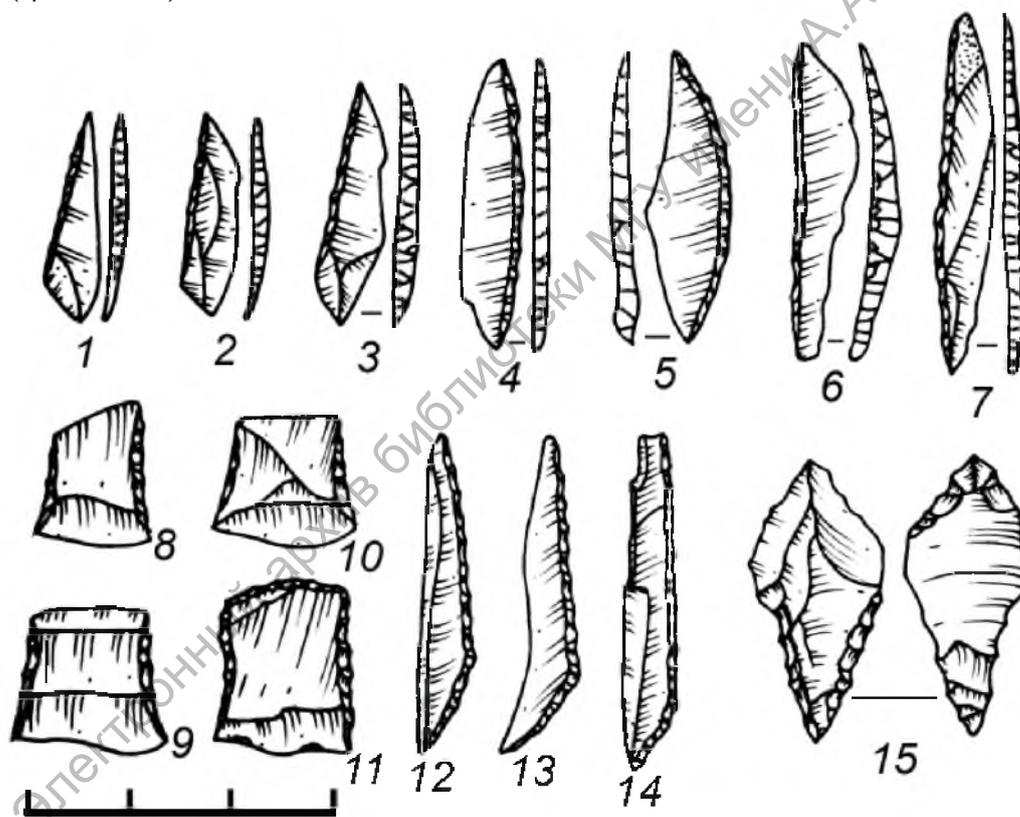
¹⁷⁴ См.: Зализняк, Л. Л. Мезоліт заходу Східної Європи / Л. Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ : Шлях, 2009. – Вип. 12. – С. 95–132.

значительное число памятников было открыто и изучено, в том числе путем раскопок, В.Ф. Исаенко, М.М. Чернявским, Е.Г. Калечиц, В.П. Ксензовым, В.Е. Кудряшовым, Н.Н. Кривальцевичем, В.С. Обуховским и др. На современном этапе систематизацией материалов по кудлаевской культуре на территории Беларуси занимается А.Н. Вашанов.

Памятники кудлаевской культуры расположены преимущественно в пределах Полесской зандровой низменности, что наложило свой отпечаток на стратегию расселения охотников и собирателей этой культуры. При выборе мест проживания кудлаевское население отдавало предпочтение песчаным всхолмлениям в пойме реки, либо останцам первой надпойменной террасы, высотой 2–5 м над меженным уровнем воды. Некоторые стоянки находятся на высоких береговых террасах.

На территории Беларуси наиболее выразительные материалы по кудлаевской культуре обнаружены в следующих пунктах: *Белая Сорока*, *Кажан-Городок*, *Липляны-3*, *Мотоль*, *Озерное-1*, *Хвощёвка* (бассейн Припяти), *Куль-1* (бассейн р. Щара, Понеманье), *Рекорд*, *Речица-2* (правобережье р. Днепр), *Белыничи-1А* (бассейн р. Друть), *Новые Терешковичи (Крыга)*, *Присно (Замостовье)* (на р. Сож), *Аврамов Бугор* (левобережье Беседи), *Залядье-1–3*, *Романовичи* (на р. Ипуть) и др.

Кудлаевская культура дает нам яркий пример развития микролитической индустрии. Изучение кремневого инвентаря культуры демонстрирует факт приспособленности ее населения к использованию сырья невысокого качества. В основе техники расщепления кремня лежал принцип одностороннего скалывания пластин и отщепов с нуклеусов одноплощадочной формы. Кудлаевские мастера были ориентированы на получение пластин и отщепов, которые скалывали с помощью каменного (кремневого) отбойника.

Кудлаевская культура. Кремневый инвентарь

1–3 – коморницкие острия; 4–5 – ланцетовидные острия; 6–7 – острия типа Ставиного-Кудлаевка; 8–11 – трапеции; 12–14 – треугольники; 15 – наконечник стрелы

В технике вторичной обработки на кудлаевских стоянках широко использовались крутое, полукрутое и плоское ретуширование заготовки, техника резцового скола, оббивка. Для большинства орудий (скребки, резцы, изделия с выемкой, топоры) заготовками служили отщепы. Специфику кудлаевской культуры определяют различные по форме и способам изготовления микролиты, изготовленные из узких, длинных и неправильной формы пластин. Среди них – острия типа Ставиного-Кудлаевка, имеющие острое окончание и край, полностью обработанный крутой ретушью, нанесенной под углом 70–90°. К кудлаевской культуре также относятся микропластины с затупленным краем, острия типа Коморница со скошенным ретушью окончанием, ланцетовидные острия, высокие и средневысокие симметричные трапеции, треугольники коморницкого типа, сегменты.

Очевидно, с кудлаевской культурой могут быть связаны находки костяных и роговых орудий, обнаруженных на озере Вечера – наконечники стрел с биконической головкой, узкие длинные наконечники с пазами для вкладышей или без них, кинжал, однорядные гарпуны, рыболовный крючок, пешни, рубящие орудия.

Хронология кудлаевской культуры базируется на типологической характеристике кремневого инвентаря, стратиграфических наблюдениях, данных спорово-пыльцового анализа и радиоуглеродных датах некоторых стоянок. В связи с этим возраст ранних памятников культуры определяется концом VIII – началом VII тыс. до н.э. Кремневый инвентарь ранних кудлаевских стоянок характеризуется отсутствием геометрических микролитов. Начиная с VII тыс. до н.э., в материалах культуры появляются трапеции и треугольники коморницкого типа. Их количество к концу существования кудлаевской культуры заметно увеличилось. Присутствие микролитов коморницкого типа (острия, треугольники) дает возможность говорить о связях кудлаевских охотников с близкородственным ей населением *коморницкой культуры*, выделенной по материалам Польши¹⁷⁵.

Стоянки этой культуры обнаружены и на территории Беларуси. Они известны в бассейнах р. Неман (*Добрынево-1*), Западного Буга (*Каменюки-2*, возможно – *Селище Малое-3*) и Припяти (*Бухлицкий Хутор*). Техника расщепления и вторичная обработка кремня имеют сходство с кудлаевской культурой. Разница заключается только в процентном соотношении микролитов отдельных типов. Например, в материалах коморницкой культуры значительную долю представляют острия и треугольники коморницкого типа при небольшом количестве кудлаевских острий. По сути, кудлаевская и коморницкая культуры – это локальные варианты единого круга культур европейского мезолита, объединенного под названием «*дювензее*».

Относительно его происхождения высказываются разные версии. Ряд исследователей генезис культурного круга дювензее связывают с аренбургской культурой финального палеолита при некотором участии традиций культуры федермессер. По мнению С. Козловского, появление кудлаевской культуры следует связывать с миграциями коморницкого населения в восточном направлении – по р. Припять в Верхнее Поднепровье и Подесенье. Отдельные ученые не исключают связь кудлаевской культуры с местными палеолитом. Высказывается мнение, что в формировании культуры свою роль могли сыграть носители восточного эпиграветта Южной и Центральной Украины, или восточноевропейского варианта культуры федермессер – памятники типа Боршево-2. Для восточного эпиграветта характерны сегментовидные острия, похожие на кудлаевские (Л.Л. Зализняк). Д.Я. Телегин происхождение кудлаевской культуры связывает с памятниками позднего палеолита типа Пушкари-7 на Покровщине.

Яниславицкая культура. Эта культура пришла на смену кудлаевскому населению, оттеснив его в позднем мезолите на восток – в деснинский бассейн. Культура выделена польским археологом С. Козловским по материалам памятников бассейна р. Висла. Название дано по месту обнаружения захоронения человека у д. Яниславица в Мазовии (Польша)¹⁷⁶. В древности ареал культуры охватывал бассейн рр. Висла, Немана, Припяти, Верхнего Днепра. Материалы, подобные яниславицким, известны в бассейне Северского Донца в юго-восточной Украине. Там они характеризуют донецкую позднемезолитическую культуру¹⁷⁷.

На территории Беларуси памятники яниславицкой культуры известны со второй половины XIX в. В разное время их изучали З. Шмит, М. Федоровский, Н.Н. Гурина, М.М. Чернявский, В.Ф. Исаенко, В.П. Ксензов, Е.Г. Калечиц, В.С. Обуховский и др. На современном этапе изучением яниславицкой культуры Белорусского Полесья, проблемы развития ее кремневого инвентаря занимается В.В. Ашейчик.

Большая часть яниславицких стоянок концентрируется на западе Беларуси – р. Неман и его левом притоке р. Щара, верховьях Припяти и Западном Буге. Наиболее выразительные коллекции находок получены на стоянках *Белица-2*, *Бериты-2 и 6*, *Личицы-2*, *Лихачи*, *Несиловичи-1*, *Черешля*, *Черлёнка* и др. (Полесье). В Побужье – стоянка *Каменюки-2*, в Припятском Полесье – поселения у дд. *Бухлицкий Хутор*, *Кончицы*, *Бобровичи*, *Мотоль*, *Мойсеевичи*, *Теребень* и др. На территории Верхнего Поднепровья яниславицкая культура представлена на стоянках *Красновка-1Б*, *Старая Лутава* (на р. Днепр), *Белынички-1А* (р. Друть), *Романовичи* (бассейн р. Ипуть).

Яниславицкие поселения обычно расположены на краю бортовой террасы или ее останцах, а также на песчаных возвышенностях среди поймы реки. Заметна топографическая приурочен-

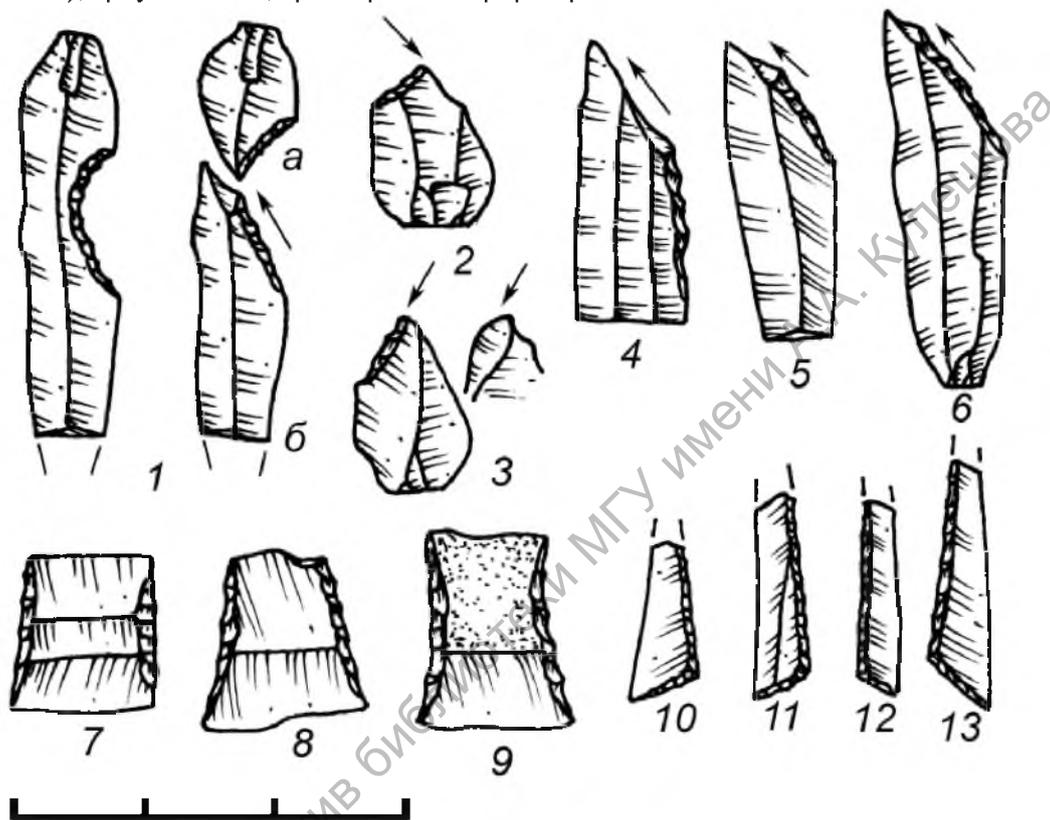
¹⁷⁵ Культура охарактеризована польским археологом С. Козловским и названа по стоянке Коморница, расположенной на левом берегу р. Западный Буг, недалеко от Варшавы.

¹⁷⁶ В исследованиях еще одного польского археолога Г. Венцковской памятники этой культуры отражают отдельный «вислянский цикл» развития мезолита Мазовии.

¹⁷⁷ Подробнее см.: *Зализняк, Л. Л.* Мезоліт заходу Східної Європи / Л. Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ : Шлях, 2009. – Вип. 12. – С. 133–177.

ность яниславицких памятников к низменным ландшафтам Полесья и Предполесья, что, в некотором роде, сближает стратегию расселения яниславицких охотников с населением кудлаевской и коморницкой культур. На отдельных стоянках (например, Белица-2) сохранились остатки очагов, обложенных камнями. Сведения о жилищах практически отсутствуют. Предполагают, что это могли быть легкие наземные, слегка углубленные в грунт, конструкции по типу шалаша (чума) размером до 15 кв. м.

Для производства орудий яниславицким населением использовались ножевидные пластины, полученные путем отжима или удара через посредник. Заготовки скалывались с одной стороны нуклеуса, имевшего одноплощадочную форму. Определяющими для яниславицкой культуры являются острия и ланцеты так называемого «яниславицкого типа» или типа Велишев (по терминологии польских ученых), треугольники, трапеции и микрорезцы.

Яниславицкая культура. Кремневый инвентарь

1 – пример техники микрорезцового скола (а – микрорезец (отход производства острия); б – острие); 2–3 – микрорезцы; 4–6 – острия яниславицкого типа; 7–9 – трапеции; 10–13 – фрагменты треугольников

Острия яниславицкого типа формировались в проксимальной части пластин, т.е. на том конце заготовки, где находится ударный бугорок. Для этого древним мастером на пластине делалась глубокая выемка, в месте которой путем нажима или слома заготовка делилась на две части. Один фрагмент пластины с плоским микрорезцовым сколом использовался в качестве острия (наконечника стрелы), другой, представлявший собой отход производства этого острия, являлся микрорезцом. Функцию наконечников стрел также могли выполнять ланцетовидные острия.

Для кремневого инвентаря яниславицкой культуры характерны треугольники из длинных и узких пластинок с затупленным краем, прямым, скошенным или вогнутым основанием, средневысокие, высокие и низкие трапеции. И треугольники, и трапеции использовались в яниславицкой культуре в качестве вкладышей для составного охотничьего оружия или орудий. Среди других орудий труда на стоянках яниславицкой культуры находят концевые скребки, скробачи, ретушные и на углу сломанной пластинчатой заготовки резцы, вкладыши из сечений пластин, изделия с выемкой, проколки, рубящие орудия.

С яниславицкой культурой связывают находки некоторых изделий из рога благородного оленя, собранных в Сморгонском карьере – топоры, мотыги, муфты, орудия остроконечной формы. Яниславицкой культуре принадлежат также многочисленные орудия с отверстиями для рукояток из рога. Одно из них интерпретируется как «жезл шамана». Поверхность предмета украшена нарезками, прочерченными линиями, образующими композиции из зигзагов, точечными углублениями.

В материалах яниславицкой культуры известны места захоронений человека, обнаруженных на территории Польши (*Яниславица, Гижицко-Перкуново*). Могилы устраивали в ямах, умерших хоронили по обряду вытянутого труположения или сидя. Погребальный инвентарь представлен находками орудий труда, оружия из кремня и кости, украшениями в виде подвесок из зубов благородного оленя, лося, тура, клыков дикого кабана, т.е. тех животных, которые были основными объектами охоты яниславицкого населения. При совершении погребального ритуала отдельные могилы специально посыпали гематитом, придавшим захоронениям красный цвет.

Хронологические рамки яниславицкой культуры укладываются в пределах позднего мезолита (рубеж VII–VI – начало IV тыс. до н.э.), что соответствует первой половине – середине атлантического периода. По данным радиоуглеродного анализа находок некоторых памятников Польши, Литвы и Украины, возраст яниславицкой культуры определяется от 7500 до 5700 лет назад.

Происхождение яниславицкой культуры связывается с кругом культур *маглемозе* и, в частности, культурой *свадборг* (Р.К. Римантене, С.К. Козловски, Б. Гинтер, Л.Л. Зализняк). По мнению специалистов, яниславицкая культура возникла в результате миграций маглемозского населения из Западной Балтии в Полесье. Отдельные исследователи (Д.Ю. Нужный) не исключают также возможность участия южных культур степей Украины и горного Крыма в генезисе яниславицких древностей. Вместе с тем за яниславицкой культурой признается роль в формировании неолита Припятского Полесья и Понеманья¹⁷⁸, нашедшего свое выражение в материалах припятско-неманской культуры.

Нарочанский тип памятников (нарочанская культура). В отдельный культурный тип – нарочанский – памятники мезолита верховьев р. Вилия и Нарочанских озер были объединены В.П. Ксензовым в 1990-е гг.¹⁷⁹ Этот тип памятников характеризовали материалы трех стоянок – *Струголапы-1, Кусевщина* и *Сосенка-3*. Их локальное своеобразие первоначально рассматривалось как результат взаимодействия населения двух мезолитических культур – коморницкой (по находкам ланцетовидных острий, острий коморницкого типа) и кундской (черешковые наконечники стрел на пластинах). Сами памятники датировались в пределах VII–V тыс. до н.э. При этом стоянка Струголапы-1 относилась к раннему мезолиту. Позднемезолитический этап был отражен в материалах стоянок Кусевщина и Сосенка-3. Хронология памятников нарочанского типа строилась на понятии о распространении отдельных типов орудий труда и их процентном соотношении. Ранний этап характеризовался распространением черешковых наконечников стрел из пластин, доминированием резцов над скребками. В коллекциях стоянок позднего этапа присутствовали геометрические микролиты, ланцетовидные острия, скребки преобладали над резцами.

В 2000-е гг. В.С. Обуховский провел ревизию материалов нарочанских стоянок. В итоге он предложил свой взгляд на культурную атрибуцию памятников, объединенных им в рамках понятия «нарочанская культура»¹⁸⁰. Был выделен ряд признаков в технике первичной и вторичной обработки кремня, определяющих облик культуры. Кроме этого, к нарочанской культуре были отнесены некоторые находки из кости и рога Сморгонского карьера.

По мнению В.С. Обуховского, кремневая индустрия нарочанской культуры основана на использовании регулярных пластин, полученных в технике отжима или удара с нуклеусов призматической или конической формы. Среди орудий типичными для памятников нарочанской культуры являются находки концевых скребков на пластинах, скребачей, резцов на сломе пластинчатой заготовки, рубящих орудий. Специфику культуры определяют черешковые наконечники стрел кундского типа, яниславицкие острия, средневысокие, низкие и ассиметричные трапеции, ромбы, пластины со скошенным ретушью концом, пластины с затупленным краем.

Такое сочетание находок позволило В.С. Обуховскому сделать вывод о формировании нарочанской культуры в результате контактов населения кундской и яниславицкой культур. Сама культура развивалась на протяжении первой половины атлантического периода и датировалась поздним мезолитом. В конечном итоге ее население было ассимилировано пришедшей в Нарочанский край нарвской неолитической культурой. Л.Л. Зализняк стоянки Кусевщина и Сосенка-3 относит к одной из поздних локальных групп яниславицкой культуры, получивших название «памятники типа Кусевщина».

Понятие о «сожской», «днепро-деснинской» и «неманской» мезолитических культурах. Еще недавно в мезолите Беларуси выделяли сожскую (В.Ф. Копытин), днепро-деснинскую (В.П. Ксензов) и неманскую (Р.К. Римантене) мезолитические культуры. Считалось, что эти культуры

¹⁷⁸ На основании этого польские ученые выделяют керамическую фазу в развитии яниславицкой культуры.

¹⁷⁹ Ксяндзоў, У. П. Помнікі нарочанскага тыпу / У. П. Ксяндзоў, М. М. Чарняўскі // Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1999–2001. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі [і інш.]. – 1997. – С. 81–87.

¹⁸⁰ Обуховский, В. Поздний мезолит бассейна верхней Вилии / В. Обуховский // Acta Archeologica Albaruthenica / уклад. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2010. – Vol. VI. – С. 9–21.

возникли в результате контактов первобытного населения, заимствовавшего друг у друга отдельные элементы в технике первичной обработки кремня, изготовлении орудий труда. Дадим краткую характеристику этим культурам.

«Сожская» культура. В ареал этой культуры, выделенной В.Ф. Копытиным в 1970-е гг., были включены стоянки бассейнов Сожа (*Горки, Журавель, Клины-2, Присно*), Днепра (*Береговая Слобода, Нераж (Рдица), Новый Быхов*), Березины (*Городок, Василевичи, Михайловка*) и Беседи (*Аврамов Бугор, Бабулин Бугор*)¹⁸¹. По мнению В.Ф. Копытина, «сожская» культура представляла собой явление позднего мезолита (VI–V тыс. до н.э.), возникшее в результате взаимодействия населения двух предшествовавших культур – гренской и свидерской. Гренские черты прослеживались в технике расщепления кремня и распространении отдельных типов орудий труда. В качестве заготовки для производства орудий население «сожской» культуры использовало отщеп, что также являлось примером влияния гренских традиций. От свидерской культуры, как считал В.Ф. Копытин, «сожское» население заимствовало наконечники стрел из пластин, сохраняющие плоскую подтеску черешка со стороны брюшка.

«Днепро-деснинская» культура. Эта культурная единица была выделена В.П. Ксензовым в конце 1980-х гг.¹⁸² Ареал «днепро-деснинской» культуры, по представлениям ученого, охватывал Верхнее Поднепровье, среднее и нижнее течение Припяти (в пределах Восточного Полесья), Среднее Подесенье. Первоначально в развитии культуры В.П. Ксензов выделил три этапа. В более поздних работах автор предложил двухчленную периодизацию памятников (первых два этапа были объединены в один). В первую и наиболее раннюю группу были включены памятники *Смячка-14А, 14Б, 14Г, Бор, Балка, Залесье, Раска* (на Десне), *Баркалабово, Королёва Слобода, Шихов* (на Днепре), *Латки* (на Соже), *Чижиха* (на Березине). Этот этап В.П. Ксензовым датировался ранним мезолитом (10300–8000 лет назад).

Вторую хронологическую группу «днепро-деснинской» культуры представляли стоянки *Береговая Слобода, Нераж (Рдица), Новый Быхов*, (на р. Днепр), *Городище-2, Красновка-1А, Михайловка* (на р. Березина), *Горки, Клины-2* (на р. Сож), *Аврамов Бугор, Бабулин Бугор* (на р. Беседь), *Загорини, Дорошевичи, Лясковичи, Рожава* в Припятском Полесье. Памятники датировались поздним мезолитом (8000–7000 лет назад).

Различие между памятниками раннего и позднего этапов «днепро-деснинской» культуры, по мнению В.П. Ксензова, основывалось на присутствии в коллекциях поздней группы стоянок постсвидерских форм наконечников стрел, простых черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой. Кроме этого, в поздних комплексах «днепро-деснинской» культуры широко были распространены вкладышевые орудия, ланцетовидные острия, пластины с затупленным краем и трапеции.

По мнению В. Ксензова, основным типом-заготовкой для орудий труда «днепро-деснинской» культуры была пластина, что являлось примером влияния свидерских традиций. Пластинчатость особенно подчеркивалась для памятников бассейна р. Березина. И только на стоянках Посожья, как отмечал исследователь, в качестве заготовки широко использовался отщеп. Это стало основанием для выделения в «днепро-деснинской» культуре двух локальных групп: «западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Сожа и Днепра)»¹⁸³.

«Днепро-деснинская» культура относилась к числу постсвидерских культур, но, по версии В.П. Ксензова, она представляла собой синтез традиций целого ряда культурных явлений финального палеолита и мезолита – собственно самой свидерской культуры и культуры лингби. На поздних этапах «днепро-деснинцы» взаимодействовали с населением кудлаевской и яниславицкой культур.

Влияние свидерской культуры обосновывалось находками иволлистных и черешковых наконечников стрел, концевых скребков, срединных и ретушных резцов на пластинах, топорики с перехватом. Свидерские традиции также проявлялись в технике расщепления кремня, основанной на скалывании пластин с двухплощадочных нуклеусов. Примером очевидного влияния лингбийской культуры на «днепро-деснинскую» являлось распространение черешковых и ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой (гренский тип). Судьбы населения «днепро-деснинской» культуры В.П. Ксензов связывал с верхнеднепровской культурой эпохи неолита.

¹⁸¹ Подробнее см.: *Капыцін, В. Ф.* Сожская культура / В. Ф. Капыцін, А. Г. Калечыц // Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1997, 1999–2001. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э.М. Зайкоўскі [і інш.]. – 1997. – С. 55–67.

¹⁸² *Ксензов, В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.; *Ксензов, В. П.* Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 158 с.

¹⁸³ *Ксензов, В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – С. 100.

«Неманская» культура. Культура была выделена Р.К. Римантене в 1970-е гг. по материалам стоянок Литвы, Западной и Северной Беларуси и Северо-Восточной Польши. Территориально охватывала бассейны рр. Неман и Западная Двина, верховья Припяти и входила в зону распространения микро-макролитической культуры (под таким названием древности «неманской» культуры фигурировали в работах Р.К. Римантене)¹⁸⁴.

На территории Беларуси к «неманской» культуре были отнесены исследованные Н.Н. Гуриной и М.М. Чернявским стоянки – *Белица-1, Збляны-2, Несиловичи-6, Свитязь* (Понеманье), *Крумплево* и *Семенов Хутор* на р. Западная Двина. Сама «неманская» культура характеризовалась многочисленными находками из кремня, отдельными орудиями из кости и рога.

Для производства орудий труда «неманским» населением использовались ножевидные пластины, снятые с одноплощадочных нуклеусов конической и призматической формы. Кремневый инвентарь включал практически все известные в эпоху мезолита типы орудий – концевые, двойные и округлые скребки, срединные, угловые и ретушные резцы, изделия с выемкой, ножи, топоры и тесла. Орудия дополнялись находками многочисленных микролитов – пластинками с притупленным ретушью краем и концом, вкладышами из сечений пластин, средневысокими, высокими и низкими трапециями. Своеобразие каменного инвентаря «неманской» культуры определяли черешковые наконечники стрел свидерского и аренбургского типов, яниславицкие острия и треугольники.

На основании этого делался вывод, что в конце мезолитической эпохи «неманская» культура сформировалась в результате контактов населения нескольких, предшествовавших ей по времени, культур – свидерской, аренбургской и яниславицкой. Не исключалась роль кундской культуры в генезисе «неманских» древностей, о чем свидетельствовали находки отдельных костяных и роговых орудий кундского типа – наконечники стрел игловидной формы с пазами для крепления вкладышей, наконечники с коническим окончанием, однорядные гарпуны, кинжалы, пешни и т.д. Считалось, что население синтезной «неманской» мезолитической культуры приняло участие в формировании местного неолита, в частности, являлась субстратом неманской и нарвской неолитических культур.

Обсуждение материалов. Итак, каждая локальная культура – «сожская», «днепро-деснинская», «неманская» – демонстрировала очевидный поликультурный синтез традиций, возникший в результате контактов первобытного населения. Совместное присутствие в коллекциях памятников находок нескольких мезолитических культур делало очевидным существование таких контактов, взаимовлияние (*аккультурацию*) традиций в обработке кремня и заимствовании отдельных типов орудий труда. Поэтому не случайно «сожская» культура демонстрировала очевидную связь традиций населения свидерской и гренской культур, «днепро-деснинская» – свидерской и лингбийской культур, «неманская» – свидерской, аренбургской, яниславицкой и кундской культур, памятники нарочанского типа – коморницкой и кундской культур, нарочанская культура – кундской и яниславицкой культур.

В начале 1990-х гг. в изучении этих локальных культур обозначился круг проблем, связанный с культурно-хронологической интерпретацией материалов исследованных стоянок, вопросами взаимодействия первобытного населения. Так, В.Ф. Копытин считал ошибочным включение деснинских материалов в состав «днепро-деснинской» культуры, т.к. они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья. Такого же мнения придерживалась и Е.Г. Калечиц. Она подвергала сомнению возможность объединения в рамках «днепро-деснинской» культуры различных «в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей»¹⁸⁵. В свою очередь, отсутствие в Посожье памятников свидерской культуры и малочисленность там гренских стоянок позволили В.П. Ксензову поставить под сомнение генезис «сожской» культуры на базе слияния гренских и свидерских традиций.

По мнению Л.Л. Зализняка, «сожская» или «днепро-деснинская» культуры не являются уникальными явлениями для мезолита Верхнего Поднепровья. Памятники этих культур являются либо свидерскими, либо гренскими. В этой связи Л.Л. Зализняк эталонную для «сожской» культуры стоянку Горки причислил к памятникам свидерской культуры.

Нестыковки в интерпретации материалов локальных мезолитических культур отчетливо проявились в начале 2000-х гг., когда российский исследователь А.Н. Сорокин обратил внимание на проблему самого источника для мезолита Восточной Европы¹⁸⁶. Характеризуя материалы мезолитических памятников Жиздринского Полесья, А.Н. Сорокин предложил собственное видение культурной

¹⁸⁴ См.: Римантене, Р. К. Палеолит и мезолит Литвы / Р. К. Римантене. – Вильнюс: Минтис, 1971. – С. 125–152; *Мезолит СССР* / Л. В. Кольцов [и др.] // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. / под ред. Б. А. Рыбакова. – Москва: Наука, 1989. – С. 55–57.

¹⁸⁵ Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск: Эксперспектива, 2003. – С. 71.

¹⁸⁶ Рекомендую обратить внимание на следующие работы: Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithic Problems / А. Н. Сорокин. – Москва: Гриф и К, 2006. – 216 с.; Сорокин, А. Н. На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Трусов. – Москва: Гриф и К, 2009. – 387 с.

ситуации в мезолите Белорусского Поднепровья¹⁸⁷. В зависимости от состава коллекций, источниковедческой надежности материалов (а речь шла о «чистых» и смешанных комплексах) было выделено четыре группы памятников. Первые две группы стоянок характеризовались А.Н. Сорокиным как «сравнительно «чистые», без инокультурной примеси» памятники. Одна из них объединяла стоянки свидерской традиции (Барколабово, Дальнее Лядо, Журавель, Лудчицы, Яново), вторая группа памятников была представлена стоянками «типа Боровка».

Следующие две группы стоянок демонстрировали смешанный состав коллекций. Это стоянки Гренск, Коромка, Печенеж (отнесены А.Н. Сорокиным к третьей группе памятников, сочетавших в себе аренбургские и свидерские черты), а также стоянки Замошье-2, Красновка-1, Латки, которые «не похожи на материалы свидерской, днепро-деснинской и гренской культур»¹⁸⁸. В итоге А.Н. Сорокин пришел к очень интересным выводам: во-первых, финальный палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья соответствует общеевропейской схеме развития культур, а, во вторых, «так называемые «синкретические культуры» (сюда была отнесена «днепро-деснинская» культура – прим. А.К.) есть не что иное, как результат источниковедческой ненадежности материалов»¹⁸⁹.

Таким образом, взгляд А.Н. Сорокина, шел вразрез с устоявшимися мнениями, требовал проведения процедуры анализа источников с точки зрения их пригодности (надежности) для решения проблемы происхождения локальных мезолитических культур.

На современном этапе сравнительное изучение материалов «сожской» и «днепро-деснинской» культур (А.В. Колосов)¹⁹⁰, анализ коллекций стоянок «неманской» культуры (Т. Остраускас, В.С. Обуховский) показали отсутствие надежных источников, позволяющих рассматривать генезис этих локальных культур как результат контактов мезолитического населения. Установлено, что коллекции «сожских», «днепро-деснинских» и «неманских» стоянок механически смешаны, содержат материалы разных культур, население которых неоднократно посещало одни и те же удобные для заселения места. Возможно, к этому списку следует добавить и нарочанскую культуру.

Идея обоснования отдельной локальной культуры («сожской», «днепро-деснинской», «неманской»), основанная на объединении находок разных культур в единый комплекс, оказалась ошибочной. На примере этих культур мы имеем дело только с понятием о простом заимствовании готовых форм орудий (в первую очередь, наконечников стрел, острий), но выполненных в абсолютно разных технологических (культурных) традициях: либо свидерских, либо гренских, либо лингбийских и т.д. Данные археологии по финальному палеолиту и мезолиту Беларуси пока не дают и, вероятно, не дадут окончательного ответа на вопрос об условиях, характере и механизмах культурного взаимодействия в древности.

Основные выводы по темам главы «Мезолит Беларуси». Во-первых, благодаря многолетнему изучению мезолитических памятников на территории Беларуси появилась возможность говорить о мезолите как отдельной исторической эпохе, детализировать вопросы хронологии и происхождения отдельных мезолитических культур.

Во-вторых, развитие культуры мезолитического человека приходится на период раннего голоцена (10–6 тыс. лет назад), связанный с потеплением и увлажнением климата после окончания последней ледниковой эпохи, распространением лесной флоры и фауны. В этих условиях происходит расцвет присваивающих форм хозяйства, основу которого составляли охота, собирательство и рыболовство. Совершенствуется техника обработки камня, охотничье вооружение, распространяется вкладышевая техника.

В-третьих, современное состояние источников демонстрирует картину сложного и многообразного процесса освоения территории Беларуси населением разных мезолитических культур – песчноровской, кундской, бутовской (задне-пилевской), кудлаевской, яниславицкой и нарочанской. Генезис этих культур рассматривается как результат миграций мезолитического населения, эволюции традиций культур предшествующего времени, пример контактов первобытных охотников-собирателей-рыболовов (нарочанская культура). Население эпохи мезолита приняло участие в сложении неолитических культур на территории Беларуси.

¹⁸⁷ Сорокин, А. Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А. Н. Сорокин. – Москва : Наука, 2002. – 251 с.

¹⁸⁸ Там же, с. 125.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ См.: Колосов, А. В. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры / А. В. Колосов // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – № 4. – Магілёў: УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2005. – С. 8–14; Колосов, А. В. К вопросу о локальных культурах «свидерских традиций» в мезолите Восточной Беларуси / А. В. Колосов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 23–28.

В-четвертых, в развитии мезолита Беларуси можно выделить два этапа – ранний и поздний. Ранний этап (10000–8000 лет назад) по времени совпадает с пребореалом – бореальным периодом. На территории постледниковой Европы, в том числе и Беларуси, еще некоторое время обитали группы кочевых охотников, следующих за северным оленем. Распространение лесов, появление видового разнообразия фауны, представленной лосем, благородным оленем, диким кабаном, медведем, пернатыми, стимулировало развитие охотничьего вооружения. Основу его составляли лук и стрелы, наконечники которых изготавливали в традициях определенной мезолитической культуры. Наряду с наконечниками на стоянках эпохи мезолита распространяются вкладышевые орудия. В качестве вкладыша использовали обыкновенную пластину, которую делили на несколько частей и крепили в роговую основу с помощью клеящего вещества.

В начале бореального времени в каменных индустриях мезолитических стоянок распространяются вкладыши правильной геометрической формы в виде трапеций, треугольников, прямоугольников, сегментов. В дальнейшем число геометрических микролитов постоянно увеличивалось и к концу мезолита вкладышевая техника достигает своего расцвета. Широкое распространение микролитов, совершенствование техники обработки камня является основой для выделения в мезолите Беларуси позднего этапа (8000–6000 лет назад), который синхронизируется с климатическим оптимумом в начале атлантического времени.

Финал эпохи мезолита на территории Европы совпал с кризисом охотничьего хозяйства, вызванным сокращением поголовья промысловых животных, увеличением численности оседлого мезолитического населения. В результате в лесной полосе отмечается переход к рыболовству, ставшему одним из основных видов промысла на протяжении следующей неолитической эпохи. Фиксируются и первые зачатки производящего хозяйства – примитивные формы скотоводства (судя по находкам пыльцы сорных растений на стоянках, свидетельствующих об устройстве специальных загонов для скота) и земледелия. В V–IV тыс. до н.э. сообщества лесных охотников-собирателей-рыболовов испытывали сильное воздействие со стороны неолитических племен Центральной Европы. Итогом этих влияний стало распространение керамической посуды. Ее появление в культурах лесной полосы Восточной Европы ознаменовало начало новой и заключительной эпохи каменного века – неолита.

ГЛАВА 4

НЕОЛИТ БЕЛАРУСИ

Неолит (новый каменный век) – следующая за мезолитом эпоха, завершающая в целом каменный век. Она характеризуется важными достижениями в развитии материальной и духовной культуры человечества. В ней отражены те качественные изменения в развитии общества и хозяйства, произошедшие накануне открытия металлургии, становления городов и цивилизаций, первых государственных образований, письменности.

Еще в 1865 г., с момента введения термина «неолит» в научный оборот, английским ученым Дж. Леббоком для этого периода была отмечена важная особенность в технике обработки каменных орудий – появление полировки и шлифования. По мере накопления источников стало очевидным, что находки полированных орудий не являются характерным признаком неолитической эпохи. Обработка поверхности изделий абразивами была известна до этого в культурах мезолита и даже позднего палеолита. Поэтому в 1930-е гг. еще один английский ученый Г. Чайлд высказал мысль о коренных изменениях в образе жизни населения каменного века в рамках предложенного им понятия «неолитическая революция». «Революционность» событий, по мнению Г. Чайлда, была связана с переходом от присваивающих форм хозяйства – охоты, собирательства и рыболовства, к производящим, в основе которых лежало земледелие и скотоводство. Это привело к изобретению керамической посуды, совершенствованию техники обработки орудий труда, расширило возможности обмена, способствовало улучшению демографической ситуации, изменению структуры общества.

Однако понятие «неолитическая революция» оказалось условным. Процесс перехода к производящему хозяйству в разных уголках древней ойкумены протекал неравномерно. Например, в Передней Азии земледельцы и скотоводы изначально не знали керамической посуды. На этой территории культуры производящего хозяйства относят к «докерамическому» неолиту. В то же время на севере Европы раньше всего появляется именно керамика, совершенствуется орудийная деятельность, однако племена продолжали заниматься традиционными формами хозяйства – охотой, собирательством и рыболовством. Кроме этого, признаки доместикации отдельных видов животных (например, собака) отмечаются еще в палеолите.

Естественно, территорию Беларуси нельзя рассматривать как некий очаг или центр производящей экономики. Появление земледелия и скотоводства происходило здесь под влиянием культурных импульсов извне. И именно это «вне» было тесно связано с теми культурами, истоки которых уходят в древнейшие центры производящего хозяйства, расположенные в Передней Азии, Юго-Восточной и Центральной Европе.

Данные археологии и палеогеографии свидетельствуют, что уже в X–VIII тыс. до н. э. в Передней Азии сложились предпосылки для возникновения земледелия и скотоводства. Около 12–10 тыс. лет назад на территории Палестины, Сирии, Южной Анатолии, горах Загроса – в долине так называемого «плодородного полумесяца» – сложились благоприятные условия для регулярного сбора диких злаков (пшеницы и ячменя), охоты на коз и овец. На поселениях древнейшей здесь *натуфийской* мезолитической культуры встречаются первые примитивные серпы и жатвенные ножи из вкладышей, каменные ступки и зернотерки для дробления зерен, охотничье оружие.

Окончание последней ледниковой эпохи стало временем серьезных испытаний для охотников и собирателей Ближнего Востока. Распространение крайне теплого и засушливого климата обусловило причины появления новых способов получения продуктов питания, основанных на земледелии и скотоводстве. Именно здесь в VIII–VII тыс. до н.э. складываются древнейшие центры производящего хозяйства, связанные с началом возделывания пшеницы, ячменя, ржи, винограда, алычи, черешни, дыни, граната, грецкого ореха; одомашнивания овец, коз, крупного рогатого скота, свиньи, ослов, кошки. В материалах раннеземледельческих поселений (*Иерихон, Хаджилар, Чатал-Гююк, Джармо*) обнаружены остатки глинобитных домов, многочисленные находки земледельческих орудий (серпы, мотыги), зерна окультуренных растений, кости домашних животных. Появление земледелия и скотоводства, а затем керамической посуды сделало человека менее зависимым от источников пищи, которые ранее можно было получить от природы в готовом виде.

Улучшение качества продуктов питания привело к увеличению численности населения на нашей планете, возросшего по сравнению с мезолитом в 50–75 раз. Демографический взрыв активизировал миграции земледельческо-скотоводческого населения Ближнего Востока. Часть населения, проживавшего на юге Анатолии, в VIII–VII тыс. до н.э. начала осваивать Западное и Восточное Средиземноморье, Балканский, Апеннинский и Пиренейский п-ова, северное побережье Африки. Распространение производящего хозяйства на этой территории фиксируют памятники *прибрежной*

культуры (Португалия, Испания, юг Франции), культуры керамики импрессо (Западное Средиземноморье), культуры сескло в Греции. Основу хозяйства этих культур составляло выращивание злаков. Здесь также начали культивировать маслины и некоторые овощные культуры – капусту, свеклу, репу, морковь, петрушку, чеснок, лук.

В VI тыс. до н.э. земледельцы осваивают практически всю территорию Юго-Восточной Европы. В пределах Среднего и Нижнего Подунавья формируются культуры *криш* (Румыния и Молдавия), *старчево* (Югославия) *караново* (Болгария), *кёреш* (Венгрия), на территории правобережной Украины – *буго-днестровская культура*. Дальнейшее расширение ойкумены земледельцев связывают с культурой *линейно-ленточной керамики*, население которой в VI – начале IV тыс. до н.э. оказало влияние на целый ряд культур Центральной и Восточной Европы, известных, в том числе и на территории Беларуси.

Начало эпохи неолита на территории Беларуси. Теперь попробуем разобраться: насколько критерии, отвечающие понятию «неолит» и «неолитическая революция» соответствуют материалам, полученным на территории нашей страны? Начнем с вопроса о *хозяйственном освоении* территории Беларуси в эпоху неолита. Важным условием развития хозяйства первобытного населения, в каких бы формах оно не проявлялось (присваивающих или производящих), является оптимальная природно-климатическая обстановка. На территории Беларуси неолит приходится на две последних фазы атлантического периода – *атлантик-2* (6600–6000 лет назад) и *атлантик-3* (6000–5000 лет назад) и начало *суббореального периода* (*суббореал-1* – 5000–4200 лет назад).

Климат атлантического периода оставался теплым и влажным. Территорию нашей страны покрывали широколиственные леса, в составе которых были дуб, вяз, ольха и граб. Однако в конце атлантического периода и начале суббореала происходит похолодание, сокращаются широколиственные леса. На смену им приходят смешанные и сосново-березовые леса с примесью бука и граба на юге страны и ели на севере. Температура воздуха понизилась на 0,5–2° по сравнению с современной, но осадков выпало больше, чем теперь на 25–50 мм.

На фоне таких колебаний климата менялся уровень воды в реках и озерах. В начале атлантического периода, когда на территории Беларуси проживали группы охотников и собирателей позднего мезолита, уровень воды был низким. Но в середине периода (*атлантик-2*) и в начале суббореала в реках и озерах происходит резкий подъем воды. Получается, что многие неолитические поселения, расположенные на низких берегах, впоследствии оказались затопленными.

Таким образом, культура неолита на территории Беларуси изначально формировалась в условиях благоприятного климата. После окончания ледниковой эпохи территория Беларуси уже несколько столетий была покрыта лесами. В начале неолита здесь существовали удобные для заселения ландшафты с высокой биологической продуктивностью, которую обеспечивала фауна лесов, рек и озер.

Большая часть неолитических поселений, обнаруженных на территории Беларуси, приурочена к водоемам – берегам рек, озер и затоков, т.е. там, где можно было получать и использовать природные (биологические) ресурсы в готовом виде. Поэтому основными занятиями неолитического населения лесов по-прежнему оставались охота, собирательство и особенно рыболовство, которое с этого времени стало занимать не последнее место в жизни первобытного населения.

О присваивающем характере экономики неолитических племен свидетельствуют находки орудий труда и охотничьего оружия из кремня (камня), кости и рога, рыболовных снастей, продуктов собирательства, остеологический материал. Состав фауны, присутствующей на некоторых стоянках неолита Беларуси, демонстрирует видовое многообразие – благородный олень, косуля, дикий кабан, лось, тур, бобр, медведь, волк, куница, белка, летучая мышь. Есть находки костей птиц – серый гусь, кряква, лебедь, гоголь, глухарь, большая поганка, серый журавль. Ихтиофауна представлена щукой, окунем, карасем и карпом. На юге Беларуси известны примеры добычи болотной черепахи. Рацион питания неолитического населения дополняли продукты собирательства – зерна и корневища растений, лесные и водяные орехи, ягоды, грибы.

Вместе с тем на территории Беларуси отмечают признаки появления производящего хозяйства, причем уже в ранний период эпохи неолита¹⁹¹. Они обнаружены благодаря палеоботаническому изучению пыльцы (зерен) культурных и сорных растений, данным по костным останкам домашних животных. Наиболее ранние свидетельства антропогенного воздействия на растительный и почвенный покров фиксируются по пыльце окультуренных злаков (пшеница, ячмень, конопля)

¹⁹¹ Рекомендую обратить внимание на статьи: *Зерницкая, В. П.* Признаки хозяйственной деятельности человека в пыльцевых спектрах голоцена Беларуси / В. П. Зерницкая, Г. И. Симакова, И. Д. Павлова // Гістарычна-археалагічны зборнік : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – Вып. 16. – С. 5–19; *Калечыц, А. Г.* Пераход да вытворчай гаспадаркі на тэрыторыі Беларусі (шляхі і час) / А. Г. Калечыц // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w Miedzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr. *Archaeologia Bimaris* / red. J. Czebreszuk, M. Kryvaltsvič, P. Makarowicz. – Poznań, 2001. – Т. 2. – С. 29–42; *Симакова, Г. И.* К проблеме появления раннего земледелия и животноводства на территории Беларуси / Г.И. Симакова, С. А. Ракович // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 18. – С. 314–323.

и сорных растений – гречиха, горец, верблюдка и др., обнаруженных на юго-западе Белорусского Полесья. Возраст образцов соответствует 7 тыс. лет назад.

Появление земледелия в южных районах Беларуси является результатом влияния земледельческо-скотоводческих племен, проживавших на сопредельных территориях – культуры линейно-ленточной керамики, культуры воронковидных кубков. Их население было потомком земледельцев и скотоводов, пришедших из балкано-дунайского региона. Они умели возделывать пшеницу однозернянку и двузернянку, ячмень, просо, горох; разводили овец, коз, крупный рогатый скот и свиней.

В VI–V тыс. до н.э. население культуры линейно-ленточной керамики начало осваивать плодородные лессовые почвы средней полосы Европы. Оказавшись в зоне широколиственных лесов, они перешли к подсечно-огневому земледелию, при котором определенная часть лесного массива предварительно освобождалась от деревьев и кустарников, а затем сжигалась, освобождая, таким образом, место для будущих посевов. При такой форме земледелия можно было получать высокие урожаи в течение нескольких лет. По мере истощения почвы и ухудшения ее плодородных качеств эти участки забрасывались и земледельцы переходили к разработке новых участков.

Такая форма ведения хозяйства способствовала процессу распространения земледельческой культуры в зоне лесов и к середине V – началу IV тыс. до н.э. она достигает территории Люблинского и Волынского Полесья. К этому времени зафиксировано появление пыльцы злаков на юго-западе Беларуси. Как отмечал В.Ф. Исаенко, «культурная диффузия со стороны племен, уже занимавшихся земледелием и скотоводством, происходила вдоль рек – древнейших путей обмена – «кремневых», «пушных», «янтарных», которые пересекали Полесье во всех направлениях и связывали его с племенами Прибалтики, Поднепровья и Южного Буга»¹⁹².

Как быстро шло распространение производящего хозяйства на территории Беларуси и какая из земледельческих культур могла оказать влияние на этот процесс – эти вопросы остаются открытыми. В условиях леса производящие формы хозяйства, особенно такие, как земледелие, требовали от первобытного населения значительных физических затрат и наличие устойчивой социальной организации. Однако уже около 6600–6000 лет назад навыки ведения земледельческого хозяйства достигают центральных районов Беларуси. В частности, пыльца пшеницы обнаружена в культурном слое стоянки нарвской культуры Заценье.

К концу атлантического и началу суббореального периодов, т.е. к позднему неолиту, количество пыльцы культурных злаков в палинологических спектрах возрастает. Очевидно, распространение производящего хозяйства было связано с появлением на территории Беларуси в III тыс. до н.э. скотоводческо-земледельческого населения культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики. Кроме южных и западных районов, пыльца пшеницы фиксируется на севере страны. Присутствие в отложениях частиц угля, пыльцы кустарниковых растений позволяет судить об использовании огня для расчистки мест под посевы, увеличении разреженных участков, свободных от лесной растительности.

В середине – конце атлантического периода палинологи отмечают присутствие пыльцы пастбищных растений (подорожник, щавель, одуванчик), что свидетельствует о распространении среди неолитических племен скотоводства. О развитии этой формы хозяйства говорят также находки костей домашних животных на некоторых стоянках Припятского Полесья, Поднепровья и Подвинья. Домашнее стадо состояло из коз, овец, крупного рогатого скота, свиньи и лошади¹⁹³.

Таким образом, только к концу неолита на территории Беларуси отчетливо обозначаются признаки производящего хозяйства. Косвенно этот факт подтверждают и данные археологии – широкое распространение на поздненеолитических стоянках рубящих орудий, появление серпов и серповидных ножей, мотыг, зернотерок. Но, несмотря на это, основу жизни местных неолитических племен все же составляли присваивающие формы хозяйства.

При высокой емкости биологических ресурсов лесной зоны, продукты питания, полученные путем охоты, рыболовства и собирательства, делали эти занятия вполне рентабельными для обитателей леса. Примером последнего может свидетельствовать тот факт, что на ряде стоянок эпохи неолита Беларуси присутствует от 4 до 25% костей домашних животных¹⁹⁴. Кроме этого, для жителей лесов эпохи неолита отдельные виды диких животных являлись еще и объектом поклонения, присутствующим среди изображений на керамической посуде, в костяной и кремневой скульптуре. В образе водоплавающей птицы, например, были отражены космогонические представления человека о происхождении Вселенной, связи между миром земным и небесным.

¹⁹² Исаенко, В. Ф. Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко. – Минск : Наука и техника, 1976. – С. 122.

¹⁹³ Подробнее см.: Разлуцкая, А. А. Новые данные по охоте и животноводству из раскопок Кривинского торфяника / А. А. Разлуцкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 18. – С. 299–313.

¹⁹⁴ Разлуцкая, А. А. Новые данные по охоте и животноводству из раскопок Кривинского торфяника / А. А. Разлуцкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 18. – С. 299–313.

Генезис неолита на территории Беларуси связывается с культурами мезолитической эпохи. На стоянках раннего неолита присутствуют практически все типы орудий, известные в предшествующее время. В качестве критерия «мезолитоидности» ранне-неолитической индустрии используют широкое употребление пластинчатых заготовок для изготовления орудий труда, присутствие черешковых наконечников стрел из пластин, острий ланцетовидной формы, геометрических микролитов – трапеций, треугольников и т.д. Единственное, что отличает коллекции стоянок раннего неолита – присутствие *керамической посуды*¹⁹⁵. Именно с находками керамики связывают начало неолитической эпохи на территории Беларуси.

Вообще керамика является одним из гениальных изобретений человечества. Это первое искусственное вещество, использование которого позволило воплотить мир идей в живую реальность, традиции – в историческую память... В переводе с греческого «*керAMOS*» означает «*глина*». Наиболее древнейшие образцы керамической посуды, сделанной от руки, сегодня обнаружены в культурах Сибири и Дальнего Востока. Их возраст оценивается около 12–11 тыс. лет назад.

В Восточной Европе начало использования глиняной посуды относятся к VI тыс. до н.э. В это время она встречается в культурах от Нижнего Подонья и Приазовья на юге Восточной Европы вплоть до верховьев Волги и Валдайской возвышенности на севере. На территории Беларуси начало использования керамической посуды относится к середине – концу V – началу IV тыс. до н.э. Заметное единообразие керамики раннего неолита дает основание полагать, что идея ее производства могла быть заимствована местным населением из определенного центра, возможно, под влиянием буго-днестровской культуры и/или культуры линейно-ленточной керамики. Хотя не исключают и самостоятельный путь возникновения керамической посуды в среде местных племен неолита, ссылаясь на существовавшие еще со времен палеолита знания о пластических свойствах глины, способности ее меняться под воздействием высоких температур¹⁹⁶.

На неолитических стоянках Беларуси ранняя керамика представлена сосудами с острым или округлым дном, толстыми (до и более одного сантиметра) стенками. Керамика содержит примеси песка и большое количество растительных остатков, выгоревших при обжиге. В глиняное тесто отдельных горшков могли добавлять *дресву* (толченый камень), несколько позже – *шамот* (частицы раздробленных фрагментов керамики), или толченые раковины моллюсков, как это делали неолитические племена, жившие на севере Беларуси.

Форма будущего сосуда создавалась путем налепа глиняных лент одна на другую по спирали. Поверхность сосуда перед нанесением орнамента и его обжигом тщательно выравнивалась расчесами гребня либо многократными ударами дощечки. В отдельных случаях стенки горшка могли покрываться ангобом – жидкой, разведенной до консистенции сметаны, глиной. Керамика раннего неолита украшалась орнаментом, состоящим из небольшого числа элементов – в основном из рядов ямочных вдавлений, оттисков гребенки, наколов, нарезных линий, образующих косую сетку. При этом орнаментировалась только верхняя часть сосудов, иногда узоры доходили до средней части горшка.

К концу неолитической эпохи отмечается разнообразие в формах посуды и ее орнаментации. Увеличивается число используемых элементов орнамента, которых может насчитываться до нескольких десятков. Усложняются мотивы и композиции, образующие горизонтальные пояса из наколов, различные геометрические фигуры – ромбы, треугольники, прямоугольники, и вполне реалистичные или стилизованные изображения животных (птиц) и человека.

В III тыс. до н.э. в декорировании посуды используются оттиски нити, веревочки, палочки с накрученной ниткой на конце («лапчатый» орнамент), что является косвенным доказательством знакомства неолитического населения с ткачеством. Истоки этого занятия лежат в богатом опыте плетения корзин и рыболовных сетей. Косвенным подтверждением ткачества также является кососетчатый орнамент на горшках.

В эпоху неолита распространяются способы обработки камня, направленные на создание устойчивых форм орудий с помощью двухсторонней обработки заготовок, их шлифования, полировки, пиления и сверления. Для изготовления орудий использовали различные породы камня – кварцит, сланец, песчаник. Наблюдается стремление к поиску высококачественного кремневого сырья. Это привело к появлению новых способов его добычи.

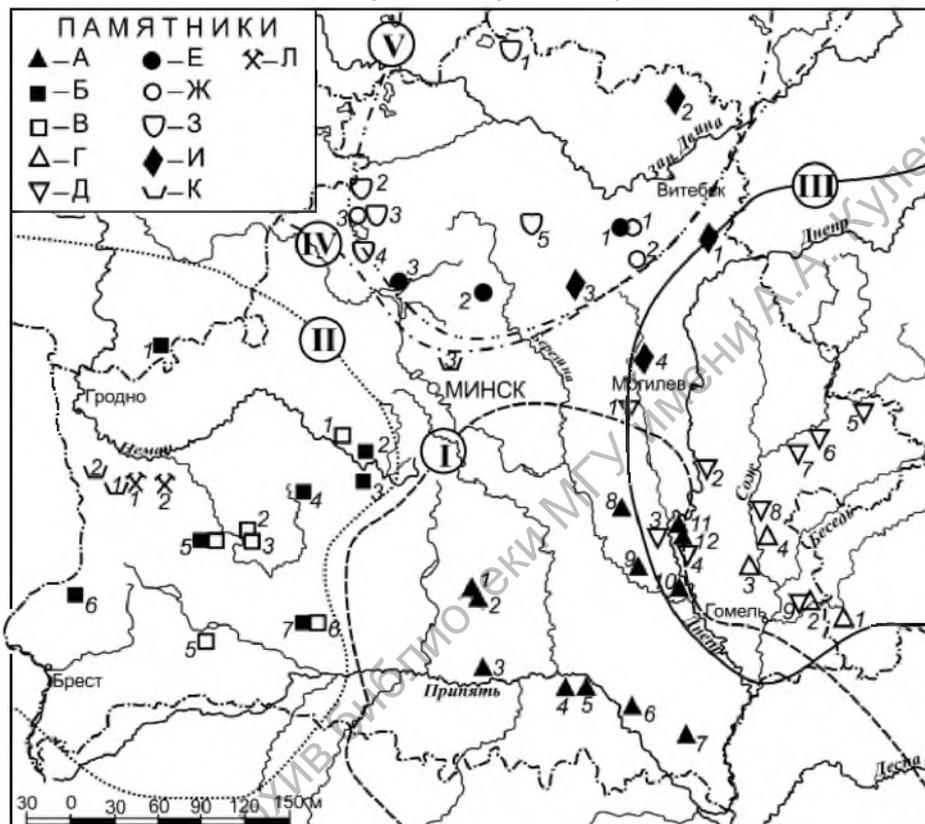
Эпоха неолита стала временем зарождения горнодобывающего дела, примером которого являются находки древних шахт на территории Европы, Северной и Центральной Америки. Среди них

¹⁹⁵ Поэтому не случайно в западноевропейской историографии культуры с керамикой и мезолитическими типами орудий относят к керамической фазе мезолита или так называемому «керамическому мезолиту» (пример – культура *эртебёлле*). Эпохой неолита там датируют памятники и культуры, знавшие земледелие и скотоводство.

¹⁹⁶ В своем иллюстрированном конспекте лекций «Каменный век Беларуси» (2011, с. 36) М.М. Чернявский замечает, что глиняная посуда могла возникнуть как хозяйственно-бытовая потребность, поэтому «*морфологическое сходство посуды в разных культурах и даже на отдаленных территориях скорее надо искать в прототипах из органических материалов – коры, травы, кожи и т.д. Да и в орнаментации керамики использовались традиционные узоры костяных и деревянных изделий*».

наибольшую известность получили кремнедобывающие шахты каменного века во Франции (*Прессиньи* и *Шампильоль*), Англии (*Цюсбери*, *Гримс-Гревс*), Дании (*Спиенна*), Польше (*Кшемёнки Опатовские*), Мексике (*Гора Ножей*). Древние шахты обнаружены и на территории Беларуси у г.п. *Красносельский* и д. *Карповцы*. Они представляют собой глубокие колодцы округлой формы с боковыми подбоями и штольнями, затрагивавшими кремненосную породу. Во время раскопок шахт найдены орудия древних землекопов: кирки, кайла и роговые клинья. Есть находки жировых светильников. Обнаружены также захоронения в шахтах людей, случайно оказавшихся под обвалом.

Потребность в сырье стимулировала развитие обмена между неолитическими племенами. Он осуществлялся не только ценными породами высококачественного поделочного камня (например, в Европе – обсидиан с о. Мелос, янтарь с побережья Балтийского моря), но и продуктами питания, редкими раковинами. Это расширило хозяйственные связи и географию общения между неолитическими племенами, снизив их определенную изолированность.

Карта основных памятников неолита на территории Беларуси

Днепро-донецкая культура (А): 1 – Кузьмичи-1; 2 – Старые Юрковичи; 3 – Дорошевичи; 4 – Загорини; 5 – Пхов; 6 – Юровичи; 7 – Новоселки; 8 – Большие Бортники; 9 – Василевичи-3; 10 – Верхняя Олба; 11 – Прорва-2; 12 – Борок Семиновский.

Припятско-неманская культура (Б): 1 – Дубичай (на территории Литвы); 2 – Свериново (Куец); 3 – Русаквичи-1; 4 – Войковичи-1; 5 – Русаково; 6 – Каменюки; 7 – Камень-2.

Неманская культура (В): 1 – Круглица (Лысая Гора); 2 – Добрый Бор; 3 – Подгорная; 4 – Русаково; 5 – Мотоль-1; 6 – Камень-2, 6 и 8.

Верхнеднепровская культура, ранний этап (Г): 1 – Добродеевка-2 и 3 (Брянская область, Россия); 2 – Дубовый Лог (Мишурова Грива, Федоткина Грива); 3 – Шапотовичи; 4 – Залесье.

Верхнеднепровская культура, поздний этап (Д): 1 – Угольщина; 2 – Веть; 3 – Лучин; 4 – Ходосовичи; 5 – Старый Дедин-4; 6 – Рудня-1; 7 – Гронов (Курганье, Стров); 8 – Струмень (Лоша-1, Лоша-2, Нараг); 9 – Дубовый Лог (Подлужье, Титов Бугор).

Нарвская культура (Е): 1 – Осовец-4; 2 – Зацень; 3 – Сосенка-3.

Усвятская культура (Ж): 1 – Осовец-2; 2 – Головск (Кривина-1); 3 – Скема-1.

Культура гребенчато-ямочной культуры (З): 1 – Лисна (Млын); 2 – Задевское; 3 – Скема-1 и 2; 4 – Кочерги; 5 – Кронштадт.

Бабиновичский тип памятников (И): 1 – Бабиновичи-1 и 2; 2 – Межа; 3 – Лавки; 4 – Заречье-1.

Культура шаровидных амфор (К): 1 – Красносельский; 2 – Малые Ёдковичи.

Шахты (Л): 1 – Красносельский; 2 – Карповцы.

Границы культур: 1 – днепро-донецкая; 2 – припятско-неманская и неманская; 3 – верхнеднепровская; 4 – нарвская; 5 – усвятская.

Неолитические культуры на территории Беларуси. Хронологические рамки неолита в Беларуси определяются серединой – концом V – началом II тыс. до н.э., т.е. с момента появления керамической посуды до расселения сообществ, знавших металл – медь и бронзу. Население неолитических культур, проживавших на территории Беларуси, так или иначе, испытывало влияние со стороны своих соседей. В начале неолита это были: культура линейно-ленточной керамики, культура воронковидных кубков, буго-днестровская и верхневолжская культуры. В позднем неолите – культура гребенчато-ямочной керамики, культура шаровидных амфор, отдельные группы круга культур шнуровой керамики, среднеднепровская культура. Остановимся кратко на характеристике материалов неолитических культур, исследованных на территории Беларуси.

Днепро-днецкая культура. Восточнополесский локальный вариант (культура). В состав днепро-днецкой культуры, или этнокультурной общности, сегодня включают целый ряд локальных вариантов, или близкородственных культур, население которых в конце VI – начале II тыс. до н.э. проживало на территории от Северского Донца на юге до Восточного Полесья на севере. На территории Беларуси памятники этого культурного явления охватывают нижнее и среднее течения р. Припять, низовья р. Березина, правобережье Днепра (до устья Припяти) и выделены в отдельный восточнополесский локальный вариант (культуру).

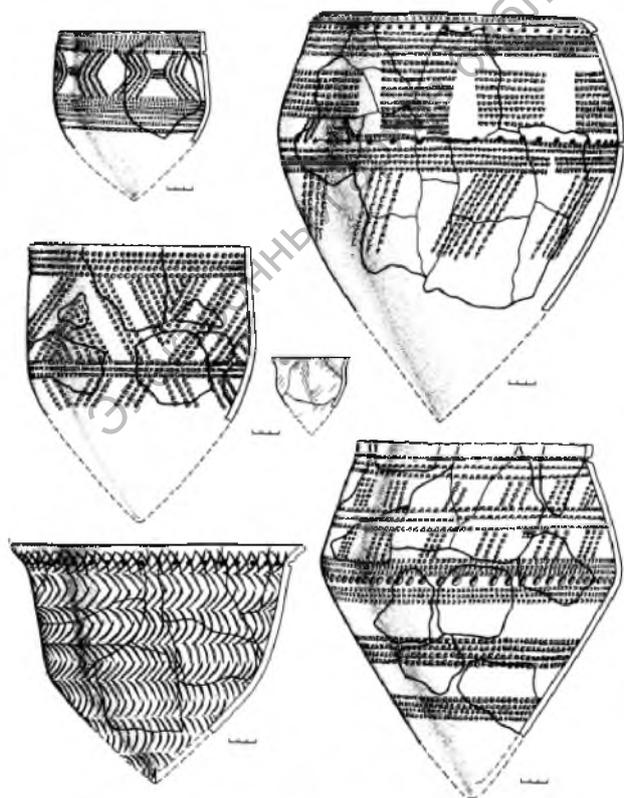
Начало научной систематизации материалов по днепро-днецкой культуре с гребенчато-накольчатой керамикой было положено в конце 1950-х гг. – 1960-е гг. украинскими археологами В.Н. Даниленко и Д.Я. Телегиным. На территории Беларуси стоянки культуры активно изучались В.Ф. Исаенко, на современном этапе – И.Н. Езепенко, Н.Н. Кривальцевичем и А.А. Разлуцкой.

Основная часть днепро-днецких памятников приурочена к речным террасам или дюнным всхолмлениям, расположенным вблизи рек, заток, озер старичного типа. На территории Беларуси наибольшую известность получили результаты исследования стоянок нижней и средней Припяти у д. *Юровичи* на оз. Литвин, *Дорошевичи*, *Загорини*, *Кузьмичи-1*, *Новоселки*, *Пхов*, *Старые Юрковичи-1*. В бассейне Березины – это стоянки *Великие Бортники* и *Василевичи-3*; на Днепре – стоянки *Борок Семиновский*, *Верхняя Олба*, *Прорва-2*.

В развитии днепро-днецких древностей исследователи выделяют три этапа, которые приходятся на ранний, средний и поздний неолит. При этом первый и второй этапы развития культуры приходятся на ранний неолит, третий – охватывает средний и поздний периоды. На территории Беларуси начало культуры приходится на середину – конец V – первую половину IV тыс. до н.э. Этот период характеризуется сохранением мезолитических черт в изготовлении орудий труда – черешковых наконечников стрел из пластин, геометрических микролитов (трапеций), микропластин с затупленным краем, ланцетовидных изделий.

Основным типом заготовки для производства орудий, в том числе скребков, резцов, проколов, режущих инструментов (ножей), служила преимущественно пластина. Однако уже в середине IV тыс. до н.э. наблюдается появление неолитических типов орудий, форма которых задана путем двухсторонней обработки.

В ранних материалах культуры имеются свидетельства изготовления керамической посуды. Находки керамики обнаружены на стоянках *Юровичи-6* и *7*, *Новоселки-2*. Она представлена немногочисленными обломками от лепных толстостенных и остродонных сосудов, в тесто которых добавлены растительные примеси и песок. Внутренняя поверхность сосудов сохраняет следы расчесов гребенки, внешняя сторона оставалась гладкой. В основном декорировалась только верхняя часть горшков: по венчику наносился ряд глубоких круглых ямок, далее шли оттиски мелкогребенчатого штампа, глубокие и длинные наколы в несколько рядов. В отдельных случаях встречается кососетчатый орнамент из нарезных линий. Край венчика не-

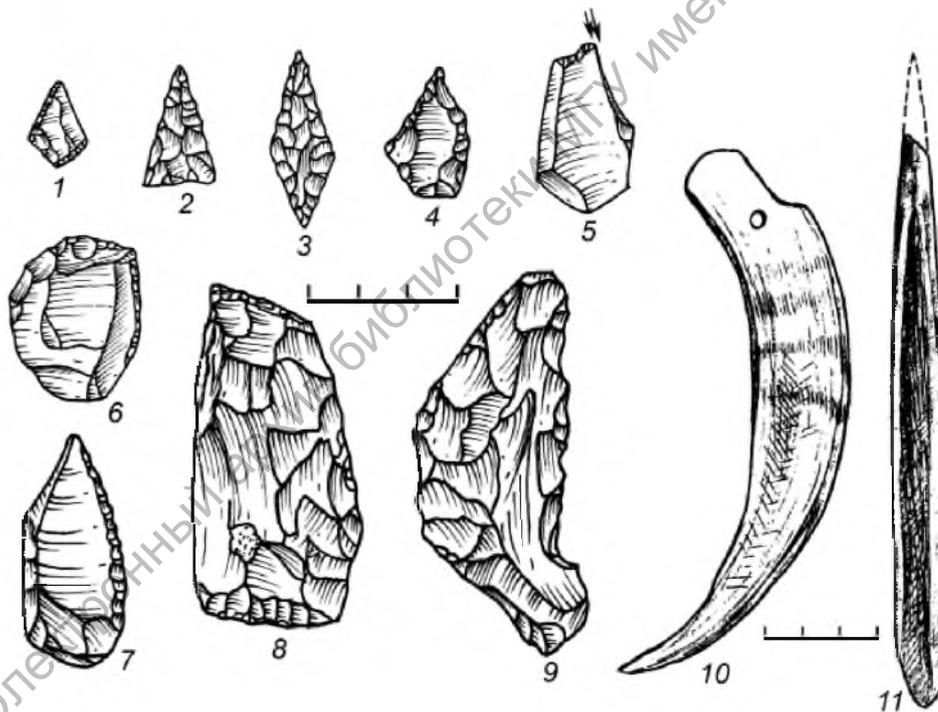
Днепро-днецкая культура. Керамика

которых сосудов имеет гофрированный вид, сделанный с помощью пальцевых защипов. Иногда орнаментировалась средняя и нижняя часть сосудов.

Во второй половине IV – середине III тыс. до н.э. (средний неолит) формируются основные черты *восточнопопесского локального варианта (культуры) днепро-днецкой культуры*. В технике обработки кремня окончательно угасают мезолитические черты и распространяются неолитические типы орудий. На этом этапе меньше становится орудий из пластин, заметно уменьшается количество черешковых наконечников стрел, трапеций, микропластин с затупленным краем. В качестве заготовки для орудий труда используются отщепы. Распространяются изделия из кремня с двухсторонней обработкой – листовидные и ромбовидные наконечники стрел, топоры и их заготовки, тесла, долота. При этом количество рубящих орудий постепенно начинает увеличиваться.

Изменения происходят в керамике. Заметно уменьшается толщина стенок сосудов. В тесто керамики, кроме песка и растительных примесей, стали добавлять дресву и шамот. Поверхность отдельных сосудов тщательно заглажена. Несколько изменяется стиль орнаментации керамики. Особое распространение получают гребенчато-накопчатые мотивы. Элементами орнамента (пояса из оттисков гребенки, многочисленных наколов и насечек, прорисованных линий) зонирована две трети поверхности горшков.

В конце существования культуры (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.) техника обработки кремня окончательно приобретает неолитические черты. Увеличивается ассортимент орудий, заготовкой для которых служили преимущественно отщепы. На этом этапе распространяются треугольные наконечники стрел и дротиков с двухсторонней обработкой. Среди орудий встречаются многочисленные скребки, резцы, ножи, отдельные из которых использовались в качестве серпов. Представительна серия орудий рубяще-долбящего назначения – топоров, тесел, долот. Топоры обработаны путем двухсторонней обивки с пришлифовкой лезвия или полностью шлифованные.

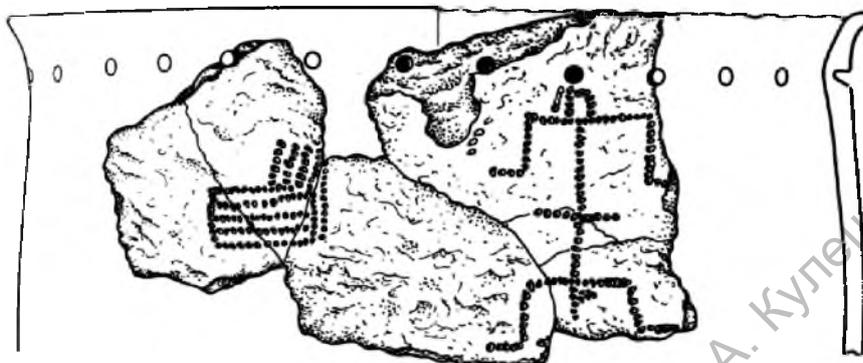

Днепро-днецкая культура

Кремневый инвентарь: 1–3 – наконечники стрел; 4 – проколка; 5 – резец; 6 – скребок; 7 – нож; 8 – топор; 9 – серп. Изделия из кости и рога (по материалам стоянки Кузьмичи-1): 10 – амулет из клыка дикого кабана; 11 – наконечник дротика

На позднем этапе культуры керамическая посуда представлена разнообразными по морфологии сосудами. Среди них наиболее характерны остродонные горшки высокой или низкой формы с выпуклыми или ребристыми боками, отогнутым или сведенным внутрь венчиком, имевшим характерное утолщение по краю и выступ в виде «карнизика» или «воротничка». Отдельные сосуды имеют уплощенное дно. Поверхность горшков тщательно заглажена, в тесте глины присутствуют песок, дресва и шамот. В целом доминируют сосуды, диаметр и высота которых обычно одинаковая (16–20 см). В отдельных случаях есть и крупные экземпляры – диаметр по тулову горшков достигает 40 и более сантиметров.

Две трети поверхности сосуда декорировалась с помощью ямочных вдавлений, оттисков гребенки, наколов, нарезных линий в виде косой сетки. В орнаментации сохраняется характерная для днепро-днецких горшков зональность. С помощью наколов созданы пояса из горизонтальных линий, различные геометрические фигуры в виде треугольников, ромбов, прямоугольников. Появляются мотивы из оттисков шнура, «лапчатых» наколов, многоваликовые композиции. Среди интересных обломков посуды, найденных в ареале восточнополюсского варианта культуры, является фрагмент горшка со стоянки *Юровичи-3*. Это обломок венчиковой части сосуда, на котором с помощью округлых наколов была создана композиция из стилизованных изображений человека и птицы («мужчина-охотник» и «утка»).

Юровичи-3. Фрагмент керамики с изображением человека и птицы

По материалам днепро-днецкой культуры получены некоторые сведения о жилищах. Это остатки наземных или слегка углубленных в грунт построек овальной и прямоугольной формы, ориентированных входом на юг. Размеры жилищ в среднем достигали 10–12 кв. м. Хотя известны, например, остатки прямоугольного жилища площадью до 36 кв. м (*Юровичи-3*). Внутри постройки или рядом с ней располагался очаг, обложенный камнями. Возле жилищ иногда находят огромные кучи обломков посуды.

Основу жизни днепро-днецкого населения составляли охота, рыболовство и собирательство. На поздних этапах развития культуры было освоено скотоводство и земледелие, о чем свидетельствуют находки соответствующих орудий труда (кремневые серпы, вкладыши от них, серповидные ножи), присутствие в культурном слое стоянок зерен и пыльцы злаков, их отпечатков на стенках сосудов, кости домашних животных. Увеличивается число рубящих орудий, которые, явно, могли использоваться для расчистки площадок под посевы от лесной растительности. Однако в Восточном Полесье присваивающие формы хозяйства, где на первый план вышли охота, собирательство и особенно рыболовство, продолжали сохранять свои устойчивые позиции вплоть до конца существования культуры.

Показательным в этом отношении являются материалы торфяниковой стоянки *Кузьмичи-1*, расположенной на берегу оз. Кузьмичское в Любанском районе Минской области. Это остатки сезонного поселения второй половины IV – конца III тыс. до н.э. Культурный слой памятника исследован на дне древнего озера. Он содержал большое количество керамической посуды, находки расщепленного кремня, орудия труда из него – скребки, резцы, скобели, проколки, ножи, а также изделия из кости и рога (проколки, орудия с заостренным концом, наконечник дротика, округлая подвеска с отверстием, амулет из клыка дикого кабана, рог тура с поперечным круговым надрезом и пробитым отверстием).

На площади стоянки обнаружены многочисленные остатки бревен, палок, кольев, коры деревьев. Системный характер расположения некоторых кольев и бревен дает основание полагать о наличии на стоянке построек. Рядом с ними обнаружены обожженные камни с пятнами копоти на поверхности. Некоторые камни могли использоваться в качестве отбойников.

Обитатели Кузьмичского поселения занимались добычей болотной черепахи, дикого кабана, косули, благородного оленя, лося, тура, лесной куницы, бобра, белки, волка, летучей мыши. Объектами охоты также были некоторые виды птиц – серый журавль, кряква, серый гусь, гоголь, глухарь, лебедь-кликун, большая поганка. Ихтиофауна представлена щукой, размеры которой достигали от 0,36 до 1 м, карпом, окунем и карасем. Известны на стоянке и костные останки домашних животных (22%) – свинья, коза, овца, крупный рогатый скот, лошадь, присутствие которых может быть связано с материалами круга культур шнуровой керамики, также известного в Кузьмичах.

В материалах днепро-днецкой культуры известны остатки захоронений человека, обнаруженных на территории Украины (*Васильевский, Вовнигский, Мариупольский, Чаплинский* и др. могильники).

Они представлены коллективными (родовыми) усыпальницами, совершенными в ямах по обряду вытянутого на спине труположения. Могилы обильно посыпаны охрой. При совершении погребального ритуала в могильную яму клали орудия труда и оружие. На костяках сохранились украшения – подвески, бусины из костей и зубов благородного оленя и рыб, пластины из клыков дикого кабана. Есть находки перламутровых бусин. Часть украшений была нашита на погребальную одежду, состоявшую из головного убора, пояса, рубахи и обуви¹⁹⁷. Наличие возле могил костей животных и битой керамики свидетельствует о совершении ритуальной трапезы. Антропологический тип погребенных в могильниках днепро-донецкой культуры соответствует поздним кроманьонцам – высоко-рослым людям с широким лицом и долихокранной¹⁹⁸ массивной формой черепа.

К концу III тыс. до н.э. днепро-донецкая культура прекращает свое существование. Остатки ее культуры продолжали существовать в низовьях Припяти и на Днепре, дожив до 1800–1700 гг. до н.э. На основании этого В.Ф. Исаенко в развитии памятников северной периферии днепро-донецкой культуры выделил четвертый этап. Этот этап демонстрирует результат взаимодействия местного восточнополесского населения с традициями пришлых групп круга культур шнуровой керамики и среднеднепровской культуры.

Припятско-неманская культура. На территории Западной Беларуси и юге Литвы, в северо-восточных районах Польши и северо-западе Украины (Волинь) неолит представляют выделенные здесь припятско-неманская и неманская культуры. Первые сведения о неолитических памятниках этой территории стали поступать еще в XIX – начале XX вв. (Т. Нарбут, З. Глогер, В.А. Шукевич). Отдельные стоянки были изучены польскими археологами в 1920–1930-гг. (В. Голубович), но только после войны благодаря работам Р.К. Римантене, Н.Н. Гуриной, Д.Я. Телегина, М.М. Чернявского и В.Ф. Исаенко окончательно была определена культурная специфика памятников региона. Еще в 1960-е гг. Д.Я. Телегиным были выделены стоянки с керамикой двух типов – *Дубичай* (по названию стоянки в Южной Литве) и *Добрый Бор* (Белорусское Понеманье, бассейн р. Щара). Стоянки с каждым типом керамики характеризовали еще и этапы в развитии неолитической культуры Понеманья: ранний период представляли памятники с дубичайской керамикой, поздний – с доброборской.

Дальнейшее изучение материалов позволило Н.Н. Гуриной высказать мысль о существовании в неолите Понеманья особого культурного явления – *неманской культуры*. Окончательно культура была обоснована в 1970-е гг. в работах М.М. Чернявского. По материалам неманской культуры им было выделено три этапа, каждый из которых получил свое название по эталонному памятнику – *дубичайский* (ранний), *лысогорский* (средний) и *доброборский* (поздний). Однако в начале 2000-х гг. М.М. Чернявский пересмотрел свой взгляд на неолит Белорусского Понеманья и предложил ранний дубичайский этап выделить в отдельную культуру, названную «*припятско-неманской*»¹⁹⁹. В свою очередь, лысогорский и доброборский этапы были объединены в отдельную *неманскую культуру*. На современном этапе изучением неолита Западной Беларуси занимаются В.Л. Лакиза, О.Ю. Ткачев и С.С. Юрецкий.

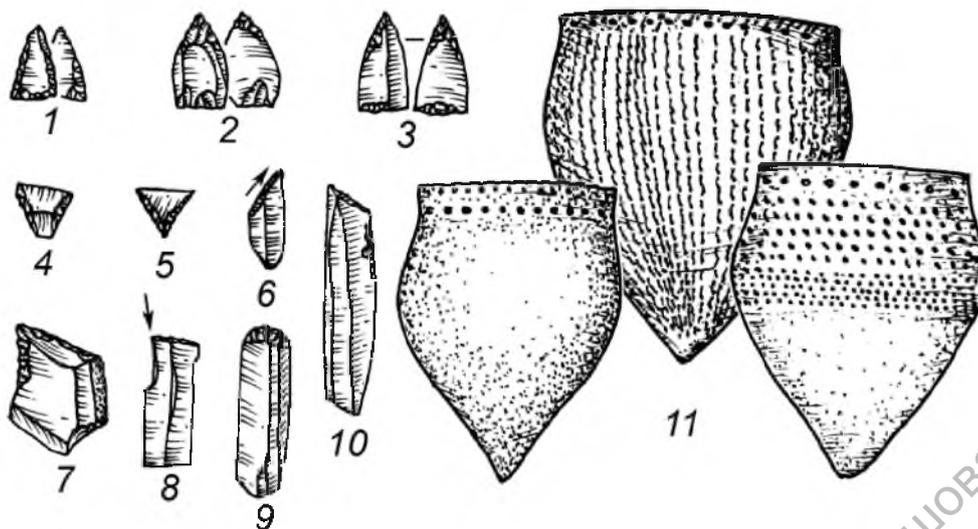
Памятники припятско-неманской и неманской культур приурочены к водоемам верхнего и среднего течения р. Неман, верховьев Припяти, Западного Буга (низовья реки), среднего течения Вислы. Стоянки расположены на краю речных террас, занимают дюнные возвышенности возле рек, озер и затоков, иногда приустьевые участки водоемов. Основные материалы по припятско-неманской культуре получены на стоянках Белорусского Понеманья (*Войковичи-1*, *Свериново (Куцец)*, *Русаковичи-1*, *Русаково*), Верхней Припяти (*Камень-2*) и Западного Буга (группа стоянок у д. *Каменюки*).

На ранних этапах развития культуры кремневый инвентарь сохраняет мезолитический облик. Для производства орудий припятско-неманское население использовало местные породы мелового и моренного кремня. Среди находок широко распространены черешковые, листовидные и треугольные наконечники стрел на пластинах, ланцетовидные острия, острия и микрорезцы яниславицкого типа, трапеции, вкладыши из сечений пластин. Достаточно большой процент орудий из пластин – скребки, резцы, изделия с выемкой, острия, проколки, развертки, ножи. Встречаются рубящие орудия – топоры овальной и траншевидной формы с лезвием, оформленным поперечным сколом. На отдельных стоянках (*Войковичи-1*) сохранились орудия из кости и рога – проколки, рубящие орудия, орудия с заострением.

¹⁹⁷ Рекомендую обратить внимание на статью: *Котова, Н. С.* Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины / Н. С. Котова, О. В. Тубольцев // *Российская археология*. – 1999. – № 3. – С. 22 – 34.

¹⁹⁸ Понятия «*доліхокранний*» (от греч. «*доліхос*» – длинный, «*краниум*» – череп), «*мезокранний*» (от греч. «*мезос*» – средний), «*брахиокранний*» (от греч. «*брахиос*» – короткий) соответствуют определенному типу черепа и являются важным антропологическим показателем для характеристики расы и ее адаптаций. Эти названия основаны на определении соотношения длины и ширины черепной крышки, которые определяют крупную (массивную) или долихокранную форму головы, среднюю – мезокранную и короткую – брахиокранную.

¹⁹⁹ Ее аналогом в литовской историографии выступает *дубичайская культура*.

Припятско-неманская культура

Кремневый инвентарь: 1–3 – наконечники стрел; 4 – трапеция; 5 – треугольник; 6 – ланцетовидное острие; 7 – проколка; 8 – резец; 9 – скребок; 10 – пластина со скошенным ретушью концом. Керамика: 11 – горшки

Керамика припятско-неманской культуры представлена лепными толстостенными сосудами (до и более 1 см), имеющими острое, закругленное или шиповидное дно. Горшки характеризуются выпуклыми, в отдельных случаях ребристыми боками и зауженной горловиной со слабо отогнутыми наружу венчиками. Посуда лепилась способом косого, редко торцевого налепа глиняных лент одна на другую. В качестве примесей (отощителей) в тесто керамики при лепке добавляли растительность и песок. На стоянках верхней Припяти встречаются примеси толченого камня. Орнаментация сосудов припятско-неманской культуры достаточно проста и не образует сложных композиций. Обычно под венчиком нанесен ряд глубоких ямок, образующих внутри сосуда негативы – так называемые «жемчужины» или «сопочки». Далее идут оттиски гребенки, различного рода насечки и наколы. На отдельных сосудах встречается орнамент из нарезных линий, образующих косую сетку. Перед нанесением орнамента поверхность сосудов выравнивалась расчесами гребенки или покрывалась ангобом с внешней стороны.

Генезис припятско-неманской культуры видится в яниславицкой позднемезолитической культуре, на что указывает сходство в технике обработки камня, отдельных типах орудий труда (острия и микрорезцы яниславицкого типа, ланцетовидные острия, трапеции). Судя по радиоуглеродным датам, полученным на отдельных стоянках (Войковичи-1, Дубичай), сравнительному анализу материалов, время появления припятско-неманской культуры относится к середине – концу V тыс. до н.э.

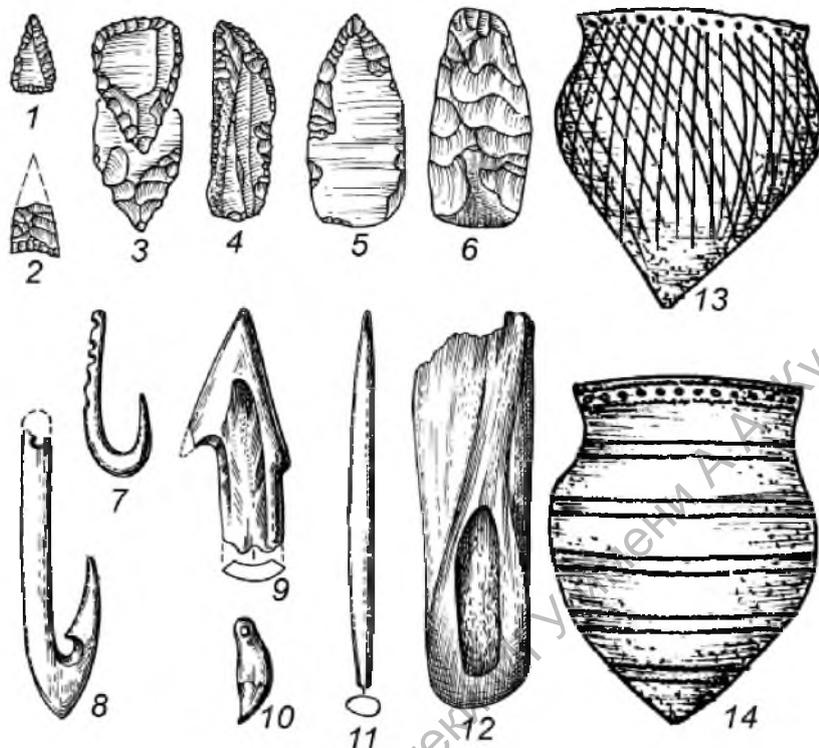
В середине IV тыс. до н.э. припятско-неманское население испытало сильное влияние со стороны своих западных и южных соседей – культур «лесного неолита» Польши и культуры воронковидных кубков. В итоге это привело к появлению нового культурного явления – *неманской культуры*.

Ареал этой культуры практически тот же, что и у припятско-неманской культуры. Наиболее выразительные материалы получены в результате раскопок стоянок *Добрый Бор*, *Камень-2*, *6* и *8*, *Круглица (Лысая Гора)*, *Мотоль-1*, *Подгорная-4*, *Русаково*. Стоянки расположены на береговых террасах или песчаных возвышенностях вблизи водоемов. На некоторых поселениях сохранились остатки жилищ, овальные или округлые очаги, ямы хозяйственного назначения, места обработки кремневого сырья.

В развитии неманской культуры выделяют два этапа – ранний (лысогорский) и поздний (доброборский). Кремневый инвентарь неманской культуры на раннем этапе приобретает черты, характерные для неолитической индустрии. Большая часть орудий стала формироваться из отщепов. Совершенствуется техника вторичной обработки. Распространяются отдельные типы орудий, форма которых задана путем двухстороннего ретуширования и оббивки – треугольные наконечники стрел с прямым или вогнутым основанием, наконечники дротиков и копий, рубящие орудия (топоры и тесла) с шлифованным лезвием. В коллекциях неманских стоянок достаточно много скребков, резцов, проколов, ножей.

Изменения происходят в керамическом производстве. Сосуды лысогорского этапа имеют выпуклые бока, зауженную шейку и короткий отогнутый наружу венчик. Тулово лысогорских горшков формировалось путем косого налепа глиняных лент. Толщина стенок составляет 0,6–0,8 см, а их

диаметр по тулову – 20–40 см. Тесто при лепке хорошо вымешано: в него добавлены песок и дресва, а также растительные остатки. При этом количество растительных волокон в керамике постепенно уменьшалось и в конце развития культуры они практически перестали использоваться. Разнообразие проявляется в орнаментации посуды: различные наколы, оттиски краем лопаточки, нарезные линии. В отдельных случаях встречаются оттиски гребенки, насечки и текстильные узоры. Снаружи и внутри горшка по венчику наносился ряд глубоких ямок, оставляющих «жемчужины». Причем эти глубокие наколы делались орнаментиром разного сечения – округлого, треугольного, квадратного.

Неманская культура

Кремневый инвентарь: 1–2 – наконечники стрел; 3 – скребок; 4 – нож; 5 – наконечник дротика; 6 – топор. Изделия из кости и рога: 7–8 – рыболовные крючки; 9 – фрагмент гарпуна; 10 – подвеска; 11 – острие; 12 – пешня. Керамика: 13–14 – горшки

На позднем (доброборском) этапе развития неманской культуры посуда сохраняет основные черты, присущие лысогорской керамике. Только край венчика горшков заметно утолщается и приобретает более вытянутые пропорции. Средняя толщина стенок сосудов – 0,6–0,8 мм, правда, встречаются и тонкостенные сосуды – до 0,4 см. В тесто глины добавлены песок, толченый камень и шамот. Перед нанесением орнамента и обжигом поверхность сосудов тщательно заглаживалась.

Основными элементами орнамента неманской керамики являлись ямочные вдавления, наколы, нарезные линии, насечки, линейный штамп. С помощью них создавались мотивы и композиции, образующие горизонтальные пояса и различные геометрические фигуры – многоугольники, ромбы, ромбы с крючками, крестовидные фигуры и т.д. В конце существования неманской культуры практически полностью исчезают оттиски гребенки, но появляются примеры использования текстиля (нитей, шнура) в орнаментации керамики. Под венчиком сохраняется ряд глубоких ямок, оставивших выпуклости («жемчужины») на поверхности сосуда. По краю венчика также встречаются отпечатки толстой нити или шнура, которыми «подвязывали» сосуд для поддержания его формы во время лепки.

Неманская культура просуществовала до начала II тыс. до н.э. Появление текстильных элементов орнамента и линейного штампа на керамике неманской культуры свидетельствует о влиянии на нее со стороны культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики, расселившихся на западе Беларуси в середине – конце III тыс. до н.э. Результатом контактов местной неманской культуры и пришлых групп круга культур шнуровой керамики, а также приморской (жуцевской) культуры и среднеднепровской культуры, являются памятники типа Бершты – Русаково, выделенные В.Л. Лакиза.

Неманская культура оставлена населением охотников, рыболовов и собирателей. Свидетельством их занятий являются находки соответствующих орудий из кремня, костяные и роговые изделия, палеонтологический материал, собранный во время раскопок некоторых торфяниковых стоянок

возле д. Камень Пинского района на верхней Припяти. Основными объектами охоты «неманцев» были благородный олень, косуля, лось, дикий кабан, медведь, бобр. На роль охоты указывают находки кремневых, костяных и роговых наконечников стрел, дротиков и копий, гарпунов. Среди других орудий из кости и рога встречаются проколки, остря, ножи из расщепленных клыков дикого кабана. Примером рыболовства являются находки костяных рыболовных крючков и глиняных грузил от сетей. Известны отдельные украшения – подвески из зубов животных с простреленным отверстием. Возможно, под влиянием культуры шаровидных амфор и круга культур шнуговой керамики населением неманской культуры были восприняты навыки ведения земледелия (судя по находкам серповидных ножей, значительного числа рубящих орудий, зерен ячменя) и скотоводства (кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади).

Верхнеднепровская культура. Территориально памятники верхнеднепровской культуры охватывают верхнее течение Днепра и особенно бассейн его левого притока – р. Сож, в пределах Могилевской и востока Гомельской областей Республики Беларусь, запада Смоленской и Брянской областей Российской Федерации. На юге граница верхнеднепровской культуры условно проводится по долине р. Ипать, на западе она доходит до правобережья Днепра.

Первые сведения о памятниках верхнеднепровской культуры стали известны еще в дореволюционные годы (А.Н. Лоначевский, Н.Ф. Беляшевский, Е.Р. Романов). В 1920–1930-е гг. изучение неолитических стоянок региона вели К.М. Поликарпович, А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя, В.Р. Тарасенко и др. Сама культура была выделена в 1960-е гг. И.М. Тюриной, которая обобщила материалы собственных исследований и своего коллеги – украинского ученого И.И. Артеменко. В последующие годы памятники верхнеднепровской культуры раскапывались В.П. Третьяковым, Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытиным, В.М. Чернявским, А.В. Колосовым и др. На современном этапе изучением и систематизацией керамических материалов верхнеднепровской культуры занимается М.И. Ткачева.

В развитии верхнеднепровских древностей выделяют два этапа. Ранний этап (середина V – первая половина IV тыс. до н.э.) отражен в материалах небольшого числа стоянок, расположенных в междуречье Днепра и Десны, и особенно в Посожье – *Залесье*, *Шапотовичи*, *Добродеевка-2* и *3*, *Дубовый Лог* (урочища *Мишурова Грива*, *Федоткина Грива*) и др. Поздний этап (вторая половина IV – начало II тыс. до н.э.) представлен стоянками *Дубовый Лог* (урочища *Годлужье*, *Титов Бузур*) (бассейн р. Ипать), *Гронов* (*Курганье* и *Стров*), *Струмень* (*Лоша-1*, *Лоша-2*, *Нараг*), *Рудня-1* на р. Сож, *Старый Дедин-4* на р. Остер. Известны памятники верхнеднепровской культуры на Днепре и его правом притоке р. Друть – стоянки у дд. *Веть*, *Лучин*, *Ходосовичи*, *Угольщина*; в Смоленском Поднепровье – *Катынь-1–4*.

Поселения верхнеднепровской культуры расположены на берегах рек или озер старичного типа, занимают края береговых террас или их останцы. Отдельные стоянки были основаны на песчаных всхолмлениях в пойме реки. Культурный слой поселений залегает в песчаных почвах и стратиграфически не выражен, что отрицательно сказалось на сохранности вещей из материалов органического происхождения – кости, рога и дерева. Единственными источниками информации по верхнеднепровской культуре служат находки из кремня, керамики, остатки объектов хозяйственно-бытового назначения (жилища, очаги, ямы).

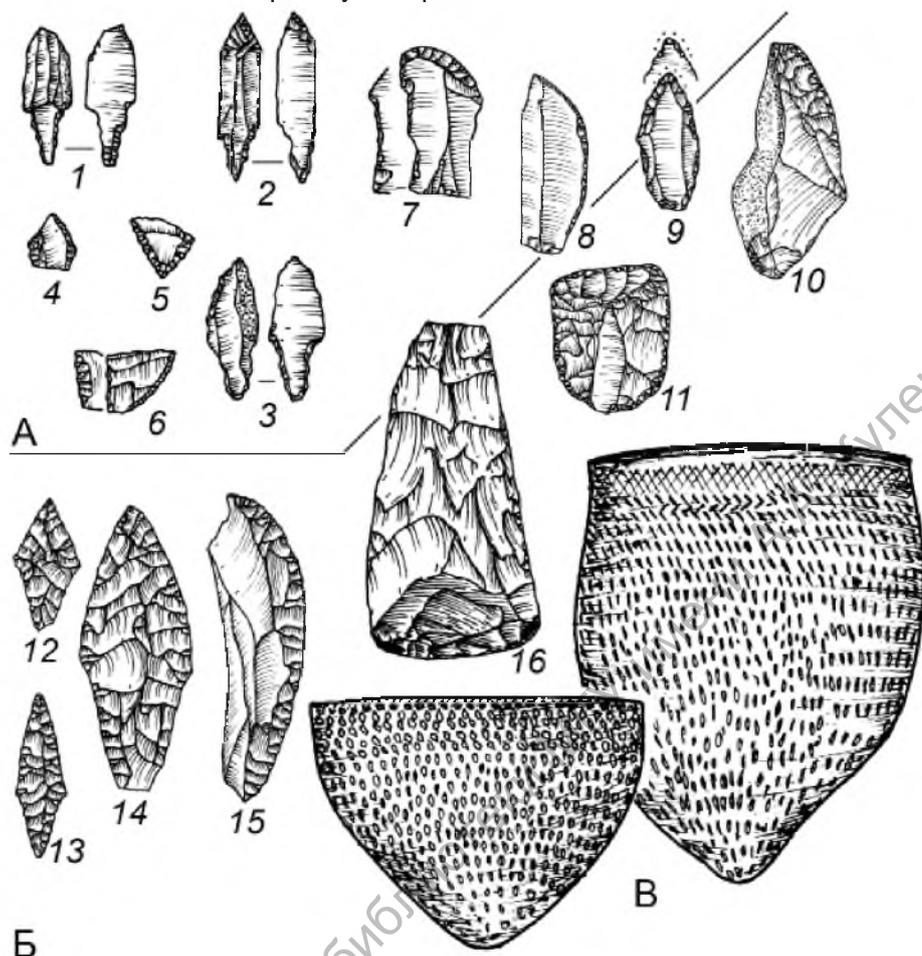
Сырьем для изготовления орудий служил местный сожский кремень серого или темно-серого цвета с меловыми вкраплениями. Выходы такого кремня часто распространены непосредственно возле стоянки. Они представляют собой россыпи многочисленных конкреций и их обломков, залегающих в отложениях мела и активно использовавшихся населением верхнеднепровских стоянок в качестве заготовок для нуклеусов и отдельных орудий труда. Встречаются единичные находки из кварцита, песчаника и сланца.

На раннем этапе развития культуры обработка кремня сохраняет черты предшествовавшей мезолитической эпохи. Наглядно это демонстрируют находки наконечников стрел из пластин с выделенным черешком, подправленным плоской ретушью со стороны брюшка, а также пластин-вкладышей, трапеций, некоторых орудий из пластин. Появляется и ряд новых черт, которые в дальнейшем определяют неолитический облик кремневой индустрии «верхнеднепровцев» – изделия с двухсторонней обработкой, увеличение числа орудий из отщепов.

Посуду раннего этапа верхнеднепровской культуры пока реконструировать не удалось из-за плохой ее сохранности. Собранные на стоянках *Мишурова Грива* и *Федоткина Грива* керамика имеет пористую структуру, содержит большое количество растительных остатков. На стоянке Федоткина Грива обломки глиняных сосудов практически полностью растворились в культурных отложениях. Как отмечает Е.Г. Калечиц, исследовавшая памятник, керамика из чистой глины превратилась в мазь²⁰⁰.

²⁰⁰ Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1987. – С. 46.

Вместе с тем, судя по сохранившимся и немногочисленным фрагментам, ученые не исключают, что ранняя керамика верхнеднепровской культуры могла иметь острое дно и толстые (до 1 и более сантиметров) стенки. В тесто глины добавляли песок, растительность и толченый кварц. Видимо, горшки раннего этапа верхнеднепровской культуры были украшены небогато и состояли из поясов ямочных вдавлений и оттисков широкозубой гребенки.

Верхнеднепровская культура

Кремневый инвентарь: 1–4, 12–13 – наконечники стрел; 5 – треугольник; 6 – трапеция; 7, 11 – скребки; 8, 10, 15 – ножи; 9 – проколка; 14 – наконечник копья; 16 – тесло. А – ранний этап; Б – поздний этап; В – керамика

Свой окончательный (неолитический) облик верхнеднепровская культура получает на позднем этапе развития. Кремневый инвентарь утрачивает мезолитические черты – исчезают черешковые наконечники стрел, уменьшается количество геометрических микролитов. В качестве заготовки для орудий труда широко используются отщепы, осколки кремня, правда, и пластинчатые заготовки не оставались без внимания «верхнеднепровцев». Для отдельных орудий использовались сработанные нуклеусы и конкреции кремня.

Из отщеповых заготовок делали скребки, резцы, изделия с выемкой, острия, проколки, развертки, сверла. По сравнению с другими типами орудий скребки численно преобладают. Крупные сколы, конкреции, нуклеусы часто служили заготовками для производства рубящих орудий – топоров, долот, тесел, а также скребловидных изделий. На лезвиях отдельных топоров и тесел, что особенно наблюдается на стоянках III – начала II тыс. до н.э., появляется пришлифовка. Пластины с острым режущим краем служили заготовками для ножей, некоторые из них имели серповидную форму. Из пластин также сделаны отдельные типы острий и проколок. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, дротиков и копий листовидной, треугольной и ромбовидной форм, заданных путем двухсторонней обработки.

Поздний этап верхнеднепровской культуры характеризуется заметным разнообразием керамической посуды и ее орнаментами. Среди керамики встречены широкогорлые горшки, отдельные из которых имеют выпуклые бока, прямой, сведенный внутрь или наружу венчик, острое или округлое дно. В тесто керамики кроме растительных остатков и песка добавлена дресва. Внутренняя (в некоторых случаях еще и внешняя) поверхность горшков заложена расчесами гребенки.

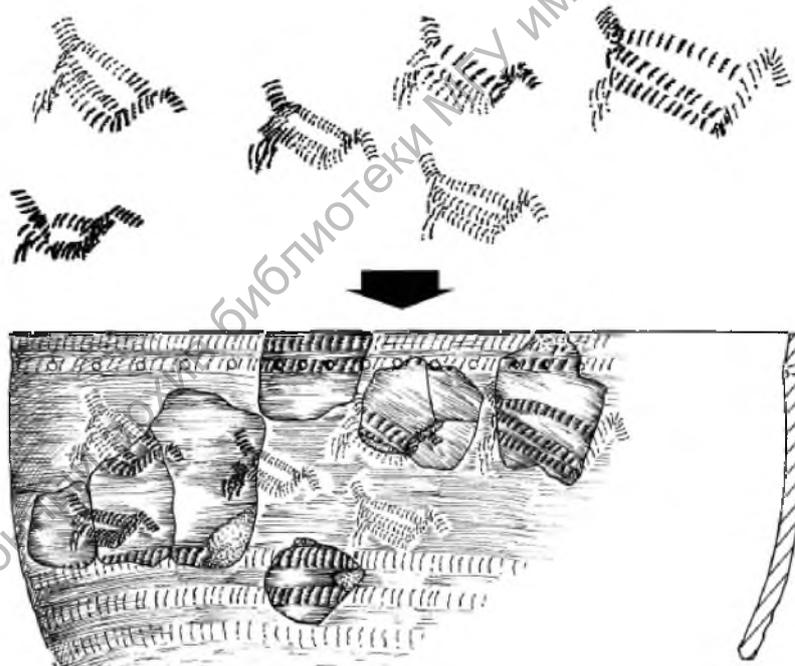
Поверхность верхнеднепровских сосудов декорировалась практически полностью. Как отмечают специалисты, для позднего этапа верхнеднепровской культуры характерно более 100 элементов орнамента, с помощью которых создано более 130 композиций. Наиболее типичными для верхнеднепровских сосудов являются композиции, сочетающие ямочные вдавления и оттиски гребенчатого штампа.

Обычно под венчиком наносился ряд глубоких ямок, которые оставляли внутри негативы. Иногда ямочными вдавлениями могли насквозь прокалывать венчик сосуда. Далее шли пояса из оттисков гребенки в виде косых вертикальных линий или «елочки». При этом гребенчатые мотивы прослеживаются по краю венчика и иногда заходят на его внутреннюю сторону. Край венчиков отдельных сосудов мог дополнительно сминаться пальцевыми защипами, что придавало ему гофрированный вид.

На поверхность отдельных сосудов нанесены наколы палочкой с накрученной на ее конце ниткой – «лапчатый» орнамент. Внешняя сторона стенок сосуда после орнаментации могла быть частично заглажена, что придавало «лапчатым» наколам каплевидную, а, в отдельных случаях, ромбовидную форму. Ряд фрагментов керамики украшен ямчатыми вдавлениями, которыми заполнена вся поверхность горшка.

Имеются также фрагменты посуды, орнамент которых состоит из коротких отступающих наколов краем лопатки, горизонтальных поясов из разреженных семечковидных наколов, наколов треугольной формы и т.д. На отдельных сосудах сохранились сквозные ямки, которые были намеренно просверлены с целью ремонта («сшивания») сломанного сосуда.

Характеризуя керамику верхнеднепровской культуры, нельзя обратить внимание на находки сосудов с изображением водоплавающей птицы. На стоянке *Рудня-1* (Климовичский район Могилевской области) были обнаружены фрагменты невысокого, сделанного от руки, чашевидного сосуда полуяйцевидной формы с закругленным дном. В верхней части горшка, под венчиком, сохранились изображения водоплавающих птиц, возможно, уток. Они были нанесены с помощью коротких вертикальных наколов мелкозубчатой гребенки.

Рудня-1. Керамика с изображением водоплавающей птицы

Древний мастер Рудни достаточно выразительно и реалистично передал нам образ птиц, учитывая все необходимые пропорции их тела, шеи, головы, крыльев, хвоста и даже лап. Головы птиц повернуты вправо. Основная часть «уточек» имеет небольшие размеры, другая – наоборот, характеризуется более крупными пропорциями. Складывается впечатление, что все вместе они образуют летящую стаю, при этом «уточки» малых размеров следует за большими птицами. Ниже под изображением пернатых идет горизонтальный пояс из наколов, символизирующий, очевидно, водную стихию.

Для Посожья находки керамики с орнитоморфной тематикой сделаны впервые. Изображения водоплавающих птиц на руднянской керамике присутствуют неслучайно. В неолитическое время пернатые являлись одним из широко распространенных объектов охоты, дававшей человеку мясо, яйцо, пух и перо. Но вряд ли только охота была мотивом для изображения. Иллюстрация птицы для неолитического человека имела сакральное значение и отражала его представления об окружаю-

щем мире. Орнитоморфные сюжеты, воплощенные на керамике (а на других территориях в мелкой художественной пластике, украшениях), закономерно связаны с идеей возникновения Вселенной, где главная роль отводилась птице.

Генезис керамики с орнитоморфными изображениями связывают с культурами финно-угорской общности, а точнее с прибалтийской группой финнов. Водоплавающая птица является центральным персонажем в мифологии финно-угорского, а позднее славянского населения лесной полосы Восточной Европы. (Достаточно вспомнить один из ярких примеров финно-угорского эпоса – знаменитую «Калевалу», в которой отражена идея возникновения Вселенной из яйца утки.)²⁰¹ В керамике Рудни отражен, вероятно, миф о плодородии – имитация летящей стаи птиц.

Тогда становится очевидной причина использования обитателями стоянки Рудня-1 посуды с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками, острым или закругленным дном, по форме, напоминавшей яйцо, как первородного символа. Знак «яйца», очевидно, присутствует и среди других мотивов орнамента. Так, на внутренней поверхности дна одного из руднянских сосудов с помощью ямочных вдавлений был создан узор, стилизованный в виде ромба. Такие знаки в придонной части встречаются и на других стоянках верхнеднепровской культуры, изученных в Посожье.

Однако находки керамики с изображением птицы на стоянке Рудня-1 не единственный пример первобытного искусства, отражения религиозных представлений населения верхнеднепровской культуры. На керамике неолитической стоянки *Струмень* в урочище *Нараг* сохранилось стилизованное антропоморфное изображение. В коллекции отдельных стоянок (*Струмень (Лоша-1)*, *Рудня-1*, *Старый Дедин-4*) присутствуют находки фигурного кремня. По своей форме эти изделия напоминают «рыбу» (Рудня-1) и водоплавающую птицу (Старый Дедин-4).

В жизни верхнеднепровских племен особую роль играли присваивающие формы хозяйства, основанные на добыче диких животных, ловли рыбы, собирательстве. Отсутствие на стоянках орудий из кости и рога оставляет открытым вопрос об основных объектах охоты «верхнеднепровцев». Находки терочников для растирания семян и зерен растений являются показателем усложнения собирательства. На позднем этапе развития культуры к этим занятиям, очевидно, добавляются земледелие и скотоводство, о чем свидетельствуют находки орудий труда (серпы, рубящие орудия, орудия для копания и обработки земли), отпечатки злаков на керамике, стиль орнаментации посуды.

На верхнеднепровских стоянках обнаружены остатки округлых или овальных жилищ, пол которых был углублен в материк на 0,50–1 м. На территории Могилевского Посожья (стоянка *Старый Дедин-4*, возможно, *Рудня-1*) встречается тип овальных жилищ-землянок, попасть в которые можно было через пристроенный к ним тамбур (коридор). Внутри жилища или возле него располагались очаги и хозяйственные ямы. Встречаются также остатки производственных мест по обработке кремня.

В материалах культуры выделено несколько локальных вариантов. Каждый из них характеризуется своими отличительными признаками в орнаментации керамики и распространении отдельных типов орудий труда. На основании этого В.П. Третьяков выделил четыре локальных группы верхнеднепровской культуры: смоленскую, могилевско-гомельскую, гомельскую, киевско-черниговскую. В материалах позднего этапа культуры Е.Г. Калечиц выделила три локальных варианта – верхнесожский, среднесожский и деснинский.

Сложно решается вопрос о происхождении верхнеднепровской культуры. Если раньше генезис верхнеднепровского неолита связывали местным мезолитом (И.М. Тюрина, Н.Н. Гурина), а затем конкретно с сожской (Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытин) или днепро-деснинской (В.П. Ксензов) культурами, то теперь, после пересмотра материалов этих мезолитических культур, вопрос о генезисе верхнеднепровских древностей приобретает свою актуальность. Обнаруженное для мезолита региона культурное многообразие, отрицание возможности существования сожской и днепро-деснинской культур (А.В. Колосов), осложняет поиск того генетического компонента (компонентов), который мог сыграть ключевую роль в формировании неолита рассматриваемой территории. Отдельные исследователи (Д.Я. Телегин) считают выделение верхнеднепровской культуры преждевременным. Материалы культуры они рассматривают в рамках отдельного локального (верхнеднепровского) варианта днепро-донецкой культуры.

В конце III – начале II тыс. до н.э. верхнеднепровская культура уступает свое место появившейся здесь среднеднепровской культуре. Каким образом могла произойти смена культур, какой характер носили взаимоотношения между местной верхнеднепровской и пришлой среднеднепровской культурами – все это является темой отдельного научного исследования. Не исключено, что население верхнеднепровской культуры могло быть ассимилировано «среднеднепровцами». Это хорошо прослеживается в стиле орнаментации верхнеднепровской керамики позднего этапа, заимствованном от средне-

²⁰¹ Рекомендую обратить внимание, напр., на следующее издание: Калевала / пер. Л. П. Бельского. – Ленинград : Лениздат, 1984. – 574 с.

днепровской культуры. Часть верхнеднепровского населения также могла стать одним из субстратов в формировании культурного облика среднеднепровских племен, обитавших в Верхнем Поднепровье.

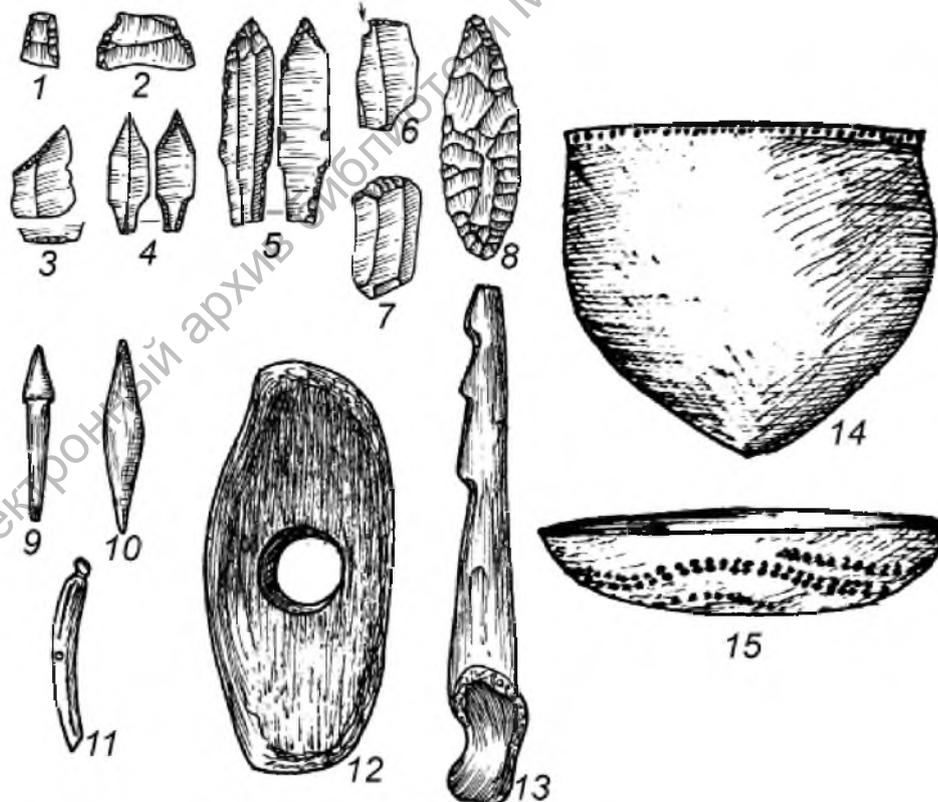
Нарвская культура. В 1950-е гг. Л.Ю. Яанитс и Н.Н. Гурина по материалам стоянок бассейна р. Нарва в Эстонии обнаружили особый тип керамики. Дальнейшее изучение памятников позволило Н.Н. Гуриной в 1960-е гг. выделить отдельную нарвскую культуру. На территории Беларуси материалы по этой культуре введены в научный оборот благодаря работам М.М. Чернявского.

В V–IV тыс. до н.э. ареал культуры охватывал практически всю Восточную Прибалтику, распространялся на юго-западе совр. Ленинградской области, до южного побережья Ладожского озера. Южная периферия нарвской культуры охватывала бассейн р. Западная Двина в пределах Северной Беларуси и запада Псковской области Российской Федерации.

Нарвская культура представлена двумя основными типами памятников – остатками поселений и отдельными захоронениями. Поселения обычно располагались на возвышенных берегах водоемов – озер, в устьях небольших рек или у их истоков. Отдельные стоянки с течением времени оказались затоплены водой, что привело к консервации культурных отложений, залегающих в слое торфа, и хорошей сохранности находок из материалов органического происхождения – кости, рога, дерева.

На некоторых стоянках сохранились остатки наземных жилищ четырехугольной формы площадью до 20–35 кв. м. Постройки обычно располагались по линии берега²⁰². Стены жилищ возводились из жердей, отдельные постройки имели столбовую конструкцию. Внутри жилища находился очаг, обустроенный на специальной подсыпке из песка, коры и древесной стружки. Кровлей жилища служила двух- или четырехскатная крыша.

Нарвская культура формировалась в условиях дефицита кремневого сырья. В основной части ареала обитания «нарвцев» месторождения кремня практически неизвестны. Особенность индустрии культуры заключается в использовании разных пород камня (кварцит, сланец) или местного кремня низкого качества. Среди кремневых орудий выделяются короткие или длинные листовидные наконечники стрел, обработанные с двух сторон плоской ретушью, различные скребки, резцы, проколки и рубящие орудия. Население нарвской культуры было знакомо с техникой шлифования, о чем свидетельствуют находки отдельных орудий (тесла и долота) из кости и камня с пришлифованным лезвием.

Нарвская культура

Кремневый инвентарь: 1–3 – трапеции; 4–5, 8 – наконечники стрел; 6 – резец; 7 – скребок.

Изделия из кости и рога: 9–10 – наконечники стрел; 11 – подвеска; 12 – мотыга; 13 – гарпун.

Керамика: 14 – горшок; 15 – миска

²⁰² На торфяниковой стоянке *Сарнаге* (Латвия) были вскрыты остатки 31 жилища нарвской культуры. Постройки были рассредоточены почти на 1 км вдоль береговой линии Сарнатского озера.

Недостаток в каменном сырье компенсировался широким использованием кости, рога и дерева. Именно они дают наглядное представление о повседневной жизни и занятиях нарвского населения. Основу хозяйства нарвской культуры составляли охота, рыболовство и собирательство. Охотники приречных районов специализировались на добыче лесных видов животных – дикого кабана, лося, благородного оленя, косули, медведя, бобра. На морском побережье нарвское население охотилось на тюленя. Верным спутником нарвских охотников являлась собака.

Примером охотничьей деятельности «нарвцев» являются находки охотничьего оружия и его составляющих элементов – многочисленные наконечники стрел из кремня, костяные наконечники стрел и копий биконической, игловидной и листовидной формы, одно- и двухрядные гарпуны, кинжалы. Известны находки луков размером от 0,56 до 1,14 м. На некоторых из них сохранились остатки тетивы. Есть находки деревянных копий длиной до 1,2–1,8 м с заостренным концом, который для прочности дополнительно обожжен на костре. Нарвские охотники в процессе добычи могли также использовать бумеранг и пращу.

Не маловажную роль играло рыболовство, подтверждением чему служат находки костей и чешуи рыб (щука, лещ, сом) и снастей для лова рыбы – рыболовных крючков, поплавков из коры дерева, вершей из лучин хвойных деревьев (сосна), сетей из липового лыка, каменных грузил, обмотанных берестой. В качестве транспорта использовали лодку, выдолбленную из цельного бревна лиственных пород деревьев (например, дуба). Длина отдельных лодок доходила до 8 м (стоянка *Сарнате* в Латвии). На некоторых поселениях обнаружены весла.

Рацион питания «нарвцев» дополняли продукты собирательства. Единственным источником информации по этому виду деятельности служат находки сохранившейся скорлупы от водяных и лесных орехов и колотушки для их разбивания. Очевидно, в пищу могли использовать корни растений, о чем говорят находки мотыг для копания.

Кость, рог и дерево использовались «нарвцами» для создания целого ряда предметов, необходимых в быту и повседневной жизни – деревянные ковши, ложки, палки-мешалки для приготовления пищи, блюда и сосуды, повторяющие форму керамических, роговые топоры, мотыги для копания, шилья, иглы, в том числе для плетения сетей и т.д.

Керамическая посуда нарвской культуры представлена двумя основными типами – остродонные горшки, напоминавшие по форме половину яйца, и небольшие овальные миски с уплощенным дном, отдельные из которых могли использоваться в качестве ламп. В тесто глины перед лепкой добавляли толченые раковины и растительность, что является одной из характерных особенностей нарвской керамики. Есть свидетельства об использовании в качестве отощителя птичьего помета (стоянка *Звезде* в Латвии).

В целом сосуды нарвской культуры имеют прямой или слегка отогнутый наружу венчик. Поверхность горшков снаружи и особенно изнутри выравнена расчесами гребня. Орнамент нарвских сосудов достаточно прост: он состоит из коротких насечек, оттисков гребенки, ямчатых наколов, прочерченных косых линий, линий, образующих сетку.

В материалах нарвской культуры известны остатки захоронений человека. Отдельные из них исследованы в могильнике *Звейниэки* (Латвия), есть погребения на стоянке *Нарва-1* (Эстония). Могилы устраивали в ямах на небольшой глубине до 0,30–0,40 м. Умерших хоронили на спине головой на запад или восток, иногда на север. Тела умерших обильно посыпали охрой. В могилах присутствуют находки костяных орудий и оружия (гарпуны, наконечники стрел и копий), просверленные зубы хищников, которые явно были нашиты на головной убор. Известно захоронение ребенка в центре жилища на стоянке *Сарнате*. У ног погребенного был поставлен сосуд.

На территории Беларуси обнаружены остатки поселений. Наиболее выразительные материалы получены в результате раскопок стоянок *Заценье*, расположенной на р. Цна (бассейн Березины), *Сосенка-3* на р. Вилия и *Осовец-4* (Кривинский торфяник, Бешенковичский район Витебской области). Возможно, недалеко от стоянки *Осовец-4* могли существовать грунтовые захоронения, уничтоженные во время земляных работ.

В качестве сырья для производства орудий использовался разносортный кремень, принесенный из верховьев Немана и бассейна р. Сож. Среди находок: продукты расщепления кремня и орудия из него – скребки, резцы, проколки, ланцетовидные острия, пластины-вкладыши, наконечники стрел и копий, единичны микролиты (трапеции). Присутствие в коллекциях стоянок ланцетовидных острий, трапеций, орудий из правильно ограненных пластин свидетельствует о сохранении некоторых мезолитических черт в технике обработки камня.

На стоянках нарвской культуры Беларуси обнаружены также находки из кости и рога – наконечники стрел биконической и игловидной формы, костяные кинжалы, шилья, проколки, топоры, тесла и мотыги,

гарпуны и рыболовные крючки. В коллекциях стоянок есть находки украшений из зубов диких животных с нарезками в коревой части для подвязывания. Не исключено, что «нарвцы» могли владеть навыками возделывания земли, о чем свидетельствуют находки пыльцы зерен пшеницы на стоянке Зацење.

Керамика нарвской культуры, обнаруженная на памятниках Северной Беларуси, представлена остродонными горшками невысокой формы. В тесте керамики присутствуют толченые раковины и растительность. Поверхность сосудов выровнена расчесами гребня и орнаментирована оттисками гребенки, короткими насечками, ямчатыми наколами, прочерченными линиями.

Происхождение нарвской культуры связывают с предшествовавшей ей кундской мезолитической культурой. Отдельные исследователи в качестве одного из генетических предков нарвской культуры рассматривают культуру эртебёлле Центральной и Северной Европы (Н.Н. Гурина). По мнению белорусских исследователей (М.М. Чернявский, В.П. Ксензов, В.С. Обуховский), в формировании нарвской культуры Северной Беларуси могло принять участие население, оставившее памятники нарочанского типа (нарочанской культуры), сочетавшие в себе традиции кундской и яниславицкой культур. На основании этого делается вывод, что памятники нарвской культуры Белорусского Подвинья могут представлять собой локальный вариант или отдельную культуру²⁰³.

Период освоения нарвским населением Северной Беларуси приходится на V – середину IV тыс. до н.э. По радиоуглеродным датам, полученным для стоянок Осовец-4 и Зацење, присутствие нарвской культуры может быть отнесено к началу V тыс. до н.э., что не исключает более раннего появления ее памятников на территории Беларуси²⁰⁴.

Дальнейшее развитие традиции нарвской культуры получают во второй половине IV тыс. до н.э. В это время население культуры стало испытывать сильные влияния со стороны пришедшей с севера культуры гребенчато-ямочной керамики, что привело к появлению еще одной культуры – усвятской.

Усвятская культура. Культура выделена в 1970-е гг. А.М. Микляевым по материалам стоянок верховьев Западной Двины в пределах Псковской области – *Усвяты-4, Сертея, Наумово*. На территории Беларуси памятники усвятской культуры были известны еще в межвоенный период (К.М. Поликарпович). Однако свою огласку это культурное явление получило сравнительно недавно благодаря работам М.М. Чернявского и Э.М. Зайковского. До этого материалы памятников рассматривали в контексте позднего этапа нарвской культуры.

В принципе, как и памятники нарвской культуры, усвятские древности характеризуются практически теми же приемами обработки кремня (камня) и органических материалов. На поселениях присутствуют почти все известные до этого типы орудий из кремня, камня, кости, рога и дерева. Единственное отличие – в усвятской культуре каменная и костяная индустрии окончательно приобретают присущие ей неолитические черты. Поэтому не случайно отдельные исследователи усвятскую культуру рассматривают в качестве локального варианта нарвского культуры и видят в ней продолжение развития традиций этого древнего этнокультурного единства.

Усвятская культура известна по материалам поселений. На территории Беларуси наиболее выразительные материалы получены на стоянках Кривинского торфяника – *Осовец-2* (Бешенковичский район Витебской области) и *Головск (Кривина-1)* (Сенненский район Витебской области), *Схема-1* (на одноименной реке, между озерами Мясра и Нарочь, на территории Мядельского района Минской области).

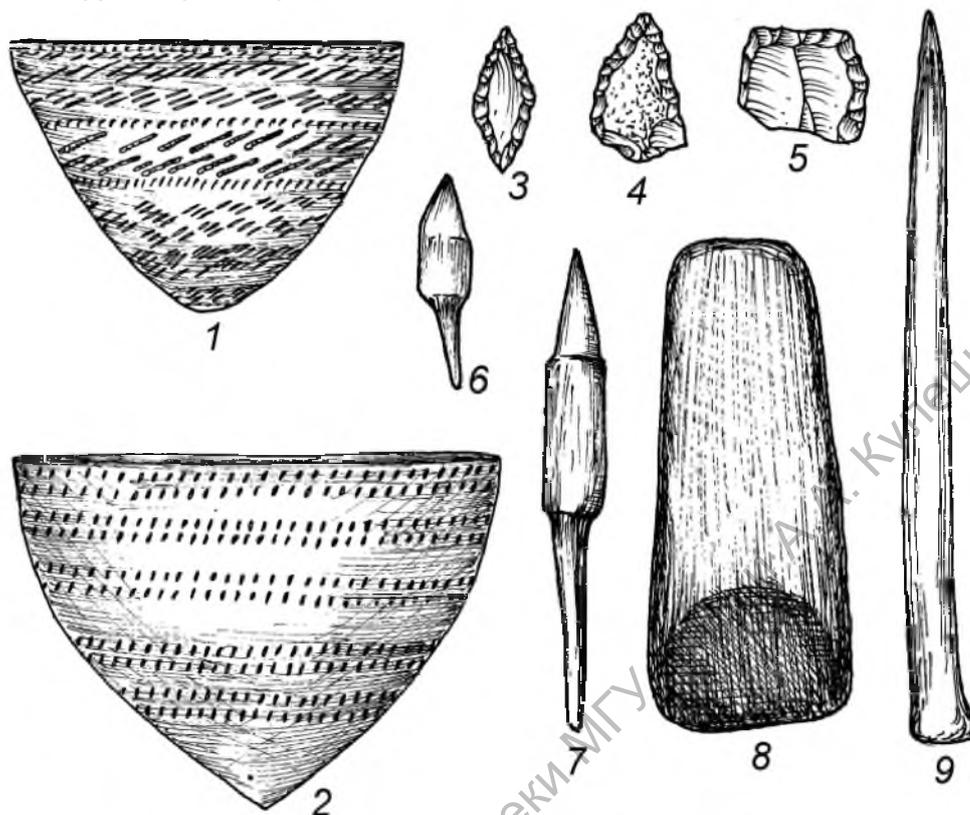
В усвятской культуре известны остатки жилищ площадью до 25 кв. м. Некоторые постройки, возможно, могли быть возведены на сваях. Остатки захоронений в усвятской культуре не обнаружены, хотя присутствие на стоянках мелких фрагментов человеческих костей и черепа (в *Осовце-2* найдена нижняя челюсть), скорее всего, является свидетельством существовавшей практики каннибализма среди населения усвятской культуры. Возможно, она осуществлялась при совершении каких-то ритуальных действий.

Каменная индустрия усвятской культуры основана на использовании разного по качеству и цвету кремня, принесенного извне. Недостаток в нем восполнялся либо другими породами камня (кварцита), либо широким употреблением материалов органического происхождения – кости, рога и дерева. Среди находок из кремня (камня) встречаются скребки, резцы, проколки, ножи; листовидные и треугольные с выемкой в основании наконечники стрел, обработанные с двух сторон плоской ретушью; рубящие орудия – топоры, тесла и долота. О технике обработки кремня свидетельствуют находки каменных (кварцитовых, кремневых, роговых) отбойников и ретушеров.

²⁰³ На основании этого М.М. Чернявский не исключает возможность выделения в Северной Беларуси *кривинского локального варианта* нарвской культуры или *кривинской культуры*.

²⁰⁴ По нагару одного из фрагментов керамики стоянки Зацење была получена дата – 5480–5340 гг. до н.э., удвевнившая возраст памятника почти на тысячу лет. По этому поводу см.: *Зайцева, Г.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита Беларуси и сопредельных территорий / Г. Зайцева, М. Чернявский, П. Долуханов, И. Езепенко, Г. Посснерт // *Acta Archeologica Albaruthenica* / уклад. М. А. Плавински, В. М. Сідаровіч. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2008. – Vol. III. – С. 77–88.

Значительное число находок образуют изделия из кости и рога – наконечники стрел игловидной и биконической формы, наконечники копий, редкозубые и однорядные наконечники гарпунов и острог, кинжалы, рыболовные крючки, шилья и проколки, ретушеры, мотыги, топоры и муфты для вставок кремневых лезвий, долотовидные орудия, орудия с заострением на конце и т.д. Лезвийная часть отдельных орудий пришлифована.

Усвятская культура

Керамика: 1–2 – горшки. Кремневый инвентарь: 3–4 – наконечники стрел; 5 – скребок.

Изделия из кости и рога: 6–7 – наконечники стрел; 8 – топор; 9 – острие

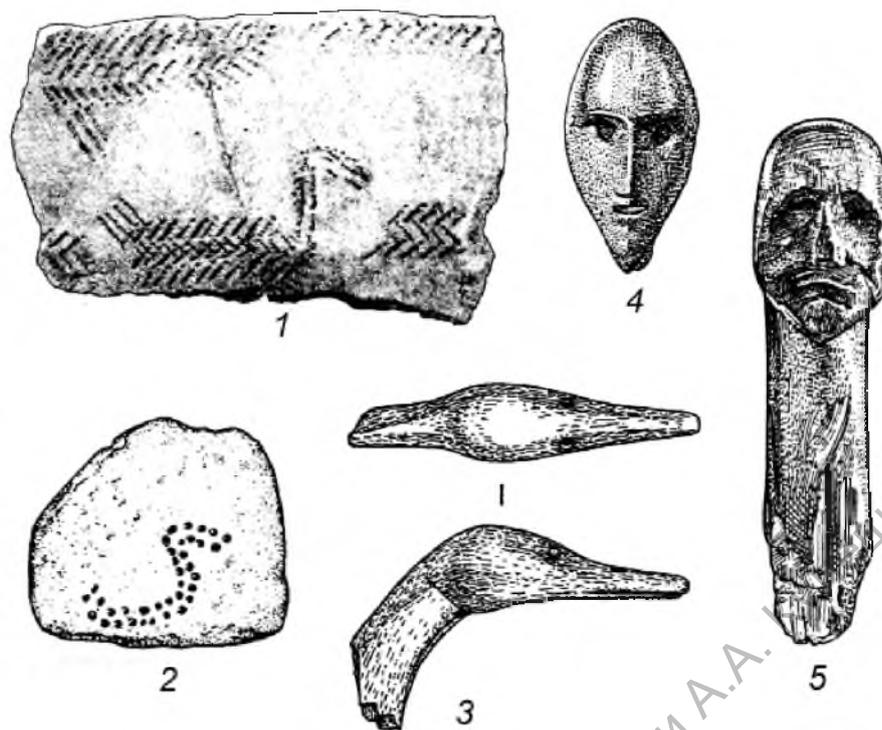
Керамика усвятской культуры представлена остродонными горшками и мисками с коническим, закругленным и слегка уплощенным дном. Венчик сосудов имеет характерное утолщение. В тесте керамики присутствуют примеси толченой ракушки, растительных остатков, дресвы и шамота. Форма будущего сосуда создавалась с помощью глиняных лент, которые накладывались друг на друга встык. Перед обжигом стенки сосуда выравнивались и укреплялись многократными ударами дощечки. Затем поверхность горшка тщательно заглаживались.

Керамика усвятской культуры декорировалась поясами из вертикальных и косых насечек, наколов, образующих елочные композиции и ромбы, ямчатых и гусеничных вдавлений, оттисков гребенки, прочерченных линий в виде кривой сетки. В качестве орнамента использовали край лопаточки или раковины моллюска, ногтевые вдавления, зубчатый штамп из кости, оттиски шнура или веревочки, что, в последнем случае, говорит о влиянии на усвятскую культуру пришлых групп круга культур шнуровой керамики.

На стоянках *Кривина-1* и *Осовец-2* обнаружены фрагменты керамики с изображениями водоплавающей птицы²⁰⁵. В *Кривине-1* образ птицы передан схематично двойной линией ямчатых наколов. На стоянке *Осовец-2* орнитоморфные изображения выглядят более реалистичными: косыми оттисками широкозубого штампа неолитический художник запечатлел птиц, плывущих по воде, соблюдая пропорции их тела, шеи, головы и хвоста.

Тема водоплавающей птицы присутствует и в мелкой художественной пластике из кости и дерева. Ручки деревянных ковшей и ложек также стилизованы в виде голов птиц. Среди других примеров первобытного искусства следует отметить находки скульптурных изображений змеи, лося, выдры, медведя, рыб и самого человека. На стоянке *Осовец-2* обнаружены фрагменты скульптур, сохранивших более-менее реалистичные изображения мужских черт лица.

²⁰⁵ Подробнее см.: *Чарняўскі, М.* Выявы птушак на кераміцы ў першабытнай культуры Беларусі / *М. Чарняўскі* // *Acta Archeologica Albaruthenica* / уклад.: *М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч.* – Мінск : *І. П. Логвінаў*, 2008. – Vol. III. – С. 67–76.

Усвятская культура

Фрагменты керамики с изображением водоплавающей птицы: 1 – Осовец-2; 2 – Кривина-1.
Скульптурные изображения из кости: 3–5 – Осовец-2

Предметы искусства дополняются находками украшений – подвесок из зубов диких животных с просверленными отверстиями. Есть украшения из янтаря, принесенного с территории Прибалтики – подвески вытянутой и трапециевидной формы, орнаментированные точками, пуговицы, пронизки, кольца (шайбы). Вещи из янтаря часто встречаются в жилищах близ очага. На территории Беларуси украшения из янтаря найдены на стоянках *Осовец-2* и *Кривина-1*.

Судя по радиоуглеродным датам стоянок *Осовец-2* и *Кривина-1*, усвятская культура в Северной Беларуси развивалась от конца IV – до середины – конца III тыс. до н.э. Она была оставлена населением, жизнь которого была основана на эксплуатации природных ресурсов в процессе охоты, рыболовства и собирательства. В конце существования культуры появляются признаки производящего хозяйства. На некоторых стоянках обнаружены кости домашних животных – овцы, козы, быка, свиньи. Находки серповидных ножей из кремня, присутствие пыльцы злаков (пшеница²⁰⁶, просо) могут указывать на знакомство населения с земледелием.

Есть мнение, что навыки ведения производящего хозяйства были унаследованы усвятским и поздненарвским населением от пришлой культуры шаровидных амфор и появившихся здесь в середине – конце III тыс. до н.э. групп земледельцев и скотоводов круга культур шнуровой керамики. В итоге это привело к угасанию усвятской культуры, место которой в конце III тыс. заняла северобелорусская культура.

Культура гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская культура). Материалы этой культуры впервые были описаны в 1930-е гг. финским исследователем А. Европеусом-Яоряпя. Само же название культуре было дано в 1950-е гг. эстонским ученым Л.Ю. Яанитсом по характерному признаку орнамента керамики посуды.

Ядро культуры гребенчато-ямочной керамики находилось на территории Юго-Восточной Финляндии, Эстонии, Латвии. Оно сформировалось в результате миграций населения с востока – Приладожья, верховьев Волги и Оки. В область распространения культуры также включают совр. Ленинградскую и Новгородскую области. Ко второй половине IV – началу III тыс. до н.э. население культуры гребенчато-ямочной керамики освоило восток Литвы и появилось в Белорусском Поозерье.

На территории Беларуси начало изучения памятников культуры гребенчато-ямочной керамики восходит к 1960-м гг. и связано с работами И.М. Тихоненкова и М.М. Чернявского. В последующие годы стоянки культуры гребенчато-ямочной керамики изучали М.М. Чернявский, Э.М. Зайковский, Макс.М. Чернявский. Выразительные материалы получены на стоянках *Скема-1* и *Скема-2*, рас-

²⁰⁶ Пыльца пшеницы присутствует в палинологических спектрах стоянки *Осовец-2*.

положенных на р. Скема между озерами Нароч и Мястра в Мядельском районе Минской области, стоянке *Кочерги* на оз. Мястра, поселении *Кронштат* на озере Берешча в Лепельском районе и стоянке на оз. *Задевское* в Поставском районе Витебской области.

Поселения располагались у стоячей воды, на берегах озер или малых рек, в приустьевых участках водоемов. На некоторых стоянках сохранились остатки наземных жилищ овальной или округлой формы с очагом внутри. В центре отдельных жилищ иногда просматриваются следы от опорных столбов, поддерживавших кровлю – стены жилища, сходящиеся под определенным углом к потолку. Известны остатки открытых кострищ и очагов, рядом с которыми располагались хозяйственные ямы.

На площади поселений находят многочисленные орудия из камня (кремня), в меньшей мере из кости и рога. Среди кремневых орудий встречаются концевые, двойные и округлые скребки, угловые и ретушные резцы, проколки, ножи, наконечники стрел овальной, листовидной и ромбовидной формы, заданной путем двухсторонней обработки, наконечники копий, топоры овальной формы, тесла. Заготовками для орудий служили в основном отщепы и редко пластины, которые шли на изготовление режущих орудий. Заметно стремление использовать высококачественный кремль и другие породы камня – кварц (скребки, проколки), сланец (рубящие орудия) и песчаник (пилки).

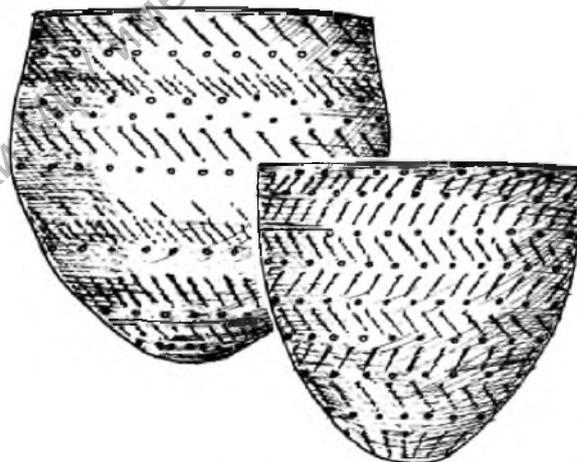
В материалах культуры гребенчато-ямочной керамики известны находки костяных и роговых орудий – биконические наконечники стрел с выделенным черешком, кинжалы, ножи, шилья, иглы для вязания сетей, мотыги. Среди деревянных изделий можно отметить находки ковшей, колотушек, есть поплавки из коры и бересты. На стоянках и в отдельных захоронениях найдены украшения из зубов животных, шиферные кольца. Есть находки из янтаря – плоские кольца (шайбы) и пуговицы с V-образным отверстием.

Посуда представлена горшками яйцевидной формы с закругленным дном. Край венчиков утолщен и сведен внутрь сосуда. В тесто глины при лепке сосудов добавляли песок и дресву (обычно толченый кварц). Перед обжигом поверхность посуды тщательно заглаживалась, затем наносился орнамент.

Основными элементами орнамента являлись оттиски гребенки, округлые или овальные ямки конической формы, что дало культуре соответствующее название. С помощью этого, казалось бы, элементарного набора оттисков создавались не столь простые композиции орнамента. Наиболее типичные из них – это попеременно чередующиеся пояса из оттисков гребенки и ямочных вдавлений. Встречаются также мотивы из зигзагообразных линий, диагональных полос, ромбов. В качестве элементов для этих «фигур» использовались все те же гребенка и ямки. На отдельных сосудах встречаются изображения водоплавающей птицы и человека.

С появлением культуры гребенчато-ямочной керамики произошли заметные изменения в этнокультурной ситуации. Считают, что население этой культуры оказало заметное влияние на целый ряд культур эпохи неолита лесной полосы Восточной Европы. Материалы отдельных из них известны на территории Беларуси. Распространение во второй половине IV – начале III тыс. до н.э. на нарвской, а затем усвятской глиняной посуде мотивов из гребенчатых и гусеничных оттисков, венчиков с характерным утолщением является прямым доказательством воздействия со стороны культуры гребенчато-ямочной керамики. И наоборот: примесь толченой ракушки в керамике, следы расчесов на внутренней поверхности сосудов демонстрируют очевидные влияния нарвской культуры на культуру гребенчато-ямочной керамики. Результатом этого культурного взаимодействия, как мы помним, стало появление в Западном Подвинье усвятской культуры.

О характере межкультурных связей свидетельствуют грунтовые захоронения культуры гребенчато-ямочной керамики. Умерших хоронили по обряду вытянутого труположения. Могилы обильно посыпали охрой, в отдельные захоронения клали вещи – орудия труда и оружие из кремня (каменя), украшения. Изучение костных останков показало, что погребенные в могилах люди сочетали в себе черты мезокранного антропологического типа с монголоидной примесью (здесь этот тип является преобладающим) при участии долихокранного. Первый тип – мезокранный – представляет людей с широким, несколько уплощенным, средневысоким или низким лицом. Этот тип связывают с потомками населения, проживавшего на западе Приладожья. Долихокранный тип, соответствующий европеоидам с высоким лицом, связывают с местной нарвской культурой.

Керамическая посуда культуры гребенчато-ямочной керамики

Племена культуры гребенчато-ямочной керамики входили в область формирования финно-угорской этнокультурной общности. Их рассматривают в качестве предка западной (прибалтийской) ветви финнов. Присутствие этой этнической группы фиксируют сохранившиеся до сих пор на севере Беларуси многочисленные топонимы финно-угорского происхождения. Свою роль в генезисе прибалтийской группы финнов могло сыграть и население усвятской культуры.

Не исключено, что с появлением культуры гребенчато-ямочной керамики следует связывать распространение орнитоморфной тематики. Позднее древний миф о водоплавающей птице будет запечатлен не только в мелкой художественной пластике или украшениях, но и финно-угорском эпосе о сотворении мира и Вселенной.

Памятники типа Бабиновичи. На востоке Витебского Подвинья, в верховьях Ловати и Друти, Э.М. Зайковским выделена группа неолитических стоянок типа Бабиновичи – *Бабиновичи-1* и *2* (Лизненский район), *Лавки* (Чашницкий район), *Заречье-1* (Белыничский район), *Межа-1* (Городокский район). История памятников этого культурного типа восходит к середине V – началу IV тыс. до н.э. Она связана с появлением керамической посуды, имеющей закругленное и утолщенное дно, украшенной наколами, насечками, ямками и оттисками гребенки. Аналогии такой керамики встречены в материалах верхневолжской культуры. Среди орудий из кремня на памятниках типа Бабиновичи встречены скребки, резцы, скребла, изделия с выемкой, проколки, грубооббитые топоры, многочисленные вкладыши из сечений пластин, трапеции и сегменты. Обнаружены наконечники стрел с коротким и выделенным со стороны спинки черешком, наконечники с боковой выемкой, наконечники листовидной и ромбовидной формы. Дальнейшее развитие памятников бабиновичского типа во второй половине IV – конце III тыс. до н.э. проходило под влиянием нарвской культуры (находки керамики с оттисками гребенки, ямок, наколов отступающего орнамента, насечек).

В начале – середине III тыс. до н.э. на территории Центральной и Восточной Европы распространяются культуры, объединенные общими принципами ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства, характером обработки орудий из камня и изготовления керамической посуды, традициями погребальной обрядности, основанной на ингумации и кремации умерших в грунтовых и курганных захоронениях. С этими культурами фиксируется начало употребления орудий из меди. Расселение земледельцев и скотоводов в лесной полосе Восточной Европы привело к изменению этнокультурной ситуации²⁰⁷.

На территории Беларуси эти перемены связывают с появлением культуры шаровидных амфор, а несколько позднее – круга культур шнуровой керамики. Памятники первого культурного явления – *культуры шаровидных амфор* – в конце IV – III тыс. до н.э. занимали огромные пространства Центральной и Восточной Европы: от междуречья Эльбы и Вислы на западе до верховьев Днепра на востоке. Северная граница культуры шла вдоль побережья Балтийского моря, охватывая Ютландию и бассейн р. Неман. Южная периферия памятников культуры шаровидных амфор ограничивалась междуречьем рр. Прут и Серата (притоки Дуная). В территориальном отношении памятники культуры шаровидных амфор известны в Германии, Польше, Беларуси, Юго-Западной Литве, Латвии, Северной Украине, Чехии и Румынии.

Культура выделена в 1900 г. немецким археологом А. Гётце по характерному типу керамической посуды – сосудов с округлым туловом и короткой шейкой; на плечике могут сохраняться два – четыре ушка для подвешивания горшков. Материалы культуры шаровидных амфор встречены на двух основных типах памятников – поселениях и погребениях. Поселения располагались на возвышенных участках холмов; некоторые из них дополнительно были укреплены по периметру. На площади поселений обнаружены остатки наземных прямоугольных жилищ столбовой конструкции или полуземлянок с обмазанными глиной стенами. Постройки состояли из двух, в отдельных случаях трех помещений. Общая площадь жилищ составляла от 14 до 50 кв. м. Внутри жилищ обнаружены остатки очагов, обложенных камнями.

Погребальные памятники представлены одиночными захоронениями или могильниками, состоящими из двух – пяти погребений. Захоронения совершены в ямах, обложенных камнями или в *цистах* – своеобразных ящиках, сложенных из каменных плит. Умершие погребены по обряду скорченного труположения. Известна также неполная кремация тел покойников. В могилах встречаются находки керамических сосудов, кремневых топоров, украшений. Известны примеры ритуального захоронения домашних животных.

Основу хозяйства «шаровидников» составляли скотоводство, основанное на разведении свиней, крупного и мелкого рогатого скота, лошади, и земледелие, связанное с возделыванием окуль-

²⁰⁷ Рекомендую обратить внимание на статью: Чебрешук, Я. К исследованию среднеевропейских факторов процесса культурных перемен в лесной полосе Восточной Европы в III тыс. до н.э. / Я. Чебрешук, М. Шмит // Гістарычна-археалагічны зборнік: зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 18. – С. 34–51.

туренных злаков. Вспомогательную роль играла охота на копытных животных – благородного оленя, лося, дикого кабана.

По материалам поселений и захоронений культуры шаровидных амфор известны находки наконечников стрел треугольной, листовидной и ромбовидной форм, шлифованные клиновидные топоры четырехугольного сечения (отдельные орудия имеют просверленные отверстия), узкие долота, скребки, резцы, ножи, проколки, зернотерки. Встречены вещи из кости и рога – топоры, мотыги, кинжалы, веретеновидные наконечники стрел и дротиков, стамески, иглы. Население культуры шаровидных амфор было знакомо с медью, о чем свидетельствуют находки шильев и кинжалов. Встречаются также украшения из меди, янтаря, просверленных зубов диких животных и раковин.

Керамика культуры шаровидных амфор представлена горшками, кубками, мисками. Особенно выразительны сосуды с шаровидным туловом, плоским или округлым дном. Поверхность керамики украшена вертикальными и диагональными оттисками линейного (прямоугольного) штампа, наколами концом полого и округлого в сечении орнамента (трубчатой кости или палочки), насечками, вдавлениями пальцев. Позднее в декоре посуды стали использоваться оттиски шнура. С помощью этих элементов орнамента создавали композиции в виде горизонтальных линий, фестонов, треугольников.

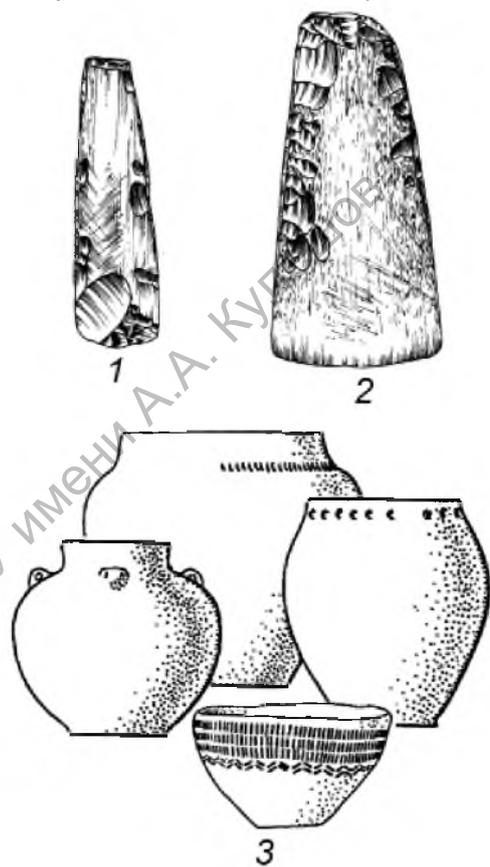
На территории Беларуси исследованы пока только погребения культуры шаровидных амфор. Они известны благодаря открытию в 1971 г. М.В. Веретилу и М.М. Чернявским грунтового могильника из четырех захоронений у г.п. *Красносельский* (Волковысский район Гродненской области) и одиночного погребения, уничтоженного во время земляных работ, у д. *Малые Ёдковичи* Берестовицкого района Гродненской области. В одной из Красносельских могил обнаружено ритуальное захоронение домашних животных – девяти быков, двух овец, козы, свиньи. Анализ костных останков показал, что некоторые животные были убиты ударом в лоб, а один бык – двумя стрелами (костяные наконечники этих стрел найдены в захоронении). В захоронении Малые Ёдковичи обнаружены фрагменты керамики, кремневые изделия и кости свиньи.

Существует мнение, что к культуре шаровидных амфор также может относиться захоронение, обнаруженное в 1860 г. в усадьбе Зыково недалеко от д. Острошицы (Логойский район, Минская область). Вскрытая здесь могила была устроена в яме, обложенной каменными плитами. В ней находилось четыре погребальных урны с остатками кремации и клиновидный топор из кремня.

Для производства орудий население культуры шаровидных амфор использовало местные источники кремневого сырья. Именно с ними связывают начало разработки шахт по добыче кремня в середине III тыс. до н.э. Такие места разработок обнаружены в бассейне р. Россь у г.п. *Красносельский* и д. *Карповцы*. Они представляют собой вертикальные колодцы диаметром около 1,5 м, вырытые на глубину до 2–3 м в зависимости от уровня залегания кремненосной породы. При этом часть добытых кремневых желваков, очищенных от меловой породы, выносилась на поверхность или подвергалась обработке прямо в самих шахтах. Об этом свидетельствуют сохранившиеся остатки очагов и кучи расщепленного кремня, найденные на дне вырытых колодцев.

Стенки выработок сохраняют многочисленные царапины и борозды от землекопных орудий, следы подбоев. Во время исследования шахт такие орудия были найдены – кирки, кайла, копачи. Иногда шахты, расположенные рядом, соединялись штреками – горизонтальными коридорами. Встречены также следы от деревянных стволов с обрубленными сучьями, по которым древние шахтеры могли спускаться в шахтовый колодец или выбираться из него.

Насколько трудоемким был процесс добычи кремневого сырья, об этом свидетельствуют результаты экспериментальных исследований. Установлено, например, что для выемки всего 1 м куб. грунта с помощью тех орудий, которыми пользовались древние шахтеры, и в зависимости от харак-

Культура шаровидных амфор
1 – кремневое долото; 2 – кремневый топор; 3 – керамика

тера выносимой на поверхность породы, затрачивалось от 4 до 8 часов упорной работы. Выяснилось также, что разработка шахтового колодца начиналась деревянными кольями с заостренным и укрепленным на огне концом. Кирки и кайла использовали в выборке желваков из кремненосной породы и разработке подбоев.

В районе действия шахт обнаружены остатки мастерских, в пределах которых находится огромное количество отщепов, пластин, нуклеусов, отбойников, заготовок для орудий – топоров, тесел и долот и др.

Мастерские и шахты эксплуатировались и в более позднее время. Во второй половине III – начале II тыс. до н.э. добыча и переработка кремневого сырья велась населением *круга культур шнуровой керамики*²⁰⁸. С приходом «шнуровиков» на территорию Беларуси начинается этап расселения племен индоевропейского происхождения. К их числу относят отдельные группы населения, проживавшего в Западном Полесье²⁰⁹ и Понеманье. В бассейне р. Неман выделены отдельные локальные группы памятников типа Бершты–Русаково и подгорновского типа. Традиции круга культур шнуровой керамики отчетливо проявляются в материалах среднеднепровской культуры, распространенной в Припятском (Восточном) Полесье и Верхнем Поднепровье. «Шнуровики» оказали влияние на местное население Белорусского Подвинья, что нашло свое отражение в памятниках выделенной там северобелорусской культуры.

Осваивая пригодные для жизни пространства, пришлые группы населения несли с собой новый уклад жизни, подчиненный системе ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. С кругом культур шнуровой керамики, по сути, заканчивается история каменного века и начинается новый период, связанный с употреблением вещей из меди и бронзы.

Основные выводы по главе «Неолит Беларуси». Таким образом, в неолитическую эпоху происходят важнейшие изменения в жизни человеческого общества. Они связаны с изобретением керамики, распространением ткачества, овладением навыками земледелия и скотоводства. Однако на территории Беларуси эпоха неолита имеет ряд особенностей. Одним из главных признаков неолита здесь является появление керамической посуды – лепных сосудов остродонной формы, украшенной поясами ямочных вдавлений, оттисков гребенки, наколов, насечек, нарезных линий и т.д. Использование посуды открыло перед неолитическим человеком возможности хранить запасы продуктов питания, улучшить качество приготовленной на костре пищи путем ее варки.

Изучение неолитических памятников на территории Беларуси и полученных на них находок, в первую очередь керамической посуды, позволило исследователям охарактеризовать отдельные культурные явления. Эпоху неолита представляют материалы днепро-днепровской культуры и выделенного на территории нашей страны ее восточнополесского варианта (культуры); припятско-неманской культуры, неманской культуры, верхнеднепровской культуры, нарвской культуры, усвятской культуры, памятников бабиновичского типа. Судя по находкам, очевидны влияния со стороны отдельных неолитических культур Центральной и Восточной Европы – культуры линейно-ленточной керамики, культуры воронковидных кубков, буго-днестровской культуры, верхневолжской культуры, культуры гребенчато-ямочной керамики, культуры шаровидных амфор, круга культур шнуровой керамики и среднеднепровской культуры.

На протяжении эпохи неолита основу хозяйства проживавшего на территории Беларуси населения составляли охота, рыболовство и собирательство. Однако уже в начале нового каменного века на юго-западе страны фиксируются первые признаки земледелия, в появлении которого свою роль могли сыграть соседние земледельческо-скотоводческие племена. Дальнейшее укоренение производящих форм хозяйства отмечается в III тыс. до н.э. с появлением на территории Беларуси скотоводов и земледельцев культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики.

²⁰⁸ В литературе можно встретить другие варианты обозначения памятников круга культур шнуровой керамики – «культура шнуровой керамики», «культуры шнуровой керамики», «культурно-историческая область культур шнуровой керамики» и др.

²⁰⁹ Отдельные исследователи для территории Припятского Полесья выделили группу (культуру) полесской шнуровой керамики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебные издания

Калечыц, А. Г. Першыя людзі на зямлі Беларусі : дапаможнік / А. Г. Калечыц. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 96 с.

Копытин, В. Ф. Каменный век на территории Белоруссии : учебное пособие / В. Ф. Копытин. – Минск : МГПИ имени А. М. Горького, 1990. – 98 с.

Піваварчык, С. А. Археалогія Беларусі : у 2-х ч. : навучальны дапаможнік для студэнтаў спецыяльнасці Г 05 06 – «Гісторыя» / С. А. Піваварчык, Г. М. Семянчук. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 1996–1997. – Частка 1 : Ад палеаліту да ранняга сярэднявечча. – 1996. – 137 с.

Чарняўскі, М. М. Каменны век Беларусі : ілюстраваны канспект лекцый / М. М. Чарняўскі. – Мінск : Тэхналогія, 2011 – 135 с. : іл.

Справочные и энциклопедические издания

Археалагічныя помнікі Магілёўшчыны: бібліягр. даведнік / склад.: Л. Я. Гурковіч, В. Ф. Капыцін, А. А. Катлёнак. – Магілёў, 1998. – 118 с.

Археалогія Беларусі: паказальнік літаратуры за 1976–1990 гг. / склад. А. У. Ільцюк. – Мінск : Ін-т гісторыі АН Беларусі, 1997. – 612 с.

Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2009, 2011. – Т. 1 : А–К. – 2009. – 496 с.

Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2009, 2011. – Т. 2 : Л–Я – 2011. – 464 с.

Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – 702 с.

Археология Белоруссии : библиогр. указ. (1932–1975) / сост. Т. Н. Коробушкина. – Минск : Госбиблиотека БССР имени В. И. Ленина, Ин-т истории АН БССР, 1988. – 164 с.

Археология каменного века : библиогр. справочник / сост.: А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2010. – 200 с.

Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 3 т. / рэдкал. : Г. І. Гузняцоў [і інш.]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009. – Т. 1. / В. Л. Насевіч (гал. рэд.). – С. 18–27.

Научные и научно-популярные издания

Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси : XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев. – Минск : Беларус. навука, 1996. – 206 с.

Археалогія Беларусі : у 4 т. / рэдкал. : М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1997, 1999–2001. – Т. 1 : Каменны і бронзавыя вякі / Э. М. Зайкоўскі [і інш.]. – 1997. – 424 с.

Вяргей, В. С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР : 1919–1941 гг. / В. С. Вяргей. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.

Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 1. : Старажытная Беларусь : Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с. : іл.

Гурина, Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР / Н. Н. Гурина. – Ленинград : ЛОИА, 1976. – 489 с.

Загорюльский, Э. М. Начало формирования населения Белоруссии : (Дославянский период) / Э. М. Загорюльский. – Минск : РИВШИГО, 1996. – 46 с.

Зализняк, Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л. Л. Зализняк. – Киев : Наукова думка, 1989. – 173 с.

Зализняк, Л. Л. Население Полесья в мезолите / Л. Л. Зализняк. – Киев : Наукова думка, 1991. – 160 с.

Зализняк, Л. Л. Передісторія України X – V тис. до н.е. / Л. Л. Зализняк. – Київ : Бібліотека українця, 1998. – 305 с.

Зализняк, Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л. Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ : Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.

Зализняк, Л. Л. Мезоліт заходу Східної Європи / Л. Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ : Шлях, 2009. – Вип. 12. – 280 с.

Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Белоруссии : памятники каменного века / В. Ф. Исаенко ; под ред. В. Д. Будько, Ф. В. Борисевича. – Минск : Польша, 1968. – Вип. I. – 125 с.

Исаенко, В. Ф. Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко. – Минск : Наука и техника, 1976. – 128 с.

Калечыц, Е. Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии / Е. Г. Калечыц. – Минск : Наука и техника, 1984. – 157 с.

Калечыц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечыц. – Минск : Наука и техника, 1987. – 158 с.

Калечыц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечыц. – Минск : Экоперспектива, 2003. – 223 с.

Калечыц, А. Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 323 с. : іл., карты.

- Каханоўскі, Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г. А. Каханоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 120 с.
- Колосов, А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с. : ил.
- Кольцов, Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики / Л. В. Кольцов. – Москва : Наука, 1977. – 216 с.
- Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев : Могилевское управление по печати, 1992. – 86 с.
- Ксензов, В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск : Наука и техника, 1988. – 134 с.
- Ксензов, В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 158 с.
- Лакіза, В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння / В. Л. Лакіза. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 343 с. : іл.
- Мезолит СССР / Л. В. Кольцов [и др.] // Археология СССР с древнейших времен до средневековья : в 20 т. / под ред. Б. А. Рыбакова. – Москва : Наука, 1989. – 352 с.
- Монгайт, А. А. Археология Западной Европы. Каменный век / А. А. Монгайт. – Москва : Наука, 1973. – 356 с.
- Неолит Северной Евразии / С. В. Ошибкина (отв. ред.) [и др.] // Археология с древнейших времен до средневековья : в 20 т. – Москва : Наука, 1996. – 379 с.
- Очерки по археологии Белоруссии : в 2 ч. / Редкол.: В. Ф. Исаенко [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1970, 1972. – Ч. 1. – 1970. – 272 с.
- Палеолит СССР / П. И. Борисковский [и др.] // Археология СССР с древнейших времен до средневековья : в 20 т. / под ред. Б. А. Рыбакова. – Москва : Наука, 1984. – 384 с.
- Поликарпович, К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович [и др.]; под ред. А. Н. Рогачева. – Минск : Наука и техника, 1968. – 202 с.
- Природа и древний человек : (Основные этапы развития природы, палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене) / Г. И. Лазуков [и др.]. – Москва : Мысль, 1981. – 223 с. : ил., табл., схем., карт., диагр.
- Римантене, Р. К. Палеолит и мезолит Литвы / Р. К. Римантене. – Вильнюс : Минтис, 1971. – 203 с.
- Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithic Problems / А. Н. Сорокин. – Москва : Гриф и К, 2006. – 216 с.
- Сорокин, А. Н. На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Трусов. – Москва : Гриф и К, 2009. – 387 с.
- Телсгін, Д. Я. Дніпро-донецька культура / Д. Я. Телсгін. – Київ : Наукова думка, 1968. – 258 с.
- Третьяков, В. П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР / В. П. Третьяков. – Ленинград : Наука, 1972. – 134 с.
- Третьяков, В. П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы / В. П. Третьяков. – Ленинград : Наука, 1990. – 200 с.
- Формозов, А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР / А. А. Формозов. – Москва : Наука, 1977. – 144 с.
- Формозов, А. А. Древнейшие этапы истории Европейской России / А. А. Формозов; отв. ред. Н. Я. Мерперт. – Москва : Наука, 2003. – 154 с. : ил.
- Чарняўскі, М. М. Неаліт Беларускага Панямоння / М. М. Чарняўскі; рэд. Д. Я. Цялегін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 144 с.
- Чарняўскі, М. М. Старажытныя шахцёры на Росі / М. М. Чарняўскі, В. Я. Кудрашоў, В. Л. Ліпніцкая. – Мінск : Навука і тэхніка, 1996. – 144 с.
- Чарняўскі, М. М. Ілюстраваная гісторыя старажытнай Беларусі / М. М. Чарняўскі. – Мінск : Народная асвета, 1997. – 223 с. : іл.
- Чарняўскі, Макс. М. Касцяныя і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку (неаліт – бронзавы век) / Макс. М. Чарняўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 77 с. : іл.
- Чубур, А. А. Константин Михайлович Поликарпович : жизнь, открытия, ученики / А. А. Чубур. – Минск : Беларус. наука, 2009. – 216 с. : ил. – (Серия «Люди белорусской науки»).
- Чубур, А. А. Палеолит Верхнего Поднепровья : история исследований, экономика, жилище, социум / А. А. Чубур. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 340 с.
- Язэпенка, І. М. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра / І. М. Язэпенка. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2014. – 240 с. : іл.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Основные подразделения четвертичного периода Беларуси

Период	Эпоха	Фаза	Региональная схема подразделения четвертичного периода	Начало периода (тыс. лет)	Археологическая эпоха		
ЧЕТВЕРТИЧНЫЙ (КВАРТЕР)	Голоцен	Ранняя	Судобльское межледниковье (современная геологическая эпоха)	10,2	Мезолит		
	Плейстоцен	Поздняя	Позерское оледенение		110	Поздний палеолит	
			Муравинское межледниковье		127	Мустье	
		Средняя	Припятское оледенение*	Сожская стадия		186	Ашель
				Днепровская стадия		364	
			Александровское межледниковье		427		
			Березинское оледенение		474		
			Беловежский этап	Могилевское межледниковье		528	
				Нижнинское оледенение		568	
				Борковское межледниковье		621	
			Наревский этап	Ясельдинское оледенение		712	
				Карчевское межледниковье		760	
				Новогрудское оледенение		787	
		Брестский этап	Ружанское потепление		800		
			Варяжское похолодание		1240		
Ранняя	Гомельский этап	Ельнинское теплое время		1800			
		Вселюбское холодное время					
Плиоцен	Гелазий	Дворецкое теплое время Альховское холодное время		2600	Олдувай		

* Здесь и далее, полужирным шрифтом выделены ледниковые эпохи (периоды похолоданий), обычным шрифтом – периоды межледниковий (потеплений).

Хронология и периодизация позднеледниковья и голоцена на территории Беларуси

Геологический период	Эпоха	Горизонт	Фаза	Климатический период	Этап	Начало периода	Археологическая эпоха
ЧЕТВЕРТИЧНЫЙ (КВАРТЕР)	Голоцен	Судобльский	Поздняя	Субатлантический	SA-3	1000	Железный век
					SA-2	2000	
					SA-1	2700	
			Средняя	Суббореальный	SB-3	3200	Бронзовый век
					SB-2	4200	
					SB-1	5000	Неолит
				Атлантический	AT-3	6000	
					AT-2	6600	
					AT-1	7800	
			Ранняя	Бореальный	BO-2	9400	Мезолит
					BO-1	9000	
				Пребореальный	PB-2	9800	
					PB-1	10200	
			Плейстоцен	Поозерский (ледниковый)	Поздняя	Дриасовый поздний (дриас-3)	DR-3
	Аллерёдский	AL				11800	
	Дриасовый средний (дриас-2)	DR-2				12100	Поздний палеолит
	Бёллингский	BL				12800	
	Дриасовый ранний (дриас-1)	DR-1				14000	

Абсолютная (радиоуглеродная) хронология памятников каменного века Беларуси²¹⁰

№ п/п	Памятник	Датировка, лет тому назад (BP)	Лабораторный индекс	Культура	Датируемый материал
ПАЛЕОЛИТ					
1	Юровичи	26470±420	ЛУ-125	ВГ (?)	кость
2	Юровичи	25660 +160, -150	GrA-38919 Yurovichi	ВГ (?)	кость
3	Бердыж (Подлужье)	23790±120	GrA-38930 Berdyzh	КАК	кость
4	Бердыж (Подлужье)	23430±180	ЛУ-104	КАК	кость
5	Бердыж (Подлужье)	15100±250	ОхА-716	КАК	кость
6	Ковальцы-4 (нижний слой)	12420±50	GrA-38930 Kovaltsy	?	кость
МЕЗОЛИТ					
7	Большие Бортники	8000±700	Le-7888	?	кость
НЕОЛИТ					
8	Кузьмичи-1	6113±226	Le-8176	ДДК	нагар на керамике
9	Кузьмичи-1	4949±162	Le-8173	ДДК	нагар на керамике
10	Кузьмичи-1	4700±90	IGSB-926	ДДК	дерево
11	Кузьмичи-1	4330±190	IGSB-780	ДДК	кость
12	Кузьмичи-1	3990±70	IGSB-880	ДДК	дерево
13	Кузьмичи-1	3900±300	IGSB-927	ДДК	кость
14	Кузьмичи-1	3810±60	IGSB-879	ДДК	дерево
15	Великие Бортники	5370±130	Ki-15029	ДДК	кость
16	Великие Бортники	3975±700	Le-7889	ДДК	кость
17	Комарин-5	4780±90	Ki-15033	ДДК	почва
18	Прорва-2	4520±190	Ki-9280	ДДК	нагар на керамике
19	Прорва-2	4340±190	Ki-9282	ДДК	нагар на керамике
20	Прорва-2	4270±180	Ki-9281	ДДК	нагар на керамике
21	Прорва-2	4150±80	Le-5020	ДДК	–
22	Прорва-2	4140±110	Ki-9219	ДДК	нагар на керамике
23	Прорва-2	4060±40	Ki-5140	ДДК	–
24	Прорва-2	4010±40	Ki-6206	ДДК	–
25	Прорва-2	3960±40	Ki-6207	ДДК	–
26	Прорва-2	3945±60	Ki-6590	ДДК	нагар на керамике
27	Прорва-2	3920±70	Ki-7519	ДДК	нагар на керамике
28	Прорва-4	3875±100	Ki-9216	ДДК	нагар на керамике
29	Прорва-4	3810±100	Ki-9218	ДДК	нагар на керамике
30	Заценье	6425±60	Ua-34617	НарК	нагар на керамике
31	Заценье	5895±55	Ua-34616	НарК	нагар на керамике
32	Заценье	5625±40	Ki-6214	НарК	–
33	Заценье	5450±75	Le-960	НарК	торф
34	Осовец-4	5860±50	Ki-6213	НарК	–
35	Кривина-3	5290±60	Le-1658	НарК	торф
36	Осовец-2	4900±140	IGSB-779	УсвК	–
37	Осовец-2	4370±50	Ua-34616	УсвК	–
38	Кривина-1	4270±40	Gr-5125	УсвК	–
39	Кривина-1	4180±60	Le-1661	УсвК	торф
40	Войковичи-1	5820±210	Ki-9286	ПНК	уголь

²¹⁰ Использованные данные из: *Зайцева, Г.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита Беларуси и сопредельных территорий / Г. Зайцева, М. Чернявский, П. Долуханов, И. Езеленко, Г. Посснерт // *Acta Archeologica Albaruthenica* / уклад. М. А. Плавинский, В. М. Сидарович. – Минск : І. П. Логвінаў, 2008. – Vol. III. – С. 77–88; *Калечыц, А. Г.* Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 24, 35; *Кривальцевич, Н. Н.* Некоторые результаты археозоологических исследований на неолитическом поселении Кузьмичи 1 (Предполесье Беларуси) / Н. Н. Кривальцевич, А. А. Разлуцкая, В. А. Бахарев // *Человек, адаптация, культура*; отв. ред. А. Н. Сорокин. – Москва : Гриф и К, 2008. – С. 153; *Лакіза, В. Л.* Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння / В. Л. Лакіза. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 343 с.; *Язэпенка, І. М.* Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міхрэчча Бярэзіны і Дняпра / І. М. Язэпенка. – Магілёў : МДУ ім. А. А. Куляшова, 2014. – 240 с.

№ п/п	Памятник	Датировка, лет тому назад (ВР)	Лабораторный индекс	Культура	Датируемый материал
41	Красносельский, шахты № 5, 21	5300±300	Ле-637		уголь
42	Красносельский, шахты	5050±25	ГИН-164		уголь
43	Красносельский, шахты	4310±45	ГИН-148		кость
44	Красносельский, шахты	3590±150	Ле-799		уголь
45	Красносельский, шахты	3510±110	Ле-915		уголь
46	Красносельский, шахта № 12	3370±50	Ле-680		уголь
47	Красносельский, шахты № 2, 3, 12	3190±60	Ле-636		уголь
48	Карповцы, шахты	3350±80	Ле-913		–
49	Карповцы, шахты	3490±70	Ле-914		–
50	Красносельский, погребение № 3	4080±140	Gd-9249	КША	кость

Примечание: ВГ – восточный граветт; ДДК – днепро-донецкая культура; КАК – костенковско-авдеевская культура; КША – культура шаровидных амфор; НарК – нарвская культура; ПНК – припятско-неманская культура; УсвК – усвятская культура.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ	6
Тема 1.1 Начало изучения каменного века в Беларуси. Первые сведения о памятниках в XIX – начале XX в.	6
Тема 1.2 Каменный век Беларуси в исследованиях межвоенного периода (1920–1930-е гг.)	10
Тема 1.3 Изучение каменного века в Беларуси в послевоенные годы и на современном этапе	15
ГЛАВА 2 ПАЛЕОЛИТ БЕЛАРУСИ	25
Тема 2.1 Первоначальное заселение территории Беларуси в раннем палеолите.....	25
Тема 2.2 Поздний палеолит	35
Тема 2.3 Финальный палеолит	43
ГЛАВА 3 МЕЗОЛИТ БЕЛАРУСИ	56
Тема 3.1 Природа и климат раннего голоцена	56
Тема 3.2 Мезолит как историческая эпоха	59
Тема 3.3 Заселение территории Беларуси в эпоху мезолита	61
ГЛАВА 4 НЕОЛИТ БЕЛАРУСИ	79
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	103
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	105